

Элизабет
Таскелл

Now a BBC Programme **BBC**

ЖЕНЫ
и
ДОЧЕРИ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Элизабет Гаскелл

Жены и дочери

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1866

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Гаскелл Э.

Жены и дочери / Э. Гаскелл — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1866

ISBN 978-6-17-122573-2

Даже оставшись незавершенным из-за внезапной смерти Элизабет Гаскелл, ее последний роман признается критиками лучшим из произведений писательницы. Его заключительная часть была дописана журналистом и литератором Ф. Гринвудом по черновикам и письмам Гаскелл, где она делилась планами развития сюжета и дальнейшей судьбы героев. Роман «Жены и дочери» сравнивают с произведениями Шарлотты Бронте, с которой писательницу связывали добрые дружеские отношения. Главная героиня, шестнадцатилетняя дочь провинциального врача Молли Гибсон, чистая, доверчивая и пылкая, на глазах читателя превращается из угловатого подростка в прекрасную юную леди, взрослеет, переживая все муки неразделенной любви. «Жены и дочери» — вершина литературного творчества знаменитой британской писательницы.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-6-17-122573-2

© Гаскелл Э., 1866
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1866

Содержание

Глава 1. Рассвет знаменательного дня	6
Глава 2. Новенькая среди важных людей	13
Глава 3. Детство Молли Гибсон	24
Глава 4. Соседи мистера Гибсона	29
Глава 5. Телячьи нежности	38
Глава 6. Визит в Хэмли	47
Глава 7. Предвестники несчастья	57
Глава 8. Опасность надвигается	63
Глава 9. Вдовец и вдова	73
Глава 10. Кризис	79
Глава 11. Попытка подружиться	92
Глава 12. Подготовка к свадьбе	103
Глава 13. Новые друзья Молли Гибсон	110
Глава 14. Молли берут под покровительство	118
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Элизабет Гаскелл

Жены и дочери

Elizabeth Gaskell
Wives and Daughters

BBC and the BBC logo are trade marks of the British Broadcasting Corporation and are used under licence. Logo © BBC 1996

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2017

Глава 1. Рассвет знаменательного дня

Начнем с детской присказки. В некотором королевстве было одно графство, в этом графстве был город, в этом городе был дом, в этом доме была комната, в комнате была кровать, и на этой кровати лежала маленькая девочка. Она не спала и очень хотела встать, но страшно боялась невидимой стихии в соседней комнате – некоей Бетти, чей сон ни в коем случае нельзя было тревожить до тех пор, пока не пробьет шесть часов, когда она просыпалась сама, «точно по звонку», после чего о покое в доме оставалось только мечтать. Стояло июньское утро, и, несмотря на ранний час, солнечные лучи уже наполнили комнату теплом и светом.

На комоде напротив маленькой белой кровати под кисейным покрывалом, на которой лежала Молли Гибсон, стояла примитивная подставка с висевшей на ней шляпкой, тщательно укутанной, на случай возможного попадания пыли, большим шейным платком из ткани настолько плотной и долговечной, что, окажись под нею головной убор из переплетного газа, кружева и цветов, он непременно «пожамкался бы» (как выразилась однажды Бетти). Но шляпка была сделана из твердой соломки, а в качестве отделки использовалась простая белая лента, обтягивающая тулью и служившая заодно завязками. Тем не менее внутри размещалась аккуратная ажурная филигрань, каждое плетение которой Молли знала наизусть, потому что разве не сама она трудилась над нею еще вчера с бесконечным терпением? И разве не было голубого банта в этой филигрании, первого в жизни Молли взрослого украшения, которое ей предстояло надеть?

Но вот и шесть часов, о чем приятным бодрым перезвоном возвестили церковные колокола, призывая всех и каждого взяться за работу, что они проделывали на протяжении вот уже нескольких веков. Молли прыгнула с кровати и, быстро-быстро ступая по полу маленькими босыми ножками, подбежала к комоду, приподняла шейный платок, чтобы полюбоваться шляпкой, которая сулила ей радость светлого дня. Потом она бросилась к окну и после нескольких рывков все-таки открыла створный переплет, впуская в комнату сладкий и свежий утренний воздух. В садике внизу роса с цветов уже сошла, зато высокая трава на лугу за ним еще блестела влагой. По одну сторону лежал маленький городок Холлингфорд, на одной из улиц которого и стоял дом мистера Гибсона. Легкие струйки и столбы дыма уже поднимались из труб многочисленных домов, где уже встали домохозяйки и сейчас готовили завтрак для кормильцев семьи.

Молли Гибсон видела все это, но сейчас она могла думать только об одном: «О, это будет прекрасный день! Я так боялась, что он никогда не наступит; а если и наступит, то непременно пойдет дождь». Сорок пять лет тому детские радости в провинциальном городке были незамысловатыми, и Молли прожила двенадцать долгих лет, в которых так и не нашлось места ничему подобному тому знаменательному событию, которое должно было вот-вот наступить. Бедное дитя! Да, она лишилась матери, что стало настоящим потрясением в беззаботном течении ее прежней жизни, но вряд ли его можно было назвать достойной вехой в вышеупомянутом смысле; да и, кроме того, в то время она была еще слишком мала, чтобы осознать его в полной мере. И удовольствие, которое она предвкушала, должно было принести ей первое участие в ежегодном празднестве в Холлингфорде.

Небольшой, беспорядочно раскинувшийся городок с одного конца постепенно растворялся в сельской местности, как раз там, где располагалась сторожка, охранявшая въезд в огромный парк, в коем жили милорд и миледи Камнор, «граф» и «графиня», как их неизменно называли жители городка; и где по-прежнему властвовали феодальные отношения, проявлявшиеся просто и незамысловато; сейчас, оглядываясь назад, они представляются нелепыми или даже забавными, но в те времена к ним относились со всей серьезностью. Это

было еще до реформы парламентского представительства, но двое или трое наиболее просвещенных фригольдеров¹ уже позволяли себе либеральные мысли и разговоры; в графстве проживало и знатное семейство тори, которое время от времени соперничало на выборах с Камнорами, принадлежавшими к партии вигов. Казалось бы, вышеупомянутые жители, склонные к либеральным взглядам, могли бы и допустить возможность того, что они все-таки проголосуют за Хели-Гаррисонов, подтвердив таким образом свою независимость. Но нет, ничего подобного. Граф оставался владельцем поместья и большей части земли, на которой и был построен Холлингфорд; в некотором смысле добрые жители города кормили, лечили и даже одевали его вместе с чадами и домочадцами; деды их отцов всегда и неизменно голосовали за старшего сына из Камнор-Тауэрз и, следуя заветам предков, все до единого представители сильного пола городка отдавали свои голоса сеньору, самым великолепным образом игнорируя такую химеру, как политические убеждения.

Вот вам наглядный пример того влияния, кое крупные землевладельцы оказывали на своих не столь состоятельных соседей в эпоху, предшествовавшую появлению и развитию железных дорог, и хорошо еще, если могущественное семейство, затмевавшее их блеском своего великолепия, оказывалось столь респектабельным по природе своей, как Камноры. Они ожидали, что их будут уважать и повиноваться; простодушное обожание городских обывателей граф и графиня принимали как должное; и они бы онемели от изумления, помня нув недобрым словом санкюлотов², кои были источником постоянных страхов и ненависти во времена их молодости, если бы кто-либо из обитателей Холлингфорда отважился противопоставить свою волю или мнение взглядам графа. Но, пользуясь всеобщим обожанием, они и впрямь много делали для города, проявляя неизменную снисходительность, заботу и доброту в обращении со своими вассалами. Лорд Камнор был терпеливым и великодушным землевладельцем; иногда он брал бразды правления в свои руки, отодвигая управляющего в сторонку, к вящему негодованию своего поверенного, который вообще-то был достаточно богат и независим для того, чтобы изо всех сил держаться за место, где его решения могли быть в любой день отменены милордом, когда тому «вожжа попадала под хвост» (как непочтительно выражался в таких случаях поверенный в уединении собственного дома), что в переводе на простой и понятный язык означало, что время от времени граф сам расспрашивал собственных арендаторов, пользуясь собственными глазами и ушами в решении мелких вопросов управления своей собственностью. Но арендаторы лишь еще сильнее любили своего господина за подобные привычки. Лорд Камнор не обращал особого внимания на слухи и сплетни, умудряясь сочетать столь похвальное качество с неумением разрешать противоречия, возникающие между его старым управляющим и арендаторами. Впрочем, эту слабость графа с лихвой компенсировало безупречное достоинство графини. Раз в году она проявляла благоволение и снисходительность. Вместе с другими дамами, своими дочерьми, она организовала школу; это была не школа в нашем понимании, где детей рабочего люда и прочих простолюдинов зачастую обучают куда лучше, нежели представителей знати; нет, это была школа, которую следовало бы назвать «ремесленной»; в ней девочек учили красиво вышивать, быть прекрасными горничными и замечательными поварихами, а самое главное – опрятно и красиво носить нечто вроде униформы, разработанной благородными дамами поместья Камнор-Тауэрз: белый чепец, белый палантин, клетчатый передник и голубое платье. И, само собой разумеется, непременно делать реверансы и не забывать о почтительном «будет исполнено, мадам».

И вот, учитывая, что большую часть года графиня в Тауэрз не проживала, она была рада заручиться расположением женской половины Холлингфорда, рассчитывая на то, что

¹ Фригольдер – свободный землевладелец. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² Санкюлот – ярый республиканец.

те заменят ее с дочерьми в школе во время их отсутствия. И многочисленные, изнывающие от скуки благородные дамы городка откликались на призыв своей госпожи, наперебой предлагая услуги, а вместе с ними и суетливое обожание, коим они щеголяли друг перед другом. «Как это мило со стороны графини! Это так на нее похоже – всегда думать о других!» – и так далее в том же духе; при этом предполагалось, что любой гость не мог составить себе полного впечатления о Холлингфорде, не побывав с визитом в школе графини, где на него должны были произвести неизгладимое впечатление опрятные маленькие ученицы и их еще более искусная вышивка. Взамен каждое лето устраивался почетный день открытых дверей, когда с присущим ей величавым и непревзойденным гостеприимством леди Камнор со своими дочерьми принимала в поместье Тауэрз всех добровольных школьных помощниц. Роскошный фамильный особняк располагался в аристократическом уединении в самом центре огромного парка, одни из ворот которого, вместе со сторожкой привратника, находились в непосредственной близости от городка. Для этого ежегодного праздника был установлен следующий ритуал. Примерно в десять часов утра один из экипажей покидал поместье через эти ворота и начинал объезжать дома, где проживали дамы, которым и следовало оказать почести; он забирал их по одной или парами, пока не оказывался нагруженным под завязку, после чего возвращался в поместье через главный вход, быстро проезжая по безупречно ухоженной тенистой аллее и высаживая стайку празднично наряженных дам у самых ступеней, ведущих к помпезным и внушительным дверям поместья Камнор-Тауэрз. После чего экипаж возвращался в городок, вновь собирая представительниц прекрасной половины человечества, разодетых в свои лучшие наряды, и возвращался в поместье; так продолжалось до тех пор, пока все приглашенные не собирались или в доме, или же в чудесных садах вокруг. После полагающейся экскурсии, с одной стороны, и приличествующего случаю выражения восхищения, с другой, гостям предлагали легкий ленч, за которым следовал очередной показ сокровищ и соответствующих восторгов, но теперь уже внутри дома. К четырем часам пополудни подавали кофе, что служило сигналом к тому, что вскоре появится экипаж, который и развезет их по домам, куда они возвращались со счастливым осознанием достойно проведенного дня и чувством легкой усталости, оттого что вели себя самым примерным образом да еще и изъяснялись напыщенно-высокопарно на протяжении столь долгого времени. Леди Камнор и ее дочери тоже были не чужды подобному самодовольству, равно как и той же самой усталости, что всегда следует за сознательными усилиями вести себя так, как приличествует обществу, в котором вы находитесь.

И вот впервые в жизни Молли Гибсон вошла в число гостей, приглашенных в Тауэрз. Она была еще слишком юна, чтобы посещать школу с инспекционными проверками, и посему удостоилась приглашения отнюдь не по этой причине; просто так случилось, что лорду Камнору в очередной раз попала вожжа под хвост и он решил навеститься к арендаторам, где и столкнулся с мистером Гибсоном, местным доктором, выходящим из дома, в который собирался войти милорд; поскольку у него вдруг возникла нужда задать доктору какой-то вопрос (лорд Камнор редко расставался со своими знакомыми без того, чтобы не расспросить их о каких-нибудь пустяках, причем ответы интересовали его отнюдь не всегда), он проводил мистера Гибсона до амбара, где в стену было вделано кольцо, к которому была привязана лошадь доктора. Здесь же была и Молли, тихонько сидевшая на своем косматом маленьком пони в ожидании отца. Ее серьезные детские глазенки широко распахнулись, когда она сообразила, что оказалась в непосредственной близости от графа и что он прямоком направляется к ней; ведь в ее незамысловатом представлении этот седовласый, краснолицый и немного неуклюжий человек был чем-то средним между архангелом и королем.

– Ваша дочь, э-э, Гибсон? Славная маленькая девчушка, сколько же ей? А вот пони не мешало бы расчесать и вообще привести в порядок. – С этими словами граф потрепал

лошадку по холке. – Как тебя зовут, дорогуша? Он изрядно запаздывает с уплатой ренты, как я уже говорил, но если он действительно болен, то мне придется попридержать Шипшенкса, поскольку тот – принципиальный и жесткий деловой человек. На что он жалуется? Ты ведь придешь на наше школьное сборище в четверг, дитя мое... запаматовал, как тебя зовут? Имейте в виду, Гибсон, вы должны прислать ее к нам или привезти сами. И шепните словечко своему груму, потому как я уверен, что в минувшем году этого пони не опаливали³, не так ли? Не забудь про четверг, дитя мое... запаматовал, как тебя зовут? Мы договорились, не правда ли? – И с этими словами граф торопливо зашагал прочь, привлеченный видом старшего сына фермера в другом конце двора.

Мистер Гибсон поднялся в седло, и они с Молли отправились восвояси. Некоторое время они ехали молча, но потом робким и встревоженным голосом она поинтересовалась:

– Можно мне поехать?

– Куда, дорогая моя? – вопросом на вопрос ответил он, отвлекаясь от собственных профессиональных размышлений.

– В Тауэрз... в четверг, помнишь? Этот джентльмен, – Молли постеснялась назвать его титулом, – пригласил меня.

– А ты и вправду этого хочешь, милая моя? Подобные развлечения всегда представлялись мне довольно утомительными, как и весь день в целом. Я имею в виду то, что все начинается очень рано, да еще жара и все прочее.

– Ох, папа! – с упреком сказала Молли.

– Значит, ты хотела бы поехать, верно?

– Да, если можно! Ты же видел, он сам пригласил меня. Как ты думаешь, я должна согласиться? Ведь он просил меня целых два раза.

– Вот как! Что ж, посмотрим... Впрочем, да! Думаю, это можно устроить, если ты этого хочешь, Молли.

И они вновь погрузились в молчание. Наконец Молли сказала:

– Пожалуйста, папа, я очень хочу поехать... но вполне смогу обойтись и без этого.

– Как-то загадочно ты изъясняешься, дорогая. Но, полагаю, ты имеешь в виду, что вполне обойдешься и без этого визита, если возникнут неразрешимые трудности с тем, чтобы отвезти тебя в поместье. Не вижу этому никаких препятствий, так что можешь считать, что это дело решенное. Но не забывай, что тебе понадобится белое платье, так что предупреди Бетти, пусть она заранее подготовит для тебя наряд.

Впрочем, мистеру Гибсону нужно было сделать еще пару-тройку вещей перед тем, как благополучно отправить Молли на празднество в Тауэрз, чтобы он мог быть спокоен на сей счет. Итак, ему предстояли некоторые хлопоты, однако он с превеликой охотой готов был сделать Молли приятное; посему на следующий же день он напрямик направился в Тауэрз под предлогом того, что ему якобы нужно было навестить заболевшую горничную. На самом же деле он рассчитывал попасться на глаза миледи и получить у нее подтверждение того, что она одобряет приглашение лорда Камнора, сделанное им Молли. Время для визита он выбрал с присущей ему толикой природной дипломатии, к которой, говоря откровенно, ему приходилось прибегать довольно часто во время общения со столь важным семейством. Он въехал на конный двор около полудня, незадолго до обеда, но уже после того, как почтальон доставил корреспонденцию и все связанные с нею тревоги и обсуждение содержимого были позади. Привязав лошадь, он вошел в дом через черный ход; с этой стороны, кстати, особняк назывался «домом», а спереди – «Тауэрзом». Он повидал свою пациентку, дал необходимые указания экономке, после чего вновь вышел наружу, держа в руках редкий полевой цветок, и застал в саду одну из леди Транмер, а заодно, как надеялся и рассчитывал, и леди Камнор –

³ В те времена случалось, что вместо стрижки лошадь опаливали, убирая лишний волос.

она как раз обсуждала с дочерью содержание письма, которое держала в руке, одновременно отдавая распоряжения садовнику по поводу высадки в грунт кое-каких цветов.

— Я заезжал повидать Нанни и воспользовался возможностью, чтобы привезти леди Агнессе цветок, который, как я говорил ей, растет на торфяных болотах Камнор-Мосс.

— Благодарю вас, мистер Гибсон. Мама, ты только посмотри! Это же *Drosera rotundifolia*, заполучить которую я давно мечтала.

— А! Очень миленький цветок, смею заметить, вот только ты же знаешь, что я не ботаник. Надеюсь, Нанни стало лучше? Мы не можем себе позволить иметь больных на следующей неделе, потому что в доме будет полно гостей. Вот, кстати, и Данби предлагают себя в качестве таковых. Стоит только приехать на Троицу, чтобы провести пару недель в тишине и покое, отложив все дела в городе, как люди, тут же узнав о нашем появлении, начинают писать письма, конца которым не видно, говоря, что очень хотели бы подышать свежим деревенским воздухом, или восхищаясь тем, как очаровательно должен выглядеть Тауэрз весной. Я должна признать, что во всем этом есть несомненная доля вины лорда Камнора, поскольку, едва мы появляемся здесь, как он объезжает всех соседей и приглашает их к нам погостить на несколько дней.

— Но уже в пятницу, 18-го числа, мы возвращаемся в город, — в порядке утешения заметила леди Агнесса.

— Ах да! После того как состоится прием школьных попечителей. Но до этого счастливого дня еще целая неделя.

— Вот, кстати! — сказал мистер Гибсон, пользуясь представившейся возможностью. — Давеча я встретил милорда на ферме Кросс-Триз, и он был настолько любезен, что пригласил к вам на прием в четверг мою маленькую дочку, которая как раз была со мной, полагая, что это доставит девочке ни с чем не сравнимое удовольствие. — И он умолк, ожидая, что скажет на это леди Камнор.

— Что ж, полагаю, если милорд пригласил ее, она должна приехать, но я бы хотела, чтобы он не был таким поразительно гостеприимным! Только не подумайте, что мы не будем рады видеть у себя вашу дочь. Но, понимаете ли, только вчера он встретил младшую мисс Браунинг, о чьем существовании я даже не подозревала.

— Она помогает в школе, мама, — заметила леди Агнесса.

— Очень может быть, я никогда не утверждала обратного. Мне известно, что фамилия одной из попечительниц действительно Браунинг, просто я и представить себе не могла, что их две. Но, разумеется, как только лорд Камнор услышал о наличии второй, то почел своим долгом пригласить и ее, и теперь карете придется совершить четыре рейса, чтобы привезти всех. Так что ваша дочь, мистер Гибсон, сможет добраться сюда безо всякого труда, и ради вас я буду рада видеть ее. Она ведь вполне поместится между обеими мисс Браунинг, полагаю? Договоритесь с ними об этом и постарайтесь поставить Нанни на ноги к будущей неделе.

Когда мистер Гибсон уже развернулся, чтобы уйти, леди Камнор окликнула его:

— Кстати, Клэр тоже здесь, вы ведь помните Клэр, не так ли? Когда-то давно она была вашей пациенткой.

— Клэр! — озадаченно повторил он.

— Неужели вы забыли ее? Мисс Клэр, наша старая гувернантка, — пояснила леди Агнесса. — Лет двенадцать или четырнадцать тому, еще до того, как леди Куксхейвен вышла замуж.

— Ах да, — сказал он, — мисс Клэр, которая заболела scarlatina. Очень приятная деликатная девушка. Но я думал, что она замужем!

— Да! — подтвердила леди Камнор. — Маленькая глупышка, которая не ценила того, что имела. Но мы все равно очень любили ее. Однако она покинула нас и вышла замуж за млад-

шего приходского священника, став какой-то непонятной миссис Киркпатрик. Правда, мы продолжали называть ее Клэр. И вот теперь он скончался, оставив ее вдовой, и она опять остановилась у нас, а мы ломаем голову над тем, как помочь ей обрести средства к существованию, не разлучая ее с ребенком. Она, кстати, гуляет где-то здесь, если вы хотите возобновить с нею знакомство.

– Благодарю вас, миледи. Но, боюсь, сегодня я не могу более задерживаться. Мне еще предстоит долгий обход больных. Я и так задержался у вас непозволительно долго.

Несмотря на то, что день у него выдался на редкость утомительным, вечером он нанес визит обеим мисс Браунинг, дабы заручиться их согласием в том, что они возьмут Молли в Тауэрз с собой. Сестры были женщинами высокими и привлекательными, хотя их лучшие годы уже остались позади, и потому вели себя по отношению к вдовому доктору исключительно обходительно и с крайним почтением.

– Ну конечно! Мистер Гибсон, мы будем просто счастливы взять ее с собой. Как вы могли подумать, что мы станем возражать? – заявила старшая мисс Браунинг.

– А я в предвкушении этого события буквально лишилась сна, – сообщила ему мисс Феба. – Я ведь еще никогда не бывала в поместье. Сестра же неоднократно посещала его. Но, к несчастью, хотя мое имя вот уже три года кряду значится в списке гостей, графиня никогда не упоминала меня в своем личном послании. А вам прекрасно известно, что я ни за что не стану навязываться и не сочту возможным явиться в столь роскошное поместье без приглашения. Да и как можно, право?

– В минувшем году я говорила Фебе, – подхватила ее сестра, – что, по моему мнению, графиня совершила непреднамеренную ошибку, если можно так сказать, и что ее милость наверняка сочла бы себя уязвленной, как и любая другая особа на ее месте, не найдя Фебу среди школьных попечительниц. Но, видите ли, мистер Гибсон, у Фебы настолько деликатный склад ума, что, несмотря на все мои уговоры, она отказалась ехать и осталась дома. И, уверяю вас, я не получила никакого удовольствия от визита, вспоминая лицо Фебы за оконными занавесками, когда она смотрела мне вслед. Глаза ее были полны слез, уж можете мне поверить.

– Я действительно выплакалась вволю после того, как ты уехала, Салли, – призналась мисс Феба, – но тем не менее полагаю, что была права, воздержавшись от поездки туда, куда меня не приглашали. Вы согласны со мной, мистер Гибсон?

– Целиком и полностью, – ответил он. – Зато в этом году вы едете, а в минувшем об эту пору шел дождь.

– Да! Я помню! Я как раз решила разобрать свой гардероб, чтобы привести себя в порядок, так сказать. И настолько увлеклась, что пришла в неописуемое удивление, услышав, как по оконным стеклам барабанит дождь. «Боже милостивый, – сказала я себе, – что же станется с белыми атласными туфельками сестры, если после такого ливня ей придется ступать по мокрой траве?» Видите ли, я много думала о том, что у нее такие славные туфельки. А в этом году она сделала мне сюрприз и подарила такую же атласную пару, как и у нее.

– Молли знает, что должна надеть свое лучшее платье, – сказала мисс Браунинг. – Мы можем одолжить ей бусы или какие-нибудь другие искусственные украшения, если она захочет.

– Молли наденет простое белое платье, – с некоторой поспешностью возразил мистер Гибсон, поскольку решительно не одобрял вкусов обеих мисс Браунинг в том, что касалось одежды, и не желал, чтобы его дочь выражалась в соответствии с их представлениями. В этом он рассчитывал на свою старую служанку Бетти, полагая ее вкусы куда более простыми и естественными. Мисс Браунинг позволила себе подпустить толику раздражения в голосе, когда выпрямилась во весь рост и проговорила:

– Что ж, очень хорошо. Уверена, что вы совершенно правы.

Но мисс Феба добавила:

– Молли наверняка будет выглядеть прелестно, что бы она ни надела.

Глава 2. Новенькая среди важных людей

В десять часов утра в тот знаменательный четверг экипаж из поместья Тауэрз приступил к работе. Молли была готова задолго до того, как он впервые появился на горизонте, хотя было условлено, что она с обеими мисс Браунинг должна будет сесть в него не ранее последнего, четвертого раза. Она тщательно умылась с мылом, и теперь личико ее сияло чистотой; что же до кружев, платья и лент, то и они поражали белизной. Девочка набросила на себя черную накидку, принадлежавшую ее матери; богато расшитая тесьмой и кружевами, она выглядела на ребенке причудливо и старомодно. Впервые в жизни Молли надела лайковые перчатки; до той поры ей случалось носить лишь хлопчатобумажные. Они оказались слишком велики для ее маленьких и пухленьких, будто перевязанных, пальчиков, но, поскольку Бетти заявила ей, что они предназначены на вырост, то все было в порядке. Девочка не находила себе места от волнения и даже едва не лишилась чувств от долгого утреннего ожидания, хотя Бетти говорила ей, что когда с нетерпением ждешь чего-либо, то время тянется невыносимо медленно. Молли не сводила глаз с извилистой улочки в ожидании экипажа, пока по прошествии двух часов он наконец не приехал за нею. Ей пришлось сесть на самый краешек, чтобы не помять новые платья обеих мисс Браунинг; при этом не слишком подаваться вперед, дабы не досаждать толстой миссис Гуденоу и ее племяннице, которые заняли передние места; словом, сам факт того, что она сидела среди них, вызывал большие сомнения, но еще большие неудобства доставляло ей осознание того, что ее намеренно поместили в самый центр экипажа, выставив на обозрение всего Холлингфорда. День был слишком торжественным, чтобы маленький городок продолжал жить своей обычной жизнью. Из верхних окон выглядывали служанки; жены лавочников стояли в дверных проемах; домохозяйки выбегали из своих домов, держа на руках младенцев; а детвора, слишком маленькая для того, чтобы знать, как следует вести себя прилично при виде графской кареты, приветствовала ее радостными воплями. Женщина у сторожки распахнула ворота и присела в низком реверансе перед разряженными гостями. И вот они въехали в парк; а когда вдали показалось поместье, в экипаже, битком набитом дамами, воцарилась благоговейная тишина, которую нарушило едва слышное замечание племянницы миссис Гуденоу, особы приезжей, которое она позволила себе, когда они остановились перед полукруглыми ступенями, ведущими к дверям особняка.

— Кажется, это называется «подъезд», не правда ли? — поинтересовалась она.

Но ответом ей стало единодушное «Тише!». Все было настолько торжественно и величественно, что Молли перепугалась не на шутку и ей отчаянно захотелось домой. Но она позабыла о своих страхах, когда гости отправились на прогулку по великолепным садам, ничего подобного которым она и представить себе не могла. По обеим сторонам тянулись зеленые бархатные лужайки, купающиеся в солнечных лучах и переходящие в лесистый парк; если где-то и были низкие изгороди и канавы, разделявшие мягкие полотнища травы, то Молли их не заметила; а то, как ухоженный сад незаметно сменялся дикой природой, попросту очаровало ее. Неподалеку от особняка виднелись стены и заборы; но все они были увиты плетистыми розами, жимолостью и прочими только-только начинающими цвести вьющимися растениями. Повсюду были разбиты клумбы, багряные, темно-красные, голубые и оранжевые; зеленые лужайки пестрели полевыми цветами. Молли крепко держалась за руку мисс Браунинг, пока они неспешно прогуливались по парку в обществе еще нескольких дам; процессию возглавляла одна из дочерей миледи, которую явно изумляло безудержное восхищение, которого удостаивались различные достопримечательности, крупные и не очень. Молли держала язык за зубами, как и подобает особе ее возраста и положения, разве что время от времени облегчала душу глубокими судорожными вздохами. Вскоре они вышли

к нескончаемому ряду сверкающих теплиц и оранжерей, где их поджидал помощник садовника. Впрочем, растения внутри интересовали Молли куда меньше, чем цветы на открытом воздухе; но леди Агнесса обладала более утонченным естественнонаучным вкусом и потому принялась распространяться то об одном редком растении, то о другом, которое требует тщательного ухода, пока Молли не почувствовала, что очень устала и вот-вот лишится чувств. Девочка была слишком застенчивой, чтобы заговорить сразу, но в конце концов, опасаясь устроить неприличную сцену, если она не выдержит и расплачется, или, что еще хуже, упадет бездыханной на какой-нибудь особенно ценный цветок, она стиснула руку мисс Браунинг и выдохнула:

– Можно мне вернуться в сад? Здесь нечем дышать!

– О да, конечно, милочка. Пожалуй, тебе и впрямь трудно понять все это. Но рассказ очень поучителен, да и латынь в нем присутствует.

И она поспешно отвернулась, дабы не упустить ни единого словечка из лекции леди Агнессы об орхидеях, а Молли повернула назад и вышла из душной оранжереи. На свежем воздухе ей моментально стало лучше. Оставшись в одиночестве и без назойливого призора, она переходила от одного замечательного местечка к другому, оказываясь то в открытом парке, то в замкнутом цветочном саду, где сонную тишину нарушало лишь пение птиц да журчание фонтана, а ветви деревьев, переплетаясь над головой, заключали в объятия голубое июньское небо. Она шла куда глаза глядят, словно бабочка, порхающая с цветка на цветок, нисколько не заботясь о том, где находится, пока наконец не устала настолько, что захотела вернуться обратно в особняк. Но как это сделать, Молли не знала, да и вдобавок, лишившись защиты и протекции обеих мисс Браунинг, боялась встретить там незнакомых людей. Жаркое солнце напекло ей голову, и та начала болеть. Она вдруг увидела огромный раскидистый кедр на лужайке, и густая тень под его ветвями, где так покойно можно отдохнуть, с неудержимой силой поманила ее к себе. В тени стояла и деревянная скамейка. Усталая Молли опустилась на нее и вскоре заснула.

Спустя некоторое время она очнулась от дремоты и вскочила на ноги. Рядом стояли две дамы и разговаривали о ней. Обе были ей совершенно незнакомы, и, испытывая смутное убеждение, что она совершила нечто недостойное, а еще страдая от усталости, голода и утреннего перевозбуждения, Молли расплакалась навзрыд.

– Бедная девочка! Она наверняка приехала сюда с кем-то из гостей из Холлингфорда и заблудилась, – сказала старшая из двух дам.

На вид ей можно было дать лет около сорока, хотя на самом деле ей не исполнилось еще и тридцати. Внешностью она обладала самой заурядной, но на лице ее застыло суровое выражение; ее платье было настолько богатым, насколько это вообще возможно для утреннего туалета; голос у нее оказался глубоким и ровным – такой в низших слоях общества назвали бы попросту грубым и хриплым; но это был не тот эпитет, который можно было применить к леди Куксхейвен, старшей дочери графа и графини. Вторая дама выглядела намного моложе, хотя на самом деле была на несколько лет старше своей спутницы; поначалу Молли даже подумала, что более красивой женщины еще не видала в жизни, и та действительно была очень мила и привлекательна. Дама ответила леди Куксхейвен голосом негромким и печальным:

– Бедняжка! Не сомневаюсь, что она переутомилась из-за жары, да еще и эта ее тяжелая соломенная шляпка. Давай-ка я развяжу ее, милочка.

Молли наконец-таки обрела дар речи, чтобы пролепетать:

– Меня зовут Молли Гибсон. – И, опасаясь, что ее примут за незваную гостью, добавила: – Я приехала сюда с обеими мисс Браунинг.

– С обеими мисс Браунинг? – переспросила леди Куксхейвен, вопросительно глядя на свою спутницу.

– Полагаю, это те две высокие молодые женщины, о которых говорила леди Агнесса.

– Ах, вот оно что. Я видела, как она вела за собой целую группу гостей. – Вновь устремив взгляд на Молли, она осведомилась: – Ты ела что-либо, дитя мое, с тех пор, как попала сюда? Ты выглядишь немножко бледной. Наверное, это из-за жары?

– Я ничего не ела, – жалобным голосом отозвалась Молли. И впрямь, перед тем, как она заснула, ее мучило острое чувство голода.

Обе дамы вновь негромко заговорили друг с другом. В голосе старшей прозвучала неприкрытая властность, как бывало всегда, когда она обращалась к кому-либо из посторонних.

– Посиди здесь, милочка, и никуда не уходи. Мы вернемся в дом, и Клэр принесет тебе что-нибудь поесть, прежде чем ты соберешься обратно. Отсюда до особняка никак не меньше четверти мили.

С этими словами они ушли, а Молли выпрямилась на скамейке, ожидая обещанную посланницу. Она понятия не имела, кто такая Клэр, да и есть уже особенно не хотелось, но девочка отдавала себе отчет в том, что идти без посторонней помощи не сможет. Наконец она заметила, что к ней возвращается красивая леди, за которой следовал лакей с небольшим подносом в руках.

– Видишь, как добра к тебе леди Куксхейвен, – сказала та, которую звали Клэр. – Она сама выбрала для тебя блюда к этому маленькому ленчу; а теперь ты должна хоть немного поесть, после чего тебе наверняка станет лучше, милочка... Вы можете быть свободны, Эдвардс, я сама отнесу поднос обратно.

Ей принесли хлеб, холодного цыпленка, конфитюр, бокал вина, бутылочку содовой воды и кисточку винограда. Молли дрожащей рукой потянулась за водой, но была слишком слаба, чтобы удержать ее. Клэр сама поднесла ей горлышко ко рту, она сделала долгий глоток и сразу же почувствовала себя лучше. Но вот съесть что-либо девочка так и не смогла; как она ни заставляла себя, угощение не лезло ей в горло; да и голова у нее болела чересчур сильно. Клэр явно пребывала в недоумении.

– Попробуй хотя бы виноград, так будет лучше всего. Ты обязательно должна что-нибудь съесть, иначе я даже не представляю, как доведу тебя до дома.

– У меня сильно болит голова, – пожаловалась Молли, поднимая отяжелевшие глаза на свою собеседницу.

– Ах, какая досада! – нежным голосом проговорила Клэр, словно она ничуть не сердилась, а лишь констатировала факт.

Молли вдруг почувствовала себя виноватой и очень несчастной. Клэр продолжала, но теперь в ее голосе появились и суровые нотки:

– Понимаешь, я не знаю, что с тобой делать, если ты не съешь чего-нибудь, чтобы набраться сил и самой дойти до дома. А я вот уже три часа слоняюсь по этому парку и устала так, что ты даже себе не представляешь, да и к тому же пропустила свой ленч.

И тут ей в голову, очевидно, пришла новая идея, потому что она сказала:

– Давай-ка ты приляжешь на скамейке на несколько минут, а потом попробуешь съесть немножко винограда, а я подожду тебя и сама съем кусочек чего-нибудь вкусенького. Ты точно не хочешь этого цыпленка?

Молли сделала так, как ей было сказано, откинулась на спинку скамейки и стала по одной лениво отщипывать виноградины, наблюдая за тем, с каким аппетитом ее собеседница принялась за цыпленка и конфитюр, запивая все это вином из бокала. Она была настолько красива и изящна в своем трауре, что даже та поспешность, с которой она поглощала угощение, словно боялась, что кто-либо застанет ее за этим действием врасплох, не мешала Молли восхищаться всем, что она делала.

– Ну что, милочка, ты готова идти? – поинтересовалась женщина, съев подчистую все, что было на подносе. – Ладно, идем, ты уже почти доела свой виноград, умница. А теперь я отведу тебя к боковому входу, и мы поднимемся ко мне в комнату, где ты сможешь прилечь на часик-другой. После сна головная боль у тебя непременно пройдет.

И они двинулись в путь. Клэр несла пустой поднос, к некоторому стыду Молли; но девочка и так едва-едва переставляла ноги, так что предложить свою помощь в чем-либо еще попросту опасалась. «Боковой вход» оказался каменной лестницей, ведущей из приватного декоративного сада в приватный же холл, застеленный циновками, или переднюю, в которую выходило множество дверей и в которой стоял легкий садовый инвентарь, а также луки и стрелы, принадлежавшие молодым девушкам из особняка. Должно быть, леди Куксхейвен заметила, что они идут, потому что встретила их в холле, едва они успели войти туда.

– Как она себя чувствует? – спросила леди Куксхейвен, после чего, окинув взглядом тарелки и бокалы, добавила: – Надеюсь, ничего серьезного! Клэр, ты, конечно, молодец, но принести поднос мог бы и кто-нибудь из мужчин. Такая погода уже сама по себе является сущим наказанием.

Помимо воли Молли вдруг захотелось, чтобы ее красивая спутница поведала леди Куксхейвен о том, что это она расправилась с плотным ленчем, но той, похоже, подобная мысль даже не пришла в голову. Клэр ограничилась тем, что сказала:

– Бедняжка! Она еще не пришла в себя. По ее словам, у нее болит голова. Я намерена уложить ее в собственную постель, чтобы она немножко поспала.

Молли услышала, как леди Куксхейвен, смеясь, что-то сказала мимоходом Клэр. Девочка готова была провалиться сквозь землю, поскольку ей послышалось, будто она проговорила нечто вроде: «Скорее всего, просто объелась». Однако же Молли чувствовала себя слишком скверно, чтобы долго терзаться подобными мыслями. Маленькая белая кроватка в милой и прохладной комнате неудержимо влекла ее к себе. Легкий ветерок шевелил муслиновые занавески на распахнутых окнах, в которые вливался сладкий воздух из сада. Клэр укрыла ее легкой шалью и задернула портьеры, отчего в комнате стало уютно и темно. Когда она уже собиралась уходить, Молли приподнялась на локте.

– Прошу вас, мадам, не позволяйте им уехать без меня. Пожалуйста, пришлите кого-нибудь разбудить меня, если я засну. Я должна вернуться вместе с обеими мисс Браунинг.

– Не волнуйся, милочка, я обо всем позабочусь, – ответила Клэр, оборачиваясь в дверях и посылая Молли воздушный поцелуй.

Но, выйдя из комнаты, она и думать забыла о девочке. Экипажи были поданы в половине пятого пополудни, подгоняемые леди Камнор, которая вдруг почувствовала, что устала развлекать гостей, неумное восхищение которых стало изрядно раздражать ее.

– Почему бы не отправить оба экипажа, мама, и не избавиться ото всех сразу? – предложила леди Куксхейвен. – Эта отправка по частям чрезвычайно утомительна.

Как следствие, поднялась ужасная суматоха и гости поспешили к экипажам, в беспорядке усаживаясь в них. Мисс Браунинг уехала в фаэтоне (который леди Камнор именovala «чевиотом», поскольку название рифмовалось с именем ее дочери, леди Чевиот, или Гарриет, как она была упомянута в «Книге пэров Великобритании»), а мисс Фебу увезли вместе с остальными в просторном фамильном экипаже наподобие тех, что мы сейчас называем «омнибусами». Обе полагали, что Молли уехала с другой, тогда как на самом деле она крепко спала на кровати миссис Киркпатрик – в девичестве просто Клэр.

В комнату вошли служанки, чтобы прибраться в ней. Их разговор и разбудил Молли, которая села на кровати и, откинув со лба волосы, попыталась сообразить, где она находится и как здесь оказалась. Опустив ноги на пол, она встала и, к невероятному изумлению служанок, поинтересовалась:

– Пожалуйста, скажите мне, мы скоро уедем отсюда?

– Господи, спаси и помилуй! Нам и в голову не приходило, что кто-то может спать в постели! Вы – одна из дам, которых пригласили в гости из Холлингфорда, милочка? Но ведь они все уже уехали час или более тому!

– О боже, что же мне делать? Та леди, которую все называют Клэр, пообещала разбудить меня вовремя. Папа будет очень беспокоиться, не зная, где я и что со мной, а о том, что скажет Бетти, мне и думать не хочется.

Девочка заплакала, а служанки, явно обескураженные, обменялись взглядами и с сочувствием уставились на нее. Но в этот самый момент из коридора донеслись шаги миссис Киркпатрик. Своим мягким музыкальным голосом она негромко напевала какую-то итальянскую арию, направляясь к себе в комнату, чтобы переодеться к ужину. Служанки вновь обменялись многозначительными взглядами, и одна сказала другой:

– Пусть разбирается сама.

После этого они занялись уборкой в соседних помещениях.

Миссис Киркпатрик открыла дверь и как громом пораженная застыла на пороге, в недоумении глядя на Молли.

– Боже мой, я совсем забыла о тебе! – проговорила она наконец. – Нет-нет, не плачь, прошу тебя, иначе ты приведешь себя в непотребное состояние и тебя никому нельзя будет показать. Разумеется, это я виновата в том, что ты проспала, и, если сегодня вечером я не сумею отправить тебя обратно в Холлингфорд, ты переночуешь у меня, а завтра утром мы постараемся отвезти тебя домой.

– Но папа! – всхлинула Молли. – Он привык, что я всегда готовлю ему чай. Кроме того, у меня нет с собой ночной сорочки и всего прочего.

– Прошу тебя, перестань расстраиваться из-за того, что невозможно поправить. Я одолжу тебе все необходимое, а твоему папе придется сегодня обойтись без твоего чая. Просто в следующий раз не засыпай в чужом доме, ведь тогда можно оказаться среди людей, которые совсем не так гостеприимны, как здешние хозяева. Ну а теперь, если ты перестанешь плакать и успокоишься, я узнаю, можно ли тебе выйти к десерту вместе с мастером Смитом и маленькими леди. Ты отправишься в детскую, где выпьешь с ними чаю, а после вернешься сюда, расчешешься и вообще приведешь себя в порядок. Полагаю, ты должна радоваться тому, что оказалась в таком роскошном особняке, как этот. Многие маленькие девочки не могут и мечтать ни о чем подобном.

Разговаривая, она занималась собственным туалетом, готовясь к ужину: сняла черное траурное утреннее платье, облачилась в пеньюар, распустила свои мягкие золотистые волосы, отчего те рассыпались по плечам. Затем она принялась оглядываться в поисках различных аксессуаров к платью, не умолкая при этом ни на минуту.

– У меня самой есть маленькая дочка, милочка! Так вот, она отдала бы что угодно, лишь бы иметь возможность погостить здесь, у лорда Камнора, вместе со мной, но вместо этого ей придется все каникулы провести в школе. Глядя же на тебя, можно подумать, что мысль о том, чтобы остаться здесь всего на одну ночь, причиняет тебе невероятные страдания. Что до меня, то я была ужасно занята, общаясь с этими надоедливыми... я хотела сказать, очаровательными особами из Холлингфорда, а человек не может думать обо всем сразу.

Молли, несмотря на то, чтобы была еще сущим ребенком, моментально перестала плакать при упоминании о маленькой дочке миссис Киркпатрик и даже осмелилась задать вопрос:

– Так вы замужем, мадам? Я подумала, что вас зовут мисс Клэр.

Миссис Киркпатрик добродушно ответила:

– Я не похожа на женщину, которая побывала замужем, верно? Вот и остальные удивляются. Тем не менее я вот уже семь месяцев как вдова. И у меня не появилось ни единой

седой волосинки, в отличие от леди Куксхейвен, у которой, хоть она и моложе меня, их уже великое множество.

– Но почему вас называют Клэр? – продолжала расспрашивать Молли, которой эта женщина показалась весьма любезной и общительной.

– Потому что я была мисс Клэр, когда жила с ними. Красивое имя, не правда ли? Я вышла замуж за мистера Киркпатрика; он был всего лишь младшим приходским священником, бедняга, но при этом происходил из очень хорошей семьи, и, если бы трое его родственников умерли, не оставив после себя наследников, я бы стала супругой баронета. Но Провидение рассудило иначе. К тому же всегда следует довольствоваться тем, что имеешь. Двое из его кузенов женились и обзавелись большими семьями, а бедный дорогой Киркпатрик умер, оставив меня вдовой.

– Но ведь у вас есть маленькая дочка? – спросила Молли.

– Да, есть. Моя дорогая Синтия! Я бы хотела, чтобы ты с нею познакомилась. Она стала для меня единственным утешением и отрадой. Если у меня будет время, я покажу тебе ее фотографию, когда мы с тобой будем ложиться спать. Но сейчас я должна идти. Не годится заставлять леди Камнор ждать, тем более когда она просила меня сойти вниз пораньше, чтобы помочь ей принять других гостей. Я сейчас позвоню в колокольчик, а когда придет горничная, попроси ее отвести тебя в детскую. И пусть она объяснит нянечке леди Куксхейвен, кто ты такая. После ты выпьешь чаю с маленькими леди и сойдешь с ними вниз, к десерту. Ну вот! Мне очень жаль, что ты проспала и осталась здесь. А теперь поцелуй меня и не плачь. На самом деле ты очень красивая девочка, хотя цветом волос и лица совсем не похожа на Синтию! Ах, Нанни, не будете ли вы так добры, чтобы отвести эту юную леди... как тебя зовут, милочка? Гибсон?.. мисс Гибсон к миссис Дайсон, в детскую, и попросить позволить ей выпить чаю вместе с маленькими леди, а после этого отправить ее вместе с ними вниз, к десерту. Миледи я все объясню сама.

Лицо Нанни моментально просветлело, стоило ей услышать фамилию Гибсон, и, удостоверившись, что Молли действительно дочка «доктора», она согласилась выполнить просьбу миссис Киркпатрик с куда большей готовностью, чем ей обычно было свойственно.

Молли была послушной девочкой и очень любила детей. Поэтому в детской она быстро подружилась с маленькими леди, как ей и было велено, и даже сумела оказаться полезной миссис Дайсон, играя в кубики с самой младшей из них, пока ее братья и сестры наряжались в кружева, муслин, бархат и широкие блестящие ленты.

– Итак, мисс, – сказала миссис Дайсон, когда ее собственные подопечные были готовы, – что я могу для вас сделать? У вас ведь нет с собой другого платья, не правда ли?

Да, действительно, другого платья у нее не было, а даже если бы и было, то едва ли оно было бы лучше ее нынешнего, пошитого из плотного белого канифаса. Поэтому ей оставалось лишь ополоснуть лицо, вымыть руки и позволить нянечке расчесать и надушить свои волосы. Молли подумала, что предпочла бы провести всю ночь в парке и заснуть под чудесным раскидистым кедром, чем пройти неизвестное, но наверняка тяжелое испытание под названием «сойти к десерту», что и нянечки, и дети явно полагали главным событием дня. В конце концов лакей передал приглашение, и миссис Дайсон в шуршащем атласном платье, выстроив своих подопечных, направилась вместе с ними к дверям столовой.

Вокруг накрытого стола в ярко освещенной комнате уже сидела большая компания мужчин и женщин. Каждый из разодетой детворы бросился к своей мамочке, или тете, или иному родственнику, и только одной Молли подойти было не к кому.

– Кто эта высокая девочка в плотном белом платье? Полагаю, это же не одна из дочерей миледи?

Дама, к которой и был обращен этот вопрос, поднесла к глазам лорнет, окинула Молли взглядом с головы до ног и тут же опустила его.

– Французенка, как мне представляется. По-моему, леди Куксхейвен намеревалась пригласить к себе французенку-гувернантку, дабы она занялась воспитанием ее маленьких дочек, чтобы они с раннего детства овладели языком. Бедняжка, она выглядит совершенно потерянной!

С этими словами она поманила Молли к себе. Девочка бросилась к ней, ища защиты, но, когда леди обратилась к ней по-французски, она жарко покраснела и смущенно ответила:

– Я не говорю по-французски. Меня зовут Молли Гибсон, мадам.

– Молли Гибсон! – громко сказала леди, словно подобного объяснения ей было явно недостаточно.

Лорд Камнор услышал и слова, и тон, которым они были произнесены.

– Ого! – воскликнул он. – Так ты – та самая маленькая девочка, которая спала в моей кровати?

Он пытался подражать глубокому басу медведя из сказки, который задавал такие же вопросы маленькой девочке, но Молли не читала «Трех медведей» и потому решила, что милорд гневается по-настоящему. Задрожав, она лишь сильнее прижалась к леди, которая подозвала ее к себе и в которой она видела свою спасительницу. Лорд же Камнор продолжал веселиться, полагая свои слова весьма удачной шуткой, поэтому все то время, пока женщины оставались в комнате, он подтрунивал над Молли, то величая ее Спящей Красавицей, то намекая на Семерых Спящих и прочих известных сонь, каких только мог вспомнить. Он и понятия не имел, какие страдания причиняют впечатлительной девочке его шуточки, которая уже сочла себя сущей грешницей за то, что проспала отъезд, вместо того чтобы бодрствовать и оставаться на ногах. Если бы Молли имела привычку складывать два и два, то, пожалуй, она нашла бы себе оправдание, вспомнив о том, что миссис Киркпатрик клятвенно обещала разбудить ее вовремя. Но сейчас она могла думать лишь о том, что стала нежеланной гостьей в таком роскошном доме и что в глазах остальных выглядит непрошеной самозванкой, явившейся без приглашения туда, где ее никто не ждал. Раз или два девочка мельком подумала о том, где сейчас обретается ее отец и не скучает ли он по ней, но мысль о таком знакомом и близком домашнем уюте и счастье породила у нее комок в горле, и она решила, что не должна думать об этом, чтобы не расплакаться. А тут еще чутье подсказывало ей, что раз уж она осталась в поместье Тауэрз, то чем меньше она будет привлекать к себе внимание и причинять неудобства хозяевам, тем лучше для нее.

Она вышла вслед за дамами из столовой, втайне надеясь, что никто не заметит ее. Но это было решительно невозможно, и Молли немедленно стала предметом разговора этой внушающей благоговейный ужас леди Камнор и ее доброй соседки за ужином.

– Вы не поверите, но я сочла эту юную леди французенкой, когда впервые увидела ее. У нее черные волосы и ресницы, серые глаза и бледная, почти бесцветная кожа, что так часто встречается в некоторых провинциях Франции. А еще, насколько я помню, леди Куксхейвен пыталась найти образованную девушку, которая бы стала приятной компаньонкой ее детям.

– Нет! – отрезала леди Камнор, и на лице ее, как показалось Молли, отразилось отвращение. – Она – дочь нашего доктора здесь, в Холлингфорде; нынче утром она приехала вместе с остальными школьными попечительницами, но потом перегрелась на солнце и заснула в комнате Клэр, каким-то образом умудрившись проспать все на свете, и проснулась только тогда, когда все экипажи уже уехали. Завтра утром мы отправим ее домой, но сегодня ей придется остаться у нас. Клэр оказалась настолько добра, что согласилась приютить ее у себя в комнате.

Подобные речи весьма смахивали на обвинительные, и Молли чувствовала себя как на иголках. В этот момент к ней подошла леди Куксхейвен. Тон ее голоса был таким же глубоким, а манеры – столь же резкими и властными, как и у матери, но Молли каким-то образом угадала, что за всей этой показной суровостью скрывается добрая душа.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая моя? Выглядишь ты уже гораздо лучше, чем тогда, под кедром. Значит, ты останешься у нас на ночь? Клэр, тебе не кажется, что мы могли бы показать мисс Гибсон несколько альбомов с гравюрами, которые наверняка заинтересуют ее.

Миссис Киркпатрик подплыла к тому месту, где стояла Молли, и начала осыпать ее знаками внимания и милой болтовней, пока леди Куксхейвен перебирала тяжелые тома в поисках того, что могло бы заинтересовать девочку.

– Бедняжка! Я видела, как ты вошла в столовую и ужасно стеснялась при этом; я хотела, чтобы ты подошла ко мне, но не могла подать тебе знак, поскольку в этот момент ко мне обратился лорд Куксхейвен, рассказывая о своих путешествиях. А, вот замечательная книга – «Портреты выдающихся деятелей Великобритании». Давай я сяду рядом и расскажу тебе, кто они такие. Можете более не беспокоиться, леди Куксхейвен, я сама позабочусь о ней, положитесь на меня!

Услышав эти слова, Молли почувствовала, как щеки у нее вспыхнули жарким пламенем. Ах, если бы только они оставили ее в покое и не утруждались, выказывая ей свою доброту, и «не беспокоились» бы о ней! Слова миссис Киркпатрик приглушили благодарность, которую она начала испытывать к леди Куксхейвен за то, что та искала для нее что-либо, способное развлечь ее. Но, разумеется, это было сплошным беспокойством, и ей ни в коем случае не следовало оставаться здесь.

Вскоре, однако, миссис Киркпатрик позвали сопровождать леди Агнессе, которая вознамерилась спеть, и Молли смогла наконец насладиться обретенной свободой. Она тайком огляделась и решила, что роскошью и великолепием этот особняк ничем не уступает королевскому дворцу. Большие зеркала, бархатные шторы, картины в позолоченных рамах и множество свечей в подсвечниках и канделябрах украшали просторный салон, и повсюду небольшими группами стояли леди и джентльмены в потрясающе шикарных нарядах. Молли вдруг отчего-то вспомнила детей, которых сопровождала в столовую, к каковым, похоже, относилась и она сама, – но куда же они подевались? Очевидно, отправились спать еще часом ранее, повинаясь незаметному знаку своей матери. Молли спросила себя, а не может ли уйти и она – если только сумеет найти обратную дорогу в блаженное уединение спальни миссис Киркпатрик. Но от дверей ее отделяло изрядное расстояние, да и до миссис Киркпатрик, на заботу которой она рассчитывала более, чем на чью-либо еще, тоже было далеко. То же самое можно было сказать и о леди Куксхейвен, и внушающей благоговейный трепет леди Камнор, и ее забавном и добродушном супруге. Поэтому Молли осталась на месте, переворачивая страницы с гравюрами, которые ее ничуть не привлекали. Посреди этой ослепительной роскоши на сердце у нее становилось все тяжелее и тяжелее. Вскоре в комнату вошел лакей и, оглядевшись по сторонам, направился к миссис Киркпатрик, которая сидела за фортепиано, в самом центре группы гостей, вознамерившихся потрафить своим музыкальным вкусам. Она готова была сопровождать каждого, кто хотел продемонстрировать свои вокальные данные, и с улыбкой охотно удовлетворяла любые просьбы. Она встала и направилась к Молли, затаившейся в уголке.

– Милочка, за тобой приехал твой папа и привел с собой пони, на котором ты и поедешь домой. Увы, я лишусь компаньонки на сегодняшнюю ночь, но ничего не поделаешь, поскольку ты, полагаю, должна будешь покинуть нас.

Уехать! Молли вскочила на ноги, дрожа от радости, и едва не закричала от восторга. Но последующие слова миссис Киркпатрик привели девочку в чувство и охладили ее пыл.

– Ты должна пожелать леди Камнор покойной ночи, дорогая моя, и поблагодарить ее милость за проявленную доброту. Она стоит вон там, подле статуи, и разговаривает с мистром Кортни.

Да! Она была именно там, в сорока футах, которые показались девочке сотней миль! Ей предстояло пересечь огромное пустое пространство, а потом еще держать речь!

– Я действительно должна подойти к ней? – спросила Молли самым жалобным и умоляющим тоном, на какой только была способна.

– Непременно. И поспеши, ведь в этом нет ничего особенно страшного, не правда ли? – отозвалась миссис Киркпатрик чуточку резче, чем раньше, ибо понимала, что ее ждут у фортепиано, и хотела как можно скорее покончить с очередной досадной проблемой.

Молли постояла еще минуту, после чего, подняв глаза на свою собеседницу, негромко попросила:

– Вы не могли бы подойти вместе со мной?

– Нет! Только не я! – отрезала было миссис Киркпатрик, но потом, видя, что лишь согласие поможет ей поскорее управиться с этим делом, взяла Молли за руку и, проходя мимо гостей у фортепиано, одарила их обворожительной улыбкой и проговорила в своей благовоспитанной манере: – Наша маленькая гостья очень застенчива и скромна, и она хочет, чтобы я сопровождала ее к леди Камнор, дабы она могла пожелать ей спокойной ночи. За нею приехал отец, и она покидает нас.

Молли не помнила, как так получилось, но после этих слов она выдернула свою ладошку из руки миссис Киркпатрик и, опередив спутницу на шаг или два, подошла к леди Камнор, величественно ужасной в платье пурпурного бархата. Присев перед нею в реверансе, как учили девочек в школе, она сказала:

– Миледи, приехал мой папа, и я уезжаю с ним. Позвольте пожелать вам доброй ночи, миледи, и поблагодарить вас за вашу доброту. Поблагодарить вашу милость, я имею в виду, – поправились она, вспомнив наставления мисс Браунинг в том, что касалось этикета в обращении с графами и графинями, равно как и их отпрысками, каковые она получила утром по дороге в Тауэрз.

Каким-то образом ей удалось выскользнуть из салона; впоследствии, вспоминая об этом, она уверилась, что так и не попрощалась ни с леди Куксхейвен, ни с миссис Киркпатрик, ни «со всеми остальными», как та непочтительно называла гостей.

Мистер Гибсон сидел в комнате экономки, когда Молли вбежала в нее, к вящему неудовольствию величественной миссис Браун. Обхватив отца за шею обеими руками, девочка воскликнула:

– Ой, папа, папа, папочка! Я так рада, что ты приехал! – А потом разрыдалась, судорожно глядя его по лицу, будто не веря, что это и вправду он.

– Что за глупости, Молли! Неужели ты действительно думала, что я брошу свою маленькую девочку и ей придется жить в поместье Тауэрз до конца дней своих? Ты ведешь себя так, словно сама поверила в это. А теперь поспеши. И не забудь надеть свою шляпку. Миссис Браун, могу я одолжить у вас шаль, или плед, или что-либо еще в этом роде, что она могла бы набросить на себя?

Он не стал говорить о том, что еще не прошло и часа с тех пор, как он вернулся домой после долгого обхода, оставшись без обеда и изрядно проголодавшись. Но, узнав о том, что Молли не вернулась из Тауэрз, он сел на свою уставшую лошадь и поехал к обеим мисс Браунинг, коих и застал терзающимися угрызениями совести и полными раскаяния. Впрочем, он не стал выслушивать их слезливые извинения. Примчавшись галопом домой, он сменил коня, велел оседлать пони для Молли и, не обращая внимания на увещевания Бетти, которая выскочила следом, умоляя его захватить юбку для верховой езды для девочки, направился напрямик в конюшню и ускакал, «ругаясь на чем свет стоит», как выразился конюх Дик.

Миссис Браун успела выставить на стол бутылку вина и тарелочку с печеньем, прежде чем Молли вернулась из долгой экспедиции в комнату миссис Киркпатрик, «до которой отсюда чуть не четверть мили», как сообщила экономка горящему нетерпением отцу, пока тот ожидал появления дочери в утреннем наряде, изрядно, впрочем, подрастерявшем прежний лоск. Мистер Гибсон считался любимцем всех домочадцев в поместье Тауэрз, как

обычно и бывает с семейными врачами; во время тревог и отчаяния он нес им надежду, и миссис Браун, страдавшая подагрой, получала особое наслаждение от возможности побаловать его, когда он позволял ей подобные вольности. Она даже вышла с ними на конный двор, чтобы плотнее укутать Молли шалью, когда девочка уже уселась в седло своего косматого пони, высказав благоразумное предположение:

– Смею надеяться, что дома ей будет лучше, мистер Гибсон, – сказала она, когда они уже выезжали со двора.

Оказавшись в парке, Молли прищипорила своего конька, пустив его рысью, так что в конце концов мистер Гибсон был вынужден окликнуть ее:

– Молли! Здесь повсюду кроличьи норки, и мчатся с такой быстротой небезопасно. Остановись.

Она натянула поводья, и он, поравнявшись с нею, поехал рядом.

– Мы въезжаем под деревья, там уже темно, и ехать быстро попросту нельзя.

– Ох, папа! Я еще никогда так не радовалась в своей жизни. Я чувствовала себя зажженной свечой, к которой подносят гасильник.

– В самом деле? Откуда ты знаешь, как чувствуют себя свечи?

– На самом деле я не знаю, но я действительно чувствовала себя именно так. – А потом, после небольшой паузы, девочка добавила: – Как я рада быть здесь! Так здорово ехать верхом на свежем воздухе и слышать, как хрустит росистая трава под копытами, и чувствовать ее запах. Папа! Ты здесь? Я тебя не вижу.

Он подъехал к ней поближе, на случай, если она испугалась ночной темноты, и накрыл ее руку своей.

– Ага! Я так рада, что ты рядом. – Молли крепко стиснула отцовскую руку. – Знаешь, папа, мне бы хотелось заказать себе такую же цепочку, как у Понто, длины которой хватило бы на самый долгий твой обход. Я бы соединила нас ею, а когда соскучилась бы по тебе, то потянула бы за нее, а ты, если бы не захотел приехать, потянул бы в ответ. Но зато я была бы уверена, что ты знаешь о том, что нужен мне, и мы никогда не теряли бы друг друга из виду.

– Твой план повергает меня в смятение, как-то путано ты излагаешь его подробности. Но если я тебя правильно понял, то мне придется разъезжать по стране подобно ослику на общинном лугу, с путами на ногах.

– Я не возражаю против того, что ты называешь меня путами, если только они соединят нас с тобой.

– Зато я решительно возражаю против того, чтобы ты называла меня осликом, – заявил он в ответ.

– Ничего подобного! Я тебя так не называла. По крайней мере если у меня так получилось, то это не нарочно. Но какое же удовольствие сознавать, что я могу быть настолько невежливой, насколько захочу.

– И это все, чему ты научилась в обществе важных людей, в котором провела весь день? Я-то рассчитывал, что ты продемонстрируешь такую вежливость и церемонность, что даже прочел несколько глав «Сэра Чарльза Грандисона»⁴, дабы соответствовать моменту.

– Я очень надеюсь, что никогда не стану лордом или леди.

– Знаешь, в утешение тебе могу сказать следующее. Я уверен, что лордом тебе не стать никогда; что же до второго, то и здесь твои шансы тысяча против одного, в том, разумеется, смысле, какой ты вкладываешь в свои слова.

⁴ «История сэра Чарльза Грандисона», именуемая в просторечии «Сэр Чарльз Грандисон» – эпистолярный роман Сэмюэля Ричардсона, впервые увидевший свет в феврале 1753 года.

– Я бы рисковала безнадежно заблудиться всякий раз, когда мне требовалось бы принести свою шляпку, или уставала бы от бесконечных переходов по коридорам и роскошным лестницам задолго до того, как мне бы удавалось выйти в парк на прогулку.

– Но ведь тогда у тебя была бы своя личная горничная, не забывай.

– Знаешь, папа, думаю, что личные горничные еще хуже знатных дам. А вот против того, чтобы стать экономкой, я бы не возражала.

– Нет! Иметь под рукой буфет и десерты – это, конечно, очень удобно, – задумчиво протянул отец. – Вот только миссис Браун рассказывала мне, что мысль о предстоящем обеде или ужине частенько не дает ей спать по ночам, так что следует принять во внимание волнение и беспокойство. Тем не менее в любом положении всегда есть свои плюсы и минусы.

– Что ж, пожалуй, ты прав, – серьезно ответила Молли. – Бетти, например, все время жалуется, что я когда-нибудь сведу ее в могилу зелеными пятнами на своих платьях, которые почему-то пачкаются, когда я сижу на вишневом дереве.

– А мисс Браунинг сказала мне, что довела себя до мигрени, раздумывая о том, как могло так получиться, что они забыли тебя в особняке. Боюсь, что сегодня вечером мысли о тебе приведут их обеих в полное расстройство. Кстати, как такое действительно могло случиться, гусенок?

– Понимаешь, я отправилась прогуляться по саду в одиночестве. Он такой красивый! А потом я заблудилась и присела отдохнуть под большим деревом, и ко мне подошли леди Куксхейвен и эта миссис Киркпатрик. Потом миссис Киркпатрик принесла мне ленч, а после уложила спать на свою постель. Я думала, что она разбудит меня вовремя, но она забыла, и все гости уехали без меня. А когда они стали планировать, чтобы я осталась у них до завтра, мне не хотелось говорить, что я очень-очень хочу домой, но при этом все время думала о том, что ты будешь беспокоиться обо мне.

– Выходит, что праздник получился унылым и мрачным, а, гусенок?

– Только не утром. Я никогда не забуду утро, проведенное у них в саду. А вот что касается остального дня, особенно после полудня, то еще никогда в жизни я не была так несчастлива.

Мистер Гибсон считал своим долгом заехать в Тауэрз и принести милорду и миледи свои извинения, а заодно и поблагодарить их до того, как они вернутся в Лондон. Он застал их в хлопотах, они готовились к отъезду, и ни у кого не нашлось достаточно свободного времени, чтобы выслушать его, за исключением миссис Киркпатрик. Последняя, хотя и должна была сопровождать леди Куксхейвен, дабы нанести визит ее бывшей ученице, выкроила минутку, чтобы принять мистера Гибсона от имени всего семейства, а заодно в своей обворожительной манере заверила его, что никогда не забудет того профессионального внимания, которое он оказывал ей в прежние дни.

Глава 3. Детство Молли Гибсон

За шестнадцать лет до описываемых событий весь Холлингфорд был потрясен до основания известием о том, что мистер Халл, искусный и опытный доктор, лечивший своих пациентов с незапамятных времен, намерен взять себе компаньона. Взывать к коллективному голосу разума оказалось бесполезно, и тогда мистер Браунинг, викарий, мистер Шипшенкс, поверенный лорда Камнора, и сам мистер Халл, столпы здравомыслия из числа сильной половины местного маленького общества, оставили все и всяческие попытки, полагая, что *Che sara sara*⁵ скорее утихомирят ропот недовольства, нежели любые аргументы. Мистер Халл заявил своим верным пациентам, что на его зрение, даже усиленное очками, уже нельзя полагаться и что, как они уже могли заметить сами, слух его тоже оставляет желать лучшего, хотя в данном случае он упрямо придерживался собственного мнения, частенько сетуя на легкомыслие своих собеседников в том, что они разговаривают так, «словно пишут на промокательной бумаге и слова буквально расплываются, наезжая одно на другое». Кроме того, с мистером Халлом нередко случались подозрительные приступы – он называл их «ревматизмом», но при этом выписывал себе такие рецепты, словно страдал подагрой, что иногда мешало ему отправиться на срочный вызов. Тем не менее слепой, глухой и страдающий ревматизмом, он по-прежнему оставался мистером Халлом, тем самым доктором, который способен вылечить любые недуги и недомогания, – разве что пациентов его не постигала безвременная кончина в процессе, – а потому и не имел никакого права заявлять о том, что стареет и намерен взять себе младшего компаньона.

Тем временем он продолжал работать не покладая рук: давал объявления в медицинские журналы, читал рекомендательные письма, изучал характеристики и репутации, – и когда пожилые старые девы Холлингфорда уже сочли, что убедили своего современника в том, что он столь же молод, как и прежде, тот поразил их в самое сердце, представив им своего нового компаньона, мистера Гибсона, начав «коварно», как выразились эти дамы, навязывать им его услуги. «Кто такой этот мистер Гибсон?» – спрашивали они, но ответить на этот вопрос было некому. Спустя много лет о его прошлой жизни они знали не больше, чем в тот самый первый день, когда увидели его: он был высок, не улыбочив, скорее привлекателен, чем наоборот; достаточно худощав, чтобы счесть его происхождение «благородным», поскольку эпоха христианской мужественности тогда еще не наступила. Он разговаривал с легким шотландским акцентом и, как заметила одна добрая леди, имея в виду его сарказм, «был весьма неоригинален в поддержании разговора». Что до его рождения, происхождения и образования, то излюбленное предположение холлингфордского общества состояло в том, что он был незаконным сыном шотландского герцога от какой-то француженки. Основания для такого вывода были следующие: раз он говорит с шотландским акцентом, значит, он шотландец по происхождению. Он обладал благородной внешностью, элегантной фигурой и был склонен, как утверждали его недоброжелатели, к важничанью. Следовательно, его отец наверняка был влиятельной и знатной особой, а из этого предположения вполне можно было допустить, что он мог быть кем угодно – баронетом, бароном, виконтом, графом, маркизом или герцогом. Заглядывать дальше они не осмеливались, хотя одна почтенная дама, знакомая с английской историей, позволила себе однажды замечание, будто «она полагает, что один или двое Стюартов... гм!.. не всегда придерживались... гм! гм! гм!.. строгих правил... поведения и что подобные вещи, по ее разумению... гм! гм! гм!.. случаются в видных семействах». Но, по всеобщему мнению, родитель мистера Гибсона всегда оставался всего лишь герцогом, не более того.

⁵ *Che sara sara* – что будет, то будет; чему быть, того не миновать (искаж. итал.).

Но при этом его мать непременно должна была быть француженкой, поскольку волосы у него были черные как вороново крыло, цветом лица он был бледен, а еще потому, что сам он бывал в Париже. Все это с равным успехом могло быть как правдой, так и выдумкой, однако в любом случае никто и никогда не узнал о нем ничего сверх того, что рассказал мистер Халл. А тот, в свою очередь, поведал, что профессиональные достоинства мистера Гибсона были столь же высоки, как и нравственные принципы, причем и те, и другие намного превышали средний уровень, в чем мистер Халл имел возможность убедиться лично, прежде чем представить его своим пациентам. Но популярность этого мира оказалась столь же преходяща, как и слава, что мистер Халл сполна испытал на себе еще до того, как закончился первый год его партнерских отношений с мистером Гибсоном. Отныне у него появилась масса свободного времени, чтобы холить свою подагру и лелеять зрение. Младший доктор взял на себя исполнение всех обязанностей; почти все теперь посылали исключительно за мистером Гибсоном; не стали исключением и большие дома – даже Тауэрз, самый большой из всех, где мистер Халл представил своего компаньона с некоторым трепетом и волнением, не на шутку тревожась о его поведении и том впечатлении, которое он может произвести на милорда графа и миледи графиню. К концу первых двенадцати месяцев мистера Гибсона уже принимали с не меньшим уважением к его профессиональным достоинствам, чем самого мистера Халла. Мало того, это было уже слишком даже для добродушного старого доктора – мистера Гибсона однажды пригласили на ужин в Тауэрз, дабы он мог составить компанию знаменитому сэру Эстли⁶, главе медицинского сообщества! Да, разумеется, мистер Халл тоже получил приглашение, однако как раз в то время он слег с приступом подагры, поскольку с появлением компаньона ревматизм его получил возможность развиваться невозбранно, и не смог присутствовать на ужине. Бедный мистер Халл так никогда и не оправился от подобного унижения – после этого он окончательно позволил себе утратить зрение и слух и последние две зимы своей жизни уже не выходил из дома. Он послал за своей внучатой племянницей-сиротой, дабы она скрасила ему старость. Старый холостяк-женоненавистник, он проникся благодарностью к жизнерадостной, симпатичной и худенькой мисс Мэри Престон, которая была особой здравомыслящей и доброй, но, увы, ничем более не примечательной. Вскоре она свела тесную дружбу с дочерьми викария, мистера Браунинга, а у мистера Гибсона нашлось время, чтобы поддерживать теплые отношения со всеми троими. Холлингфордцы принялись сплетничать о том, какая из молодых дам вскорости станет миссис Гибсон, но его обитателей постигло горькое разочарование, потому как все разговоры о возможностях и вероятностях относительно женитьбы молодого доктора прекратились самым естественным образом, когда он женился на племяннице своего предшественника. Обе мисс Браунинг по такому случаю не продемонстрировали видимых признаков недовольства и увядания, хотя за их манерами и внешностью наблюдали весьма пристально. Напротив, на свадьбе они вели себя с подчеркнутой веселостью, а от чахотки как раз таки скончалась миссис Гибсон, через четыре или пять лет после бракосочетания – и через три года после смерти своего двоюродного дедушки, когда ее собственному ребенку, Молли, исполнилось всего-то три годика от роду.

Мистер Гибсон особенно не распространялся о своей скорби, вызванной безвременной кончиной супруги, страдать от которой, по всеобщему мнению, он должен был непременно. И впрямь, он старательно избегал всех проявлений симпатии и сочувствия, а однажды поспешно встал и вышел из комнаты, когда мисс Феба Браунинг, впервые увидевшая его после понесенной им утраты, разразилась безудержным потоком слез, грозившим перейти

⁶ Сэр Эстли Пэстон Купер, 1-й баронет (1768–1841) – английский врач, хирург. В 1804 году Купер публикует работу, которая на долгие годы стала настольной книгой для всех хирургов, оперирующих грыжи живота («Анатомия и хирургическое лечение паховых и врожденных грыж»). Купер внес большой вклад в развитие сосудистой хирургии. Он был придворным хирургом при двух королях – Георге IV и Вильгельме IV и королеве Виктории.

в истерику. Впоследствии мисс Браунинг утверждала, что никогда не сможет простить ему тогдашнюю черствость, но уже буквально через две недели у нее состоялся крупный разговор на повышенных тонах с престарелой миссис Гуденоу, которая позволила себе выразить сомнение в том, что мистер Гибсон обладает глубокими чувствами, если судить по узкой полоске крепа, каковая должна была закрывать всю его шляпу, а вместо этого оставила на виду целых три дюйма его тульи. Несмотря на все случившееся, мисс Браунинг и мисс Феба искренне полагали себя ближайшими и верными друзьями мистера Гибсона, претендовать на звание которых им давали отношения с его покойной супругой, и с радостью готовы были проявить материнскую заботу о его маленькой дочке, если бы ту не оберегал бдительный дракон в лице Бетти, ее нянечки, ревностно относившейся к любым посягательствам на ее подопечную. Особенную неприязнь она выказывала тем дамам, которых по возрасту, положению в обществе или соседству полагала способными «строить хозяйну глазки».

За несколько лет до описываемых событий положение мистера Гибсона, социальное и профессиональное, казалось устоявшимся и незыблемым. Он был вдовцом и, скорее всего, намерен был оставаться таковым и впредь. Сосредоточением его домашних привязанностей стала маленькая Молли, но даже ей в минуту откровенности он не открывал всей глубины своих чувств. Он называл ее ласкательным прозвищем Гусенок и получал удовольствие, смущая ее детский ум своим добродушным подтруниванием. К людям несдержанным и экспансивным он испытывал явное презрение, проистекавшее из его медицинских знаний о том, какое влияние на здоровье оказывает неконтролируемое проявление чувств. Он обманывал себя, полагая, что повинуетя исключительно голосу разума, поскольку никогда не позволял себе обзавестись привычкой выражать свое мнение по любому поводу, за исключением сугубо интеллектуальных. Молли же, однако, руководствовалась собственным чутьем и инстинктами. Хотя отец смеялся над нею и насмешничал в манере, которую обе мисс Браунинг именовали не иначе, как «крайне жестокой», свои маленькие горести и радости девочка поверяла именно ему, а отнюдь не Бетти, этой добросердечной фурии. Малышка научилась прекрасно понимать своего отца, и между ними установились восхитительные отношения – шутивно-серьезные, но при этом доверительно-дружеские. Мистер Гибсон держал трех слуг: Бетти, повариху и еще одну девушку, коей полагалось исполнять обязанности служанки. Последняя подпала под власть первых двух, которые были старше ее, и оттого влачила жалкое существование. Мистер Гибсон вполне обошелся бы без такого количества слуг, если бы не привычка, унаследованная им от своего предшественника, мистера Халла, брать двух «учеников» или, как благовоспитанно называли их в Холлингфорде, «подмастерьев», кем они, в сущности, и являлись – связанные договором и вносящие немаленькую плату за обучение профессии. Они жили в доме, занимая стесненное и двусмысленное или, как выражалась мисс Браунинг, «земноводное» положение. Они столовались с мистером Гибсоном и Молли, сознавая при этом, что создают неудобства для обоих. Мистер Гибсон не принадлежал к числу тех, кто способен беззаботно вести ничего не значащие разговоры, и ненавидел, когда его к этому принуждали. Тем не менее что-то заставляло его морщиться, словно он винил себя в том, что недобросовестно исполняет свои обязанности, когда после того, как остатки трапезы убирали со стола, двое неуклюжих молодых людей быстро и радостно вскакивали из-за стола. Коротко кивнув ему на прощание, что должно было означать поклон, они сталкивались в дверях, торопясь поскорее убраться из столовой, а потом из коридора, ведущего в кабинет, доносился топот их ног и сдавленные смешки. Впрочем, глухое раздражение, которое испытывал мистер Гибсон при мысли, что он исполняет свои обязанности ненадлежащим образом, лишь придавало горечи его саркастическим замечаниям, отпускаемым им по поводу их беспомощности, тупости или дурных манер.

Помимо профессиональных наставлений, он решительно не знал, что делать с бесконечной чередой молодых людей, чья единственная миссия, казалось, заключается в том,

чтобы вольно или невольно досаждать своему хозяину. Раз или два мистер Гибсон даже отказывался от того, чтобы взять нового ученика, в тщетной надежде избавиться от этого бремени. Но его репутация как прекрасного врача-хирурга распространялась настолько быстро, что ему охотно предлагали плату, которую он полагал непомерно высокой, за то, чтобы тот или иной молодой человек мог сделать достойный первый шаг в карьере, заявив, что обучался профессии у самого Гибсона из Холлингфорда. Но Молли из ребенка превращалась в маленькую девочку, и, когда ей исполнилось восемь лет от роду, ее родитель уразумел всю затруднительность того, что она частенько завтракает и обедает с учениками в его отсутствие. С целью избавиться от подобного неудобства, а не столько ради наставлений, которые она могла бы дать, он нанял респектабельную женщину, дочь владельца магазина в городе, которая оставила пребывающую в стесненных обстоятельствах семью, чтобы приходиться каждое утро до завтрака и оставаться с Молли до его возвращения домой по вечерам; или же, случись ему припоздниться, быть с Молли до того момента, пока девочку не укладывали в постель.

– Итак, мисс Эйре, – заявил он, подводя черту под своими инструкциями за день до того, как она приступила к исполнению своих обязанностей, – запомните вот что: вы должны готовить чай для молодых людей и побеспокоиться о том, чтобы ничто не мешало им спокойно принимать пищу. Кроме того – вам ведь исполнилось тридцать пять, если я не ошибаюсь? – попытайтесь разговорить их. Правда, заставить их держать разумные речи не в вашей или в чьей-либо еще власти, но хотя бы попытайтесь сделать так, чтобы они не заикались и не хихикали. Не слишком усердствуйте в обучении Молли: она должна уметь вышивать, читать, писать и решать задачи на сложение и вычитание. Но я не хочу лишать ее детства и, если сочту, что ей требуются иные познания, то сам преподам их ей. В конце концов, я даже не уверен в том, что чтение и письмо так уж необходимы. Многие достойные женщины беспечно выходят замуж, ставя крестик вместо фамилии и подписи. На мой взгляд, излишняя грамотность вредит материнскому инстинкту, однако мы должны подчиняться предрассудкам общества, и потому, мисс Эйре, вы можете научить мою дочь читать.

Мисс Эйре выслушала его в молчании, озадаченная, но твердо вознамерившаяся в точности выполнить все указания доктора, в чьей доброте она имела возможность убедиться вместе со своей семьей. Она готовила крепкий чай, приходила, не чинясь, молодым людям на помощь как в присутствии мистера Гибсона, так и в его отсутствие, и даже сумела развязать им языки, правда, когда хозяина не было поблизости, болтая с ними о всяких пустяках в своей уютной и домашней манере. Она научила Молли читать и писать, при этом честно стараясь отвлечь ее от прочих образовательных предметов. И только путем отчаянного сопротивления и ожесточенного упорства Молли удалось убедить отца в том, что она должна брать уроки французского и рисования. Он всегда боялся того, что дочь будет чересчур уж образованной, хотя тревожиться ему было решительно не о чем: учителей, которые сорок лет тому наведывались в маленькие провинциальные города, такие как Холлингфорд, едва ли можно бы назвать светочами педагогики. Раз в неделю Молли присоединялась к танцевальному классу в зале для собраний в главной гостинице городка «Георге» и, поскольку отец постоянно старался отбить у нее охоту к получению интеллектуальных знаний, прочитывала буквально все книги, что попадались ей на глаза, – запретный плод, как известно, сладок. Для своего жизненного статуса мистер Гибсон располагал необычайно обширной библиотекой; медицинская ее часть оставалась недоступной Молли, поскольку хранилась в кабинете, но все остальные книги она или прочла, или хотя бы попыталась прочесть. Ее излюбленным местом для летнего чтения стала развилка вишневого дерева, где она и пачкала свои платья зеленью, что, как мы уже упоминали, грозило свести Бетти в могилу. Несмотря на этого «невидимого червяка в бутоне», Бетти по внешнему виду была сильной, крепкой и цветущей особой. Образно говоря, Бетти оставалась единственным источником раздраже-

ния – бельмом на глазу – для мисс Эйре, которая была рада заполучить хорошую работу в тот самый момент, когда более всего нуждалась в ней. Но Бетти, хотя на словах и соглашалась со своим хозяином, когда он говорил ей о необходимости иметь гувернантку для своей маленькой дочери, яростно сопротивлялась любым попыткам ограничить ее влияние на ребенка, коего она полагала своей подопечной, занозой в пятке и единственной отрадой в жизни с момента безвременной кончины миссис Гибсон. Она с самого начала заняла позицию цензора во всем, что говорила и делала мисс Эйре, и даже не давала себе труда скрыть свое неодобрение. Но в глубине души она не могла не отдавать должное терпению и усердию доброй леди, потому что мисс Эйре оставалась леди в лучшем смысле этого слова, пусть даже будучи всего лишь дочерью владельца магазина из Холлингфорда. Тем не менее Бетти увивалась вокруг нее с надоедливym упорством комара, всегда готового если и не укусить, то непременно отыскать малейшую провинность. Единственную защиту мисс Эйре обрела там, где ожидала встретить ее меньше всего, – в лице своей ученицы, от чьего имени, как угнетаемой бедной малютки, неизменно выступала Бетти. Но Молли с самого начала поняла всю несправедливость нападков на свою гувернантку и вскоре стала еще сильнее уважать ее за стоическое отношение к тому, что причиняло ей куда более сильную боль, чем полагала Бетти. Мистер Гибсон стал настоящим другом в беде для ее семьи, посему мисс Эйре предпочитала оставлять свои жалобы при себе, дабы не докучать ему. И она была вознаграждена сполна. Бетти готова была соблазнять Молли чем угодно, лишь бы только та не выполняла пожеланий мисс Эйре, но девочка упрямо отвергала ее попытки, продолжая старательно трудиться над вышивкой или иным домашним заданием. Бетти отпускала тяжеловесные шуточки в адрес мисс Эйре – в ответ Молли с самым серьезным видом поднимала на нее глаза, словно требуя объяснения нечленораздельной речи. А ведь нет ничего более губительного для доморощенного остряка, чем просьба перевести свои шуточки на простой и понятный английский язык, а потом объяснить, в чем же заключается их сокровенный смысл. Время от времени Бетти попросту забывалась, позволяя себе разговаривать с мисс Эйре дерзко и непочтительно, но, когда однажды подобное случилось в присутствии Молли, девочка разразилась столь страстной и бурной речью в защиту своей безмолвно дрожащей гувернантки, что даже Бетти утратилась, хотя и предпочла отнестись к поведению ребенка как к доброй шутке и даже попыталась убедить мисс Эйре присоединиться к веселью.

– Господи помилуй! Можно подумать, что я – голодная кошка, а она – воробьяха. Вы только взгляните, как она трепещет крылышками, как горят огнем ее маленькие глазки и как она готова заклевать меня только за то, что мне случилось заглянуть в ее гнездышко! Уймись, дитя мое! Если ты готова сидеть взаперти в душной комнате, учась тому, от чего тебе не будет никакого проку, вместо того, чтобы прокатиться на повозке с сеном Джоба Донкина, то это твой выбор, а не мой. Прямо маленькая мегера какая-то, вы не находите? – с улыбкой закончила она, глядя на мисс Эйре.

Но бедная гувернантка не увидела здесь ничего смешного, а сравнения Молли с воробьяхой она попросту не поняла. Женщиной она была впечатлительной и добросовестной, на собственном опыте познавшей, какой вред может принести неукротимый и несдержанный нрав. Посему она начала упрекать Молли в том, что та дала волю чувствам, но девочка сочла, что едва ли ее можно винить в том, что она воспылала праведным гневом, направленным на Бетти. Но в общем и целом это были всего лишь маленькие печали в остальном очень счастливого детства.

Глава 4. Соседи мистера Гибсона

Молли росла среди приятных людей в условиях спокойной однообразной жизни, течение которой не нарушали никакие чрезвычайные события, за исключением описанных выше – когда ее забыли в Тауэрз, – пока ей не исполнилось семнадцать. Она стала посещать школу с попечительскими визитами, но более никогда не бывала на ежегодных празднествах в поместье. Предлог для отказа было найти совсем несложно, да и воспоминания о том дне у нее оставались далеко не самые приятные, хотя она частенько думала о том, что с удовольствием полюбовалась бы великолепными садами еще разок.

Леди Агнесса вышла замуж; дома оставалась лишь одна леди Гарриет; лорд Холлингфорд, старший сын, потерял супругу и, обретя статус вдовца, стал бывать в Тауэрз значительно чаще, чем раньше. Мужчиной он был высоким и нескладным, и его считали таким же гордецом, как и мать; на самом же деле он отличался крайней застенчивостью и неумением вести обыденные разговоры. Он не знал, что сказать людям, чьи повседневные интересы и привычки отличались от его собственных; пожалуй, он был бы чрезвычайно рад возможности обзавестись справочным наставлением о светских беседах, откуда наверняка почерпнул бы немало полезного, выучив нужные предложения на память с добродушным старанием. Он частенько завидовал бойкости речи своего словоохотливого отца, который готов был часами болтать с кем угодно, самым великолепным образом игнорируя факт бессодержательности самой беседы. Но из-за присущей ему природной сдержанности и застенчивости лорд Холлингфорд не пользовался популярностью, хотя и обладал добрым сердцем, простым нравом и обширными научными познаниями, составившими ему заслуженную репутацию среди ученых мужей Европы. В этом смысле Холлингфорд гордился им. Его обитатели знали, что рослый, ужасно серьезный и неуклюжий наследник пользуется нешуточным уважением за свой ум и знания; и что он даже совершил одно или два открытия, хотя в какой области, оставалось для них загадкой. Впрочем, было вполне безопасно показывать его гостям, посещавшим маленький городок, в качестве «того самого лорда Холлингфорда – знаменитого ученого, ну, вы меня понимаете, вы наверняка слышали о нем». Если гостям было известно его имя, то знали они и о его притязаниях на известность и славу; если же нет, то, десять к одному, они ни за что не признались бы в этом, скрывая, таким образом, не только собственное невежество, но и невежество своих собеседников, касающееся источников его репутации.

Он остался вдовцом с двумя или тремя мальчишками на руках. Они учились в частной школе, и, поскольку их общество не могло оживить атмосферу дома, в которой прошла его семейная жизнь, то он предпочитал проводить большую часть времени в Тауэрз. Мать гордилась им, отец очень любил, но при этом оба слегка побаивались его. Милорд и миледи Камнор с неизменным дружелюбием привечали его друзей; первый, правда, имел привычку принимать всех с распростертыми объятиями, но доказательством настоящей привязанности леди Камнор к своему ученому сыну можно было считать тот факт, что она позволяла ему приглашать, как она выражалась, «самых разных личностей» погостить в Тауэрз. На деле же к числу «самых разных личностей» принадлежали те, кто сумел прославиться своей ученостью и знаниями, безотносительно титулов и званий, и, следует признать, без учета изысканности манер или же отсутствия таковых.

Мистера Халла, предшественника мистера Гибсона, миледи всегда принимала с дружелюбной снисходительностью, сочтя его состоявшимся семейным доктором еще во время своего первого появления в Тауэрз сразу же после замужества; но ей и в голову бы не пришло вмешиваться в его обычай принимать пищу, когда он желал подкрепиться, в комнате эко-

номки, хотя и не *с нею, bien entendu*⁷. Спокойный, полный, краснолицый умница доктор явно предпочитал подобное окружение, даже если бы ему предложили (чего никогда не случилось), как он выражался, «перекусить» в обществе милорда и миледи в роскошной столовой. Безусловно, если из Лондона привозили какое-нибудь медицинское светило (наподобие сэра Этли), дабы оно озаботилось состоянием здоровья семьи, то мистера Халла, как и местную сиделку, приглашали на обед в формальной и церемонной манере. По такому случаю мистер Халл прятал подбородок в многочисленные пышные складки белого муслина, надевал черные брюки до колен, украшенные лентами по бокам, атласные чулки и башмаки с пряжками, включая прочие предметы туалета, в коем чувствовал себя ужасно стесненно и неловко, и прибывал в поместье в карете, взятой напрокат у «Георга», в глубине души утешаясь тем, как преподнесет происходящее сквайрам, которых он имел обыкновение навещать на следующий день: «Вчера за обедом граф сказал», или «графиня заметила», или «я с превеликим удивлением узнал, когда давеча обедал в Тауэрз». Но положение вещей каким-то образом изменилось с тех пор, как мистер Гибсон стал доктором *par excellence*⁸ в Холлингфорде. Обе мисс Браунинг были склонны полагать, что причиной тому послужила его элегантная фигура и «изысканные манеры»; миссис Гуденоу уверяла, что всему виной «его связи в среде аристократии» – «сын шотландского герцога, дорогая моя, и неважно, законный или нет», – но, как бы там ни было, факт оставался фактом. Хотя он частенько просил миссис Браун дать ему что-нибудь перехватить на скорую руку в комнате экономки – у него попросту не было времени на всю эту церемониальную суету ленча с миледи, – его всегда были готовы принять в самом избранном кругу гостей дома. Он мог пообедать с герцогом в любой день, когда ему только вздумается, при условии, разумеется, что приезда герцога ожидали в Тауэрз. Он разговаривал с шотландским, а не с провинциальным акцентом. На костях его не имелось ни капельки лишнего жира, а стройность, как известно, верный признак благородного происхождения. Цвет лица его отличался изысканной бледностью, а волосы были черными; в те времена, спустя десяток лет после окончания большой континентальной войны, бледность и темные волосы сами по себе служили отличительным признаком. Его трудно было назвать жизнерадостным и общительным, как со вздохом отмечал милорд, но ведь приглашение подтверждала миледи. Он был сдержан в общении, интеллигентен и немного саркастичен. Словом, мистер Гибсон был исключительно презентабелен.

Шотландская кровь (а в том, что он был шотландцем, не могло быть ни малейших сомнений) придавала ему колючего достоинства, которое заставляло всех без исключения относиться к нему с уважением, и в этом смысле он чувствовал себя абсолютно уверенно. Осознание собственного величия, когда время от времени его приглашали в Тауэрз, на протяжении многих лет не доставляло ему особенного удовольствия, но он понимал, что это всего лишь одно из обязательств, которые налагала на него профессия, а вовсе не общественное вознаграждение или признание.

Но когда лорд Холлингфорд вернулся, чтобы сделать Тауэрз своим домом, положение вещей изменилось. Теперь мистер Гибсон действительно слышал и узнавал вещи, которые по-настоящему его интересовали, придавая новый оттенок и смысл тому, что он читал сам. Время от времени он встречался с персонажами, задающими тон в научном мире, на первый взгляд странными и простодушными людьми, увлеченными своими собственными проектами и зачастую не знающими, что сказать по поводу всего остального. Мистер Гибсон вдруг обнаружил, что ценит знакомство с ними, а они, в свою очередь, дорожат его мнением, поскольку оно было честным и непредвзятым. И впрямь, вскоре он и сам начал отправлять результаты собственных наблюдений в научные медицинские журналы, а его существова-

⁷ Bien entendu – разумеется (*фр.*).

⁸ Par excellence – лучший в своем роде; образцовый.

ние, благодаря подобной отдаче и получению свежих идей, обрело новый смысл. Между ним и лордом Холлингфордом не возникло особой близости, поскольку один был слишком молчалив и застенчив, а другой – слишком занят, чтобы искать общества друг друга с настойчивостью, призванной преодолеть различие в социальном статусе, что изначально препятствовало их частым встречам. Но зато каждый из них с готовностью шел навстречу другому. Каждый мог рассчитывать на уважение и сочувствие с уверенностью, незнакомой многим из тех, кто величает себя друзьями, что и стало источником внутреннего удовлетворения для обоих, причем для мистера Гибсона в куда большей степени, разумеется, поскольку его круг интеллигентного и утонченного общения был значительно уже. И впрямь, среди тех, с кем ему приходилось иметь дело, не было никого, кто мог бы с ним сравниться, что чрезвычайно угнетало его, хотя в причинах подобной депрессии он не признался бы и самому себе. Среди его знакомых числился мистер Эштон, викарий, сменивший на этом посту мистера Браунинга, честный и добросердечный человек, но совершенно не умеющий мыслить самостоятельно. Его благоприобретенная куртуазность и праздность ума позволяли ему соглашаться с любой точкой зрения, не имевшей явных признаков ереси, и изрекать избитые банальности с самым благожелательным видом. Мистер Гибсон раз или два позволил себе позабавиться на его счет, заведя бедного клирика в его покладистом восприятии неких «совершенно убедительных» доводов и «любопытных, но несомненных» заявлений в болото еретического замешательства. Но боль и страдания, которые испытывал мистер Эштон, неожиданно осознавая, в какую теологически предательскую ловушку он сам себя загнал, и сильнеешие угрызения совести, коим он предавался после своих же предыдущих допущений, оказывались настолько сильными, что лишали мистера Гибсона всяческого удовольствия, и он спешил поскорее вернуться к Тридцати девяти статьям⁹ со всем благорасположением, на какое только был способен, как к единственному средству умиротворить совесть викария. По любому другому вопросу, за исключением ортодоксальных, мистер Гибсон мог завести клирика куда угодно, но невежество мистера Эштона в отношении большинства из них не позволяло ему покорно согласиться с выводами, способных потрясти его. Викарий обладал некоторым состоянием, не имел супруги и вел жизнь праздного и утонченного холостяка. Хотя он не слишком часто навещал своих самых бедных прихожан, зато всегда готов был облегчить их насущные нужды в наиболее либеральной и, учитывая его привычки, наиболее бескорыстной манере, стоило только мистеру Гибсону или кому-либо еще заикнуться о них.

– Пользуйтесь моим кошельком, как своим собственным, Гибсон, – говорил он в таких случаях. – Я не умею наносить визиты и разговаривать с бедняками. Полагаю, что я прикладываю для этого недостаточно усилий, зато готов пожертвовать чем угодно ради того из них, кого вы считаете достойным.

– Благодарю вас. Я и так обращаюсь к вам слишком часто, причем без особого стеснения. Но если позволите дать вам один совет, не пытайтесь завязать разговор, когда навещаете своих прихожан, а просто разговаривайте с ними.

– Не вижу особой разницы, – ворчливо замечал викарий, – но, полагаю, она все-таки существует, и я не сомневаюсь, что вы говорите правду. Я не должен стараться завязать разговор, а просто разговаривать. Но поскольку и то, и другое для меня одинаково трудно, вы должны позволить мне купить привилегированное право хранить молчание с помощью этой десятифунтовой банкноты.

– Благодарю вас. Я не слишком этим удовлетворен, как и вы, полагаю. Но, пожалуй, Джонсы и Гринсы предпочтут именно такой вариант.

Обычно после таких речей мистер Эштон взирал на мистера Гибсона с горестным недоумением, словно вопрошая, уж нет ли в его словах сарказма. Но в целом они относи-

⁹ Тридцать девять статей – свод догматов англиканской церкви.

лись друг к другу с несомненным дружелюбием, вот только помимо стадного чувства солидарности, свойственного большинству мужчин, общество друг друга доставляло им совсем немного подлинного удовольствия.

Пожалуй, человеком, к которому мистер Гибсон питал искреннее расположение – по крайней мере до появления в окрестностях лорда Холлингфорда, – был некий сквайр Хэмли. Титул сквайра передавался в его роду с незапамятных времен. Но в графстве были землевладельцы намного богаче его, поскольку поместье сквайра Хэмли не превышало восьмисот акров или около того. Зато его семья владела ими еще тогда, когда о графах Камнор никто и слыхом не слыхивал, до того, как Хели-Гаррисоны купили Коулдстоун-Парк, – словом, никто в Холлингфорде не помнил тех времен, когда клан Хэмли еще не жил в поместье Хэмли.

– Со времен союза семи королевств англо-саксов, – говорил викарий.

– Нет, – возражала ему мисс Браунинг, – я слышала, что Хэмли из Хэмли обитали здесь еще до появления римлян.

Викарий уже готовился изложить вежливое согласие, когда в разговор с еще более поразительным утверждением вмешалась миссис Гуденоу.

– А мне говорили, – протянула она с умудренным видом самого старшего и, следовательно, авторитетного из собеседников, – что Хэмли жили в Хэмли еще до язычников.

Мистеру Эштону оставалось только поклониться и добавить:

– Очень может быть, мадам, очень может быть.

Слова эти он произнес в столь учтивой манере, что миссис Гуденоу огляделась с таким довольным видом, словно говоря: «Видите, Церковь подтверждает мои слова. Ну и кто теперь осмелится опровергнуть их?» Как бы там ни было, но Хэмли действительно были старинным семейством, не исключено, что и коренными жителями. На протяжении многих веков они не стремились расширить свои владения, старательно сохраняя то, что имели, пусть и с некоторыми усилиями, и в последнюю сотню лет не продали ни единой пяди своей земли. Впрочем, они не отличались как предприимчивостью, так и авантюризмом. Они никогда не торговали, не играли на бирже и не пытались внедрить сельскохозяйственные усовершенствования любого рода. Капитала в банках они не держали отродясь, как и не хранили золото в чулке или под матрасом, что было бы более уместно в данном случае. Их образ жизни отличался простотой и более соответствовал йомену¹⁰, нежели сквайру. И действительно, сквайр Хэмли, наследуя старомодные обычаи и традиции своих предков, сквайров восемнадцатого века, вел образ жизни, куда более соответствующий йоменам, когда такой класс еще существовал, нежели сквайрам нынешнего поколения. В таком консерватизме присутствовало несомненное достоинство, обеспечившее ему огромное уважение во всех слоях местной общины; перед ним распахнулись бы двери любого дома, если бы он того пожелал. Но он был совершенно равнодушен ко всем прелестям и соблазнам общества; быть может, это объяснялось тем, что нынешний сквайр, Роджер Хэмли, живший и правивший сейчас в Хэмли, не получил должного образования, на которое вправе был рассчитывать. Его отец, сквайр Стивен, провалился на экзаменах в Оксфорде и, выказав упрямую гордыню, отказался поступать туда вновь. Более того, он дал обет, как было в обычае у мужчин в те времена, что ни один из его отпрысков никогда не будет учиться в университете! У него был всего один ребенок, нынешний сквайр, и того воспитали в строгом соответствии с заветами отца, отправив его учиться в небольшую провинциальную школу, где он столкнулся со многим из того, что позже возненавидел, воротившись в поместье в качестве наследника. Впрочем, подобное воспитание не причинило ему того вреда, который можно было предвидеть. Да, образование его оставляло желать лучшего, и порой он демонстрировал поразительное невежество, но он вполне сознавал собственную неполноценность и даже сожалел о ней –

¹⁰ Йомен – фермер средней руки, зажиточный крестьянин; сквайр – помещик, крупный землевладелец.

в теории. В обществе он выглядел неуклюжим и нескладным и посему старался избегать его, как чумы; в своем же собственном кругу он проявлял несдержанность нрава и несомненный деспотизм. С другой стороны, он был щедр и верен своему слову, честен до мозга костей, говоря другими словами. Помимо всего прочего, он обладал такой врожденной проницательностью, что его рассуждения заслуживали самого внимательного к себе отношения, хотя временами он склонен был исходить из абсолютно ложных предпосылок, которые полагал столь же неопровержимыми, как если бы они были доказаны математически. Но в том случае, если его предпосылки оказывались верными, никто не смог бы вложить больше природной смекалки и здравого смысла в аргументы, которые на них основывались.

Он женился на утонченной и хрупкой молодой леди из Лондона. Странная эта женитьба была из разряда тех, причины которых никто понять не в состоянии. Тем не менее они были очень счастливы вдвоем, хотя, пожалуй, миссис Хэмли и не пребывала бы в постоянном болезненном состоянии, если бы ее супруг проявлял больше внимания к ее вкусам или позволял бы ей водить дружбу с теми, кто сделал бы это вместо него. После своей женитьбы он заявил, что получил все, что стоило получить от этого скопища домов, именуемого Лондоном. Этот комплимент своей супруге он повторял из года в год, вплоть до самой ее смерти; поначалу он казался ей очаровательным, а потом стал просто приятным; но, несмотря на все это, временами ей очень хотелось, чтобы он признал тот факт, что и в большом городе есть на что посмотреть и послушать. Но он наотрез отказывался бывать в столице и, хотя никогда не запрещал ей ездить туда одной, по возвращении выказывал столь мало понимания и сочувствия тому, чем она занималась, что со временем и она перестала навещать Лондон. При этом он был добр и великодушен, никогда не отказывал ей в деньгах, чтобы она ни в чем не нуждалась.

«Ну же, любовь моя, купи себе вот это! – говорил он. – Одевайся ничуть не хуже любой из своих знакомых и ни в чем себе не отказывай, хотя бы ради Хэмли из Хэмли. Бывай в парке и на спектаклях, и пусть все видят, что ты ничем не хуже их. Я буду рад, когда ты вернешься, но понимаю и то, что тебе надо развлечься». После того как она возвращалась, он заявлял: «Так-так, полагаю, ты получила массу удовольствия, и это очень хорошо. Но один только разговор об этом утомляет меня, и я не представляю, как ты все это вынесла. Иди сюда и взгляни, как славно распустились цветы в южном саду. Я распорядился посадить те семена, что ты любишь. А еще я съездил в питомник в Холлингфорде и купил побеги тех растений, которыми ты восхищалась в минувшем году. Глоток свежего воздуха прочистит мне мозги после того, как я выслушал твой рассказ об очередном сумасбродстве в Лондоне, от которого у меня закружилась голова».

Миссис Хэмли оказалась завзятой читательницей и обладала отменным художественным вкусом. Нрав у нее был мягкий и сентиментальный, она отличалась нежностью и добросердечием. Она отказалась от визитов в Лондон, как отказалась и от удовольствия поддерживать знакомство с друзьями, равными ей по образованию и положению в обществе. Ее супруг из-за лишений, которые он претерпел в юности, не любил общаться с теми, с кем должен был чувствовать себя на равных; при этом он был слишком горд, чтобы дружить с людьми, стоявшими ниже его на социальной лестнице. Он понимал, чем пожертвовала ради него жена, и оттого любил ее еще сильнее. Но молодая женщина, лишенная прежних привязанностей и интересов, стала испытывать недомогания: вроде бы ничего серьезного и определенного, однако же ей все время нездоровилось. Быть может, родись у нее дочь, это стало бы для нее спасением, но двое ее детей были мальчиками, и их отец, стремясь дать им те преимущества, которых был лишен сам, очень рано отправил их в частную подготовительную школу. Им предстояло учиться в Рагби¹¹ и Кембридже; мысль о поступлении в Оксфорд вызывала

¹¹ Школа Рагби (или «школа Регби») – британская публичная школа, одна из старейших в стране, которая является

в семействе Хэмли наследственное отвращение. Осборн, старший, названный в честь девичьей фамилии матери, обладал несомненными способностями и некоторым талантом. Он выглядел точной копией своей матери, изящной и утонченной особы. Он был кротким и любящим мальчиком, но при этом экспансивным, как девчонка. В школе он учился очень хорошо, удостоившись множественных отличий; в определенном смысле он стал гордостью и отца, и матери; а в отношении последней – еще и надежным другом, за неимением других. Роджер был на два года младше Осборна; неуклюжий и коренастый, он сложением пошел в отца; казалось, на его неподвижном квадратном лице навеки застыло серьезное выражение. Он был прилежен, но недалек и скучен, как отзывались о нем учителя. Он не завоевал никаких наград, зато привез домой благодарность за хорошее поведение. Когда он выказывал матери свою нежную любовь к ней, она, смеясь, вспоминала сказку про комнатную собачку и ослика, посему вскоре он отказался от любых выражений личной привязанности. По прошествии определенного времени перед его родителями встал нешуточный вопрос о том, должен ли он идти по стопам старшего брата и поступать в колледж. Миссис Хэмли полагала, что это будет все равно что выбросить деньги на ветер, поскольку едва ли он мог отличаться в творческих дисциплинах. Что-нибудь более приземленное и практичное – например, профессия инженера-строителя – подошла бы ему куда больше. Она опасалась, что для него было бы унижительно поступать в тот же самый колледж и университет, что и его брат, который наверняка покроет себя славой, а потом, после неизбежного отчисления, вернуться домой, окончательно превратившись в неудачника. Но его отец упорно стоял на своем, заявляя, что непременно желает дать обоим своим сыновьям одинаковое образование и что они оба должны иметь возможность воспользоваться преимуществами, которых он был лишен. А если Роджер не сумеет проявить себя в Кембридже, то в этом будет виноват только он сам, и более никто. Если же отец не отправит его туда, то в один прекрасный день может пожалеть об этом, как на протяжении многих лет корил себя за подобную ошибку сквайр Роджер. Итак, Роджер последовал за своим братом Осборном в Тринити¹², а миссис Хэмли вновь осталась одна после того, как целый год пребывала в нерешительности относительно дальнейшей судьбы Роджера, которая разрешилась после того, как состояние ее здоровья резко ухудшилось. Вот уже много лет она не выходила дальше пределов сада; большую часть жизни она провела на софе; летом ее подвозили в кресле-каталке к окну, а зимой – к разожженному камину. Комната, в которой она обитала, была большой и очень милой; четыре высоких окна выходили на лужайку с разбитыми на ней цветочными клумбами, постепенно переходившую в лес, посреди которого раскинулось озеро с водяными лилиями. С тех пор как миссис Хэмли перебралась на софу, читая и сочиняя стихи, она написала множество прелестных четверостиший, посвященных этому невидимому пруду, притаившемуся в лесной чаще. Рядом с нею стоял небольшой столик, на котором лежали самые последние поэмы и романы, карандаш и бювар с листами чистой бумаги; тут же стояла и ваза, цветы для которой собственноручно собирал ее супруг, а зимой и летом она неизменно получала от него свежий букет каждый день. Горничная каждые три часа приносила ей лекарство вместе со стаканом

главной достопримечательностью одноименного города в графстве Уорикшир. Взлет репутации школы в Рагби приходится на начало XIX века. Основная заслуга в этом принадлежит Томасу Арнольду (директор в 1828–1842 гг.), который попытался сделать Рагби основным конкурентом Итонского колледжа в качестве наиболее фешенебельной школы Британии. При Арнольде упор был сделан на прививании мальчикам христианских ценностей и атлетической физической подготовке. Поощрялись командные игры, включая названную именем школы игру регби (1823 г.). У стен школы стоит памятник создателю этой игры Уильяму Эллису. Арнольдовская модель публичной школы в викторианскую эпоху стала канонической и была перенесена на другие закрытые учебные заведения такого типа.

¹² Тринити-колледж – один из 31 колледжа Кембриджского университета. В этом колледже больше членов (если считать студентов и преподавателей вместе), чем в любом другом колледже Кембриджа или Оксфорда. У колледжа весьма солидная репутация, многие члены британской королевской семьи являлись его выпускниками: король Эдуард VII, король Георг VI, принц Генри, герцог Глостерский и Чарльз, принц Уэльский.

воды и сухим печеньем, супруг навещал ее так часто, как только позволяли его любовь к свежему воздуху и хозяйственные хлопоты, но событием дня для нее, когда мальчиков не было дома, становились профессиональные визиты мистера Гибсона.

Мистер Гибсон знал, что существует некая тайная причина всех ее недомоганий, о которых окружающие отзывались как о чудачестве, а кое-кто даже обвинял его в том, что он потакает ее капризам. Но он лишь улыбался в ответ на эти обвинения. Он чувствовал, что его визиты доставляют ей настоящее удовольствие, облегчая ее все усиливающийся и неопиcуемый дискомфорт. Знал он и то, что сэр Хэмли был бы только рад, если бы врач навещал его супругу хоть каждый день, а еще осознавал, что, внимательно наблюдая за симптомами ее недуга, сможет облегчить ей физическую боль. Но, помимо всего прочего, общество сквайра доставляло ему настоящее удовольствие. Мистеру Гибсону нравилось неблагоприятное и упрямство собеседника, его причуды, его непоколебимый консерватизм в религии, политике и морали. Иногда миссис Хэмли пыталась принести извинения или хотя бы смягчить точку зрения, которая, по ее мнению, могла показаться доктору оскорбительной, либо же возражения, выглядевшие слишком уж резкими, но в такие моменты ее супруг почти что с нежностью клал свою огромную ручищу на плечо мистеру Гибсону и успокаивал жену, говоря: «Оставь нас одних, маленькая женщина. Мы прекрасно понимаем друг друга, не правда ли, доктор? Видишь, он ведь тоже не лыком шит и частенько берет надо мной верх. Но вся штука в том, что он неизменно готов подсластить пилюлю перед тем, как скажет что-нибудь резкое, а потом притворяется, что это была всего лишь любезность и смирение с его стороны. Но я всегда понимаю, когда он ставит меня на место».

Одним из желаний миссис Хэмли, которое она выражала чаще прочих, было то, чтобы Молли нанесла ей визит и погостила у нее. Но мистер Гибсон неизменно отказывал ей в этой просьбе, хотя и затруднился бы объяснить причину. Собственно говоря, он попросту страшился лишиться общества своего ребенка, хотя себе объяснял это несколько по-другому. Он полагал, что в таком случае пострадает учеба Молли, да и выполнение ею своих обязанностей тоже будет нарушено. Кроме того, по его глубокому убеждению, долгое пребывание в душной комнате, насыщенной тяжелыми ароматами, не пойдет на пользу девочке. Дома будут Осборн и Роджер, а он не хотел, чтобы она проводила слишком много времени в их обществе; если же их дома не окажется, то девочку ждет унылая и гнетущая атмосфера постоянного соседства с нервнoбольной женщиной.

Но в конце концов наступил такой день, когда мистер Гибсон во время очередного визита в Хэмли сам предложил прислать Молли, и хотя продолжительность визита заранее не была оговорена, миссис Хэмли ухватилась за это предложение «обеими руками своего любящего сердца», как она выразилась. Что до причины подобной перемены взглядов мистера Гибсона, то она заключалась в следующем: как мы уже упоминали, он брал учеников, зачастую против своего желания, и в данный момент таковыми числились мистер Уинн и мистер Кокс, «юные джентльмены», как их называли в доме. В городе же их величали «молодыми джентльменами мистера Гибсона». Мистер Уинн был старшим и более опытным из них двоих и время от времени даже брал на себя обязанности своего хозяина и набирался опыта, посещая бедняков и «хронические случаи». Мистер Гибсон подолгу разговаривал с мистером Уинном по поводу своей практики, тщетно надеясь на то, что рано или поздно мистер Уинн научится мыслить самостоятельно. Но молодой человек проявлял крайнюю осторожность и медлительность; было очевидно, что он никогда не нанесет кому-либо вреда своими поспешными и необдуманными действиями, но в то же время будет неизменно отставать от жизни. Тем не менее мистер Гибсон старался помнить о том, что у него бывали и куда худшие «юные джентльмены», так что он был вполне доволен и даже испытывал благодарность к такому достаточно взрослому ученику, как мистер Уинн. Мистер же Кокс был юношей лет девятнадцати или около того, с ярко-рыжими волосами и веснушчатой физио-

номией, в чем он вполне отдавал себе отчет и чего ужасно стеснялся. Он был сыном офицера, расквартированного в Индии, старого знакомого мистера Гибсона, который в настоящее время служил в Пенджабе в гарнизоне с непроизносимым названием. Но в минувшем году майор Кокс приезжал в Англию, где неоднократно выражал сугубое удовлетворение тем, что его единственный сын попал в ученики к его старому другу, и, в сущности, буквально навязал мистеру Гибсону опеку и наставничество над мальчишкой, обставив это дело многочисленными запретительными мерами, которые полагал обязательными в данном случае. На что мистер Гибсон с некоторым раздражением, что было вполне понятно и простительно, заверил его, что подобная практика распространяется на каждого из его учеников. Но когда бедный майор осмелился предложить, чтобы мальчика считали членом семьи и чтобы он проводил вечера в гостиной, а не в приемной врача, мистер Гибсон ответил ему прямым и недвусмысленным отказом.

– Он должен жить так же, как и все остальные. Я не могу позволить, чтобы пестик и ступка переместились в гостиную, а та пропахла бы столетником.

– Что же, мальчику придется самому готовить снадобья? – горестно поинтересовался майор.

– Всенепременно. Самые младшие подмастерья занимаются этим в обязательном порядке. К тому же это не такая уж тяжелая работа. А он может утешаться мыслью о том, что ему не придется глотать их самому. А еще он сможет угощаться понтефракскими пастилками¹³ и вареньем из ягод шиповника, а по воскресеньям наслаждаться вкусом индийских фиников в награду за свои труды по приготовлению лекарств.

Мистер Кокс не был уверен, что мистер Гибсон не потешается над ним в душе, но, поскольку все уже было договорено, а обещанные преимущества оказались достаточно велики, он решил сделать вид, будто всем доволен, и даже смирился с изготовлением снадобий. К тому же все эти мелкие недоразумения отошли на задний план, когда наступил момент прощания. Доктор не отличался многословием, но в его манерах сквозило такое дружеское участие, от которого отцовское сердце растаяло, тем более что в последних словах явственно прозвучал намек на то, что «ты вверил мне своего сына, и я сделаю все, чтобы оправдать твое доверие».

Мистер Гибсон слишком хорошо знал свое дело и человеческую природу, чтобы сделать юного Кокса своим любимчиком; но время от времени он давал понять юноше, что относится к нему с особым интересом, как к сыну своего старого друга. Помимо этого обстоятельства, в молодом человеке было нечто такое, что пришлось по душе мистеру Гибсону. Кокс был порывистым и импульсивным, не лез за словом в карман, проявляя порой невероятную подсознательную проницательность или же допуская грандиозные ляпы. Мистер Гибсон не уставал напоминать юному мистеру Коксу, что его девизом, несомненно, будет «убить или исцелить», на что тот отвечал, что полагает этот девиз наиболее подходящим для любого врача, поскольку, если уж он не в состоянии вылечить пациента, то наилучшим выходом будет быстро и безболезненно избавить его от страданий. Однажды мистер Уинн с удивлением поднял на него глаза и заявил, что подобное избавление от страданий некоторыми людьми может быть сочтено за преднамеренное убийство. Мистер Гибсон сухо возразил, что он, со своей стороны, не стал бы возражать, если бы ему вменили в вину умышленное убийство, вот только не годится избавляться от выгодных пациентов столь решительно и быстро. И добавил, что до тех пор, пока пациенты в состоянии платить по два шиллинга и шесть пенсов за визит врача, он считает своей первой обязанностью сохранить им жизнь. Разумеется, ситуация изменится самым кардинальным образом, если они обнищают. Мистер

¹³ Понтефракская пастилка – конфета с лакричным экстрактом.

Уинн надолго задумался над его словами, а мистер Кокс расхохотался. Наконец мистер Уинн изрек:

– Но ведь каждое утро, сэр, вы еще до завтрака навещаете старую Нэнси Грант и даже заказали для нее лекарство, самое дорогое в аптеке Корбина, не так ли?

– Разве вы не знаете, как трудно людям соблюдать собственные заповеди? Вам предстоит еще многому научиться, мистер Уинн! – бросил на прощание мистер Гибсон и вышел из кабинета.

– Я до сих пор не понимаю, когда хозяин шутит, а когда говорит серьезно, – заметил мистер Уинн, и в голосе его прозвучали нотки отчаяния. – Чему ты смеешься, Кокси?

– О! Я думаю о том, как тебе повезло, что у тебя есть родители, которые вложили моральные принципы в твою светлую голову. Ты бы пользовал бедняков ядом направо и налево, если бы твоя матушка не сказала тебе, что убийство – это преступление. Ты был бы уверен, что поступаешь так, как тебе велели, и цитировал бы на суде слова старины Гибсона. «Ваша честь, они были не в состоянии оплачивать мои визиты, посему я следовал профессиональному кодексу поведения, которому научил меня мистер Гибсон, великий врач-хирург из Холлингфорда, и потому отравил этих бедняг».

– Мне не по душе его сарказм.

– А мне он, наоборот, нравится. Если бы не чувство юмора нашего наставника, да индийские финики, да кое-что еще, я бы уже давно сбежал в Индию. Я ненавижу душные помещения, больных людей, запах лекарств и то, что мои руки пропахли ими. Фу, какая гадость!

Глава 5. Телячьи нежности

Однажды мистер Гибсон по какой-то причине вернулся домой в неурочный час. Он как раз пересекал холл, войдя через дверь со стороны сада (сад соединялся с конным двором, где он оставил свою лошадь), когда дверь кухни вдруг отворилась и девушка, исполнявшая роль младшей прислуги, быстро вышла в холл, сжимая в руке какое-то письмо и явно намереваясь подняться наверх. Но, увидев хозяина, она растерялась и повернула назад, пытаясь, очевидно, укрыться в кухне. Не выкажи она столь явно своего испуга, за которым стояло несомненное чувство вины, мистер Гибсон, далекий от каких бы то ни было подозрений, наверняка не обратил бы на нее ни малейшего внимания. Но теперь он быстро шагнул вперед, отворил дверь в кухню и окликнул служанку:

– Бетия!

Его голос прозвучал настолько резко, что девушка без промедления вышла ему навстречу.

– Отдайте мне эту записку, – сказал он.

Девушка заколебалась.

– Это для мисс Молли, – запинаясь, пробормотала она.

– Немедленно отдайте ее мне! – тише прежнего проговорил он.

Она же выглядела так, словно готова была расплакаться, но по-прежнему прятала записку за спиной.

– Он сказал, что я должна передать письмо ей в собственные руки, и я пообещала ему и дала честное слово.

– Повариха, ступайте и найдите мисс Молли. Попросите ее немедленно прийти сюда.

Он вперил в Бетию строгий взгляд. Бежать ей было некуда. Правда, она могла бы бросить письмо в огонь, но ей попросту не достало для этого смелости. Она стояла неподвижно, и только глаза ее испуганно метались из стороны в стороны, старательно избегая взгляда своего хозяина.

– Папа! А я даже не знала, что ты уже дома! – невинно воскликнула ничего не подозревающая Молли.

– Бетия, держите слово. Вот мисс Молли, отдайте ей записку.

– Простите меня, мисс, но я ни в чем не виновата!

Молли взяла письмо, но, прежде чем она успела развернуть его, мистер Гибсон сказал:

– Довольно, дорогая, тебе вовсе необязательно читать его. Отдай его мне. А вы, Бетия, передайте тому, кто вас послал, что все письма для мисс Молли должны проходить через мои руки. А ты ступай, гусенок, и продолжай заниматься своими делами.

– Папа, ты должен сказать, кто был моим несостоявшимся корреспондентом.

– Мы поговорим об этом позже.

Молли с некоторой неохотой, испытывая неудовлетворенное любопытство, поднялась наверх, к мисс Эйре, которая по-прежнему оставалась ее дневной компаньонкой, если уж не гувернанткой. А мистер Гибсон свернул в пустую столовую, закрыл за собой дверь, сломал печать на записке и прочел ее. Это было пылкое любовное послание от мистера Кокса; юноша признавался, что не может изо дня в день лицезреть ее и не признаться в той страсти, которую она в нем зажгла, – «вечной и непреходящей», как он выразился. Прочитав эти слова, мистер Гибсон позволил себе рассмеяться. Не одарит ли она его ласковым взглядом? Не вспомнит ли о том, чьи мысли занимает только она одна? И так далее и в том же духе, с соответствующими жаркими и яростными дифирамбами ее красоте. Оказывается, кожа у нее прозрачная, как речная вода, а вовсе не бледная; глаза у нее яркостью не уступают Полярной звезде, а ямочки на щеках – это прикосновения пальцев Купидона и т. д.

Мистер Гибсон закончил читать записку и надолго задумался. «Кто бы мог подумать, что парнишка обладает настолько поэтическим складом ума? Вот, кстати, у меня в медицинской библиотеке стоит томик Шекспира: надо убрать его и заменить словарем Джонсона. Единственное утешение – это ее полнейшая невинность, точнее, неведение, поскольку и слепому видно, что это «его первое признание в любви», как он выражается. Но теперь у меня появилась серьезная причина для беспокойства – разбираться с поклонниками столь юной дочери. Ей ведь всего семнадцать – точнее, исполнится в июле, то есть только через шесть недель. Шестнадцать и три четверти! Она совсем еще ребенок. Правда, бедная Джинни была еще моложе, а как я ее любил!» (Миссис Гибсон звали Мэри, следовательно, он имел в виду кого-то другого.) Очевидно, мыслями он перенесся в прошлое, хотя по-прежнему сжимал в руке раскрытое письмо. Но вот взгляд его вновь опустился на листок бумаги, и мистер Гибсон вернулся в настоящее. «Я не буду слишком уж строг к нему, а просто намекну. Он достаточно умен, чтобы понять. Бедный мальчик! Если я отправлю его восвояси, что было бы лучше всего, ему ведь некуда пойти – дома-то у него и нет».

Еще немного поразмыслив, мистер Гибсон отправился к себе, уселся за письменный стол и выписал следующий рецепт:

Мастер Кокс!

(«Обращение “мастер”¹⁴ заденет его до глубины души», – сказал себе мистер Гибсон и продолжил писать дальше.)

Взять одну унцию застенчивости, одну унцию лояльности приютившему дому и три грана молчания. Растворить в чистой воде и принимать три раза в день.

Р. Гибсон, глава семьи

Мистер Гибсон печально улыбнулся, перечитав написанное.

– Бедная Джинни, – произнес он вслух, затем взял конверт и вложил в него пылкое любовное послание и свой рецепт, запечатав его своим перстнем с вырезанными на нем староанглийскими буквами «Р» и «Г». Потом мистер Гибсон задумался над адресом: «Ему наверняка не понравится обращение «мастер Кокс» на конверте, не стоит унижать его лишним раз». В результате конверт был адресован... «Эдварду Коксу, эсквайру».

После этого мистер Гибсон занялся неотложными профессиональными делами, что так неожиданно и очень удачно привели его домой, а затем направился через сад в конюшню. Садясь на лошадь, он сказал конюху:

– Вот, кстати, чуть не забыл! У меня же есть письмо для мистера Кокса. Только не передавайте его через женщин, отнесите его сами в мою приемную и постарайтесь сделать это немедленно.

Легкая улыбка, игравшая у него на губах, когда он выезжал за ворота, исчезла сразу же, едва мистер Гибсон оказался в уединении полей. Придержав коня, он поехал медленнее и погрузился в размышления. Очень, знаете ли, затруднительное и щекотливое это дело – растить без матери девочку, которая вот-вот станет девушкой, в доме с двумя молодыми людьми, пусть даже она встречается с ними лишь за обеденным столом и все общение, на которое они отваживаются, заключается в скомканных предложениях: «Я могу положить вам картофеля?» или, как упорствует мистер Уинн, «Я могу помочь вам с картофелем?» – выражение, которое с каждым днем все сильнее резало слух мистеру Гибсону. Тем не менее мистеру Коксу, виновнику предосудительного происшествия, которое только что имело место быть, предстояло еще три года оставаться учеником в семье мистера Гибсона. Пожалуй, он станет последним в этой гонке. Однако же эти три года еще надо как-то прожить, а если эти

¹⁴ Вежливое обращение к ребенку, юноше, несовершеннолетнему.

его глупые телячьи нежности сохранятся, то что прикажете делать? Рано или поздно Молли сообразит, что с ним происходит. Последствия вырисовались столь неприятные, что мистеру Гибсону не хотелось даже думать о них, и он, усилием воли отогнав от себя беспокойные мысли, послал лошадь в галоп. При этом он обнаружил, что бешеная скачка и тряска на проселочных дорогах, вымощенных круглыми булыжниками, вывернутыми со своих мест за прошедшую сотню лет, – именно то, что требовалось его душе, если уж не телу. Совершив после обеда долгий обход, он вернулся домой, воображая, что худшее уже позади и что мистер Кокс понял намек, содержащийся в рецепте. Все, что от него требовалось, – это найти пристойное место для несчастной Бетии, которая проявила столь порочную склонность к интригам. Но мистер Гибсон крупно просчитался. У молодых людей было в обычае присоединяться к семье за чаем в столовой, залпом выпить две чашки, проглотить ломоть хлеба или гренки, после чего исчезнуть. В тот вечер мистер Гибсон исподтишка наблюдал за выражениями их физиономий, поглядывая на них из-под длинных полуопущенных ресниц, одновременно – и вопреки своему желанию – притворяясь, будто ничего не случилось, и поддерживая беспредметный разговор на общие темы. Он заметил, что мистер Уинн едва сдерживает смех, а рыжеволосый и краснолицый мистер Кокс побагровел и ожесточился еще сильнее, что выдавало его негодование и даже гнев.

«Что ж, он получит то, что заслуживает», – сказал себе мистер Гибсон и внутренне подобрался, готовясь к битве. Он не последовал за Молли и мисс Эйре в гостиную, как делал обыкновенно. Вместо этого он остался на месте, притворившись, будто читает газету, пока Бетия с опухшими от слез глазами, всем своим поведением изображая вселенскую скорбь и страдания от незаслуженного оскорбления, убирала со стола чайные приборы. Не прошло и пяти минут после того, как стол вновь обрел девственную чистоту, когда раздался ожидаемый стук в дверь.

– Я могу поговорить с вами, сэр? – донесся снаружи голос невидимого мистера Кокса.

– Разумеется. Входите же, мистер Кокс. Я, собственно, и сам хотел поговорить с вами относительно того счета от Корбина. Прошу вас, присаживайтесь.

– Это не имеет никакого касательства к тому, о чем я хотел бы... о чем желал бы... Нет, благодарю вас, сэр, я лучше постою. – И юноша застыл в позе оскорбленного достоинства. – Речь идет о письме, сэр... О письме с оскорбительным предписанием.

– Оскорбительное предписание! Я удивлен, что вы сочли возможным применить подобный эпитет к какому-либо из моих рецептов, хотя, разумеется, пациенты иногда обижаются, узнав о природе своего недуга, и, смею заметить, негодуют на лекарства, коих требует лечение их болезней.

– Но я не просил вас выписывать мне предписание.

– О, нет конечно! Но вы оказались тем самым мистером Коксом, который передал записку через Бетию! Позвольте сообщить вам, что ваш поступок стоил ей места, а само письмо вдобавок было очень глупым.

– Это было недостойно джентльмена, сэр, перехватывать его, вскрывать и читать слова, которые вам не предназначались, сэр.

– Ого! – сказал мистер Гибсон, и в глазах его зажглись лукавые огоньки, а по губам скользнула легкая улыбка, что не осталось незамеченным для негодующего мистера Кокса. – Знаете, в молодости меня полагали достаточно привлекательным, и я был ничуть не меньшим самодовольным хлыщом, чем любой другой юнец в возрасте двадцати лет, но даже тогда я бы не поверил, что все эти прелестные комплименты были адресованы именно мне.

– Это было недостойно джентльмена, сэр, – запинаясь, повторил мистер Кокс и собрался было добавить что-то еще, но мистер Гибсон перебил его.

– Позвольте сообщить вам, молодой человек, – заявил мистер Гибсон с неожиданной суровостью в голосе, – что то, что вы сделали, можно извинить лишь вашей молодостью и

крайним невежеством относительно того, что считается кодексом семейной чести. Я принял вас у себя в доме как члена семьи, а вы соблазняете одного из моих слуг, посулив ей взятку, в чем у меня нет сомнения...

– Ничуть не бывало, сэр! Я не дал ей и пенни.

– В таком случае вы совершили ошибку. Всегда следует платить тем, кто делает за вас грязную работу.

– Сэр, вы только что сами назвали это взяткой, – пробормотал сбитый с толку мистер Кокс.

Мистер Гибсон пропустил его лепет мимо ушей и невозмутимо продолжал:

– Вы подбили одного из моих слуг рискнуть своим местом, не предложив ей ничего взамен, упробив ее тайком передать письмо моей дочери, существу ребенку.

– Мисс Гибсон, сэр, уже почти семнадцать лет! Я сам слышал, как вы давеча упоминали об этом, – возразил мистер Кокс, которому сравнялось уже двадцать.

Но мистер Гибсон вновь пропустил его слова мимо ушей.

– Письмо, которое, по вашему мнению, не должен был видеть ее отец, человек, положившийся на вашу честь и принявший вас у себя в доме как члена семьи. Сын вашего отца – а я хорошо знаком с майором Коксом – должен был прийти ко мне и открыто заявить: «Мистер Гибсон, я люблю – или полагаю, что люблю – вашу дочь. Я не считаю правильным и возможным скрывать это от вас, хотя и не в состоянии пока что заработать ни пенни. И, не рассчитывая на то, что смогу без посторонней помощи добыть себе средства к существованию, я не скажу ни слова о своих чувствах – реальных или воображаемых – самой юной леди». Вот как должен был поступить сын вашего отца, хотя не исключено, что ему вообще было бы лучше хранить полное молчание на сей счет.

– А если бы я действительно сказал это... пожалуй, мне и впрямь следовало поступить именно так, – поспешно поинтересовался бедный мистер Кокс, – каков был бы ваш ответ? Вы бы не осудили моих чувств, сэр?

– Скорее всего, я бы ответил – не уверен, что именно этими словами, поскольку мы с вами рассуждаем о гипотетическом случае, – что вы – юный глупец, хотя и отнюдь не бесчестный, и что я не советовал бы вам забивать себе голову всякими телячьими нежностями до тех пор, пока вы окончательно не уверитесь в том, что страстно влюблены. И, дабы компенсировать унижение, которому я вас подверг, я бы посоветовал вам присоединиться к Крикетному клубу Холлингфорда и пообещать, что стану почаще отпускать вас по субботам после полудня. А теперь мне не остается ничего иного, кроме как отписать вашему отцу в Лондон и попросить его забрать вас отсюда, вернув ему, разумеется, уплаченную сумму, что позволит вам продолжить обучение у какого-нибудь другого врача.

– Это очень огорчит моего отца, – заявил мистер Кокс, приходя в смятение, если уже не испытывая раскаяния.

– Я не вижу иного выхода. Несомненно, это причинит майору Коксу некоторое беспокойство, хотя я постараюсь сделать так, чтобы он не понес лишних расходов. Но, на мой взгляд, более всего его огорчит злоупотребление доверием, потому что я доверял вам, Эдвард, как собственному сыну! – Было нечто такое в голосе мистера Гибсона, когда он говорил серьезно, особенно ссылаясь на собственные чувства – а он крайне редко давал понять, что творится у него на душе, – чему не могли противиться остальные: переход от сарказма и шуток к мягкой суровости.

Мистер Кокс понурил голову и задумался.

– Я действительно люблю мисс Гибсон, – проговорил он наконец. – Кто может этому помочь?

– Мистер Уинн, я надеюсь! – отозвался мистер Гибсон.

– Его сердце уже занято, – возразил мистер Кокс. – А мое сердце было свободно до тех пор, пока я не встретил ее.

– А не поможет ли излечению вашей... что ж, пусть будет страсти, скажем так... если она будет надевать синие очки за столом? Я заметил, что вы много внимания уделили красоте ее глаз.

– Вы смеетесь над моими чувствами, мистер Гибсон. Неужели вы забыли, что и сами когда-то были молоды?

«Бедная Джинни!» – прозвучало в ушах мистера Гибсона, и он ощутил укор совести.

– Послушайте, мистер Кокс, давайте подумаем, а не сможем ли мы с вами договориться, – сказал он после недолгого молчания. – Вы поступили очень дурно, я надеюсь, что и сами осознаете это в глубине души, или осознаете по крайней мере, когда немного успокоитесь и обдумаете свое поведение. Но я еще не утратил всякое уважение к сыну вашего отца. Если вы дадите мне слово, что все то время, пока вы остаетесь членом моей семьи – учеником, подмастерьем, называйте это как угодно, – вы не станете пытаться обнаружить свою страсть – видите, я принимаю вашу точку зрения на то, что считаю фантазией, – ни словом, ни письмом, ни взглядом, ни иным поступком в отношении моей дочери и не станете рассказывать о своих чувствах кому-либо еще, я позволю вам остаться здесь. Если же вы не можете дать мне слово, я буду вынужден предпринять вышеупомянутые шаги и отписать поверенному вашего отца.

Мистер Кокс застыл в нерешительности.

– Мистеру Уинну известно о том, какие чувства я питаю к мисс Гибсон, сэр. У нас с ним нет секретов друг от друга.

– Что ж, в таком случае, полагаю, он должен будет олицетворять собой тростниковые заросли. Вам ведь известна притча о цирюльнике царя Мидаса, который обнаружил, что у его господина под сине-лиловыми кудрями скрываются ослиные уши. И тогда цирюльник, ввиду отсутствия мистера Уинна, отправился в тростниковые заросли на берегу соседнего озера и прошептал им: «У царя Мидаса – ослиные уши». Он говорил эти слова так часто, что тростник запомнил их и принялся повторять целыми днями напролет, пока наконец тайна перестала быть таковой. Если вы вздумаете и далее досаждать мистеру Уинну своими переживаниями, то вряд ли можно быть уверенным в том, что он не расскажет о них кому-нибудь еще.

– Если я дам вам слово джентльмена, сэр, то ручаюсь и за мистера Уинна.

– Что ж, полагаю, мне придется пойти на риск. Но не забывайте о том, как легко можно бросить тень на имя молоденькой девушки и опорочить ее репутацию. У Молли нет матери, и уже хотя бы по этой причине она должна оставаться в вашей среде вне подозрений, как сама Уна¹⁵.

– Мистер Гибсон, если желаете, я могу поклясться на Библии! – вскричал восторженный молодой человек.

– Вздор. Как будто вашего слова, если оно чего-нибудь стоит, мне недостаточно. Если хотите, можем скрепить наш уговор рукопожатием.

Мистер Кокс с готовностью шагнул вперед и с такой силой стиснул руку мистеру Гибсону, что едва не раздавил ему перстень на пальце.

Выходя из комнаты, юноша с некоторой тревогой смущенно поинтересовался:

– Как вы полагаете, я могу дать Бетии крону?

¹⁵ Уна – героиня «Королевы фей», аллегорической рыцарской поэмы Эдмунда Спенсера, оставшейся незаконченной. Первое издание в трех книгах вышло в 1590 году, второе издание в шести книгах – в 1596 году.

– Теперь это совершенно излишне! Предоставьте Бетию мне. Надеюсь, пока она остается здесь, вы больше не скажете ей ни слова. Я позабочусь о том, чтобы она получила респектабельное место, когда покинет мой дом.

После этого мистер Гибсон приказал подать ему лошадь и отправился с последними визитами в тот злополучный день. По его расчетам выходило, что за год он по периметру объезжал весь земной шар. В графстве было не так много врачей, которые имели бы столь же обширную практику, как у него. Он навещал отдаленные хижины на задворках общинных земель, фермерские дома, накрытые сенью вязов и буков, возле которых обрывались узкие проселочные дороги, потому что дальше ехать было некуда. Он посещал нетитулованное мелкопоместное дворянство в радиусе пятнадцати миль вокруг Холлингфорда и при этом считался семейным доктором знатных фамилий, которые переезжали в Лондон в феврале – в соответствии с тогдашними обычаями – и возвращались на свои акры в начале июля. В силу необходимости он часто отсутствовал дома, и сегодня, теплым и приятным летним вечером, это представлялось ему большим несчастьем. Он вдруг с невероятным изумлением обнаружил, что его малышка дочурка быстро превращается в женщину и становится пассивным объектом тех сильнейших интересов, кои неизменно влияют на жизнь представительниц слабого пола. А он, исполняя одновременно обязанности и матери, и отца, находился от нее так далеко, что не может опекать дочь так, как ему бы хотелось. Результатом его размышлений стала поездка на следующее утро в Хэмли, когда он предложил дочери принять последнее по счету приглашение миссис Хэмли – то самое предложение, которое поначалу было отклонено.

– Вы можете ответить мне пословицей: «Тот, кто не хочет, когда может, уже не сможет, когда захочет». И у меня не будет причин жаловаться, – сказал он.

Но миссис Хэмли была слишком очарована перспективой того, что в доме у нее в качестве гостыи поселится юная девушка, развлечь которую будет совсем нетрудно; с которой можно гулять по саду и болтать обо всяких пустяках; которую можно попросить почитать что-либо вслух, когда больная устанет от разговоров, но которая при этом своей молодостью и свежестью внесет очарование, подобно дуновению сладкого летнего ветерка, в ее одинокую жизнь затворницы. Ничто не могло быть приятнее, и потому все детали визита Молли в Хэмли были быстро улажены.

– Мне бы очень хотелось, чтобы дома оказались и Осборн с Роджером, – медленно проговорила миссис Хэмли своим негромким голосом. – Быть может, ей станет скучно с утра до вечера находиться в обществе таких пожилых людей, как мы со сквайром. Когда она сможет приехать? Право слово, мне кажется, будто я уже полюбила ее!

В глубине души мистер Гибсон был очень рад тому, что сыновья мистера и миссис Хэмли не будут путаться под ногами. Он вовсе не желал, чтобы его маленькой Молли пришлось бы протискиваться между Сциллой и Харибдой, и, как он позже признавался самому себе, недовольно хмурясь, в его представлении все молодые люди в одночасье превратились в волков, охотящихся на его единственную малышку-овечку.

– Она даже не подозревает о тех приятных моментах, которые ждут ее здесь, – сказал он. – Точно так же и я не догадываюсь о том, какие женские приготовления она сочтет необходимыми или сколько времени они займут. Прошу вас не забывать о том, что она немного невежественна, ибо не обучалась... этикету должным образом, – боюсь, дома мы ведем себя несколько грубовато и бесцеремонно для девушки. Но я точно знаю, что более благожелательной атмосферы, чем здесь, у вас, мне для нее не сыскать.

Сквайр, узнав от супруги о предложении мистера Гибсона, обрадовался ничуть не меньше; он был человеком щедрой души, особенно когда гордость не стояла на пути ее удовлетворения. Кроме того, одна только мысль о том, что их юная гостыя скрасит его супруге

долгие часы одиночества, привела его в восторг. Спустя некоторое время он, правда, заметил:

– Как кстати, что мальчики сейчас в Кембридже. Будь они дома, боюсь, у нас не обошлось бы без любовной интриги.

– Ну и что здесь такого? – осведомилась его романтично настроенная супруга.

– Это было бы очень и очень плохо, – решительно ответил сквайр. – Осборн должен получить первоклассное образование, не хуже, чем у любого другого в этом графстве. Он унаследует поместье и станет Хэмли из Хэмли. В округе попросту нет семей с такой старинной родословной, как наша, которые бы столь же уверенно чувствовали себя на своей земле. Осборн сможет жениться, на ком захочет. Если бы у лорда Холлингфорда была дочь, Осборн стал бы для нее таким мужем, о каком она могла бы только мечтать. И он никак не должен влюбиться в дочку Гибсона – я этого не допущу. Так что очень хорошо, что его здесь нет.

– Что ж! Быть может, Осборну и впрямь следует искать невесту в кругах повыше.

– «Быть может!» Он просто обязан это сделать. – Сквайр с такой силой опустил ладонь на стол, что сердце у его супруги сбилось с ритма и зачастило. – Что до Роджера, – продолжал он, не подозревая о том трепете, в который поверг ее, – то ему придется идти своим путем и зарабатывать на хлеб самому. Боюсь, в Кембридже ему особых успехов не снискать. Ему еще лет десять нельзя и думать о том, чтобы влюбляться.

– Разве что он женится на богатой наследнице, – сказала мисс Хэмли, скорее для того, чтобы скрыть свое учащенное сердцебиение, нежели исходя из практических соображений, ибо она по-прежнему оставалась неисправимым романтиком.

– Ни один из моих сыновей не женится на женщине богаче себя, да еще с моего благословения, – вновь с нажимом заявил сквайр, но на сей раз хотя бы не стал стучать по столу. – Я не хочу сказать, что если к тридцати годам Роджер начнет зарабатывать пятьсот фунтов в год, то он не может выбрать жену с приданым в десять тысяч фунтов. Но если мой сын, имея доход в двести фунтов в год – а это все, что мы сможем ему дать, да и то недолго, – женится на какой-нибудь особе с приданым в пятьдесят тысяч, я отрекусь от него, потому что это было бы возмутительно и гадко.

– А если они полюбят друг друга и их счастье будет зависеть о того, поженятся ли они? – мягко поинтересовалась миссис Хэмли.

– Фу! При чем тут любовь? Нет, моя дорогая, мы с тобой так сильно любили друг друга, что не смогли бы быть счастливы ни с кем иным, но это совсем другое дело. Люди теперь не такие, какими мы сами были в молодости. Нынешняя любовь – сплошные выдумки, фантазии да сентиментальные небылицы, насколько я могу судить.

Мистер Гибсон полагал, что уладил все вопросы, связанные с поездкой Молли в Хэмли, перед тем как заговорил с нею об этом утром того дня, когда миссис Хэмли ожидала девушку у себя. Он заявил:

– Вот, кстати, Молли! Сегодня после полудня ты едешь в Хэмли. Миссис Хэмли хочет, чтобы ты погостила у нее неделю-другую, и меня как нельзя лучше устроило бы, если бы ты немедленно приняла ее приглашение.

– Еду в Хэмли! Сегодня после полудня! Папа, ты руководишься какими-то странными резонами, весьма таинственными, должна тебе заметить. Ну-ка, признавайся, в чем дело. Еду в Хэмли на неделю-другую! До этого я ни разу в жизни не уезжала из дома.

– Что ж, может быть, и так. Думаю, что ты и не ходила до тех пор, пока не опустила ноги на землю. Все когда-нибудь случается в первый раз.

– Это как-то связано с тем письмом, которое было адресовано мне, но которое ты забрал у меня еще до того, как я успела хотя бы разглядеть почерк. – Она вперила испытующий взгляд своих серых глаз в лицо отца, словно бы намереваясь выведать его тайну.

Но он лишь улыбнулся и сказал:

– Ты – настоящая ведьма, гусенок!

– Значит, так оно и есть! Но если это была записка от миссис Хэмли, то почему я не могу прочесть ее сама? Мне казалось, что с того самого дня – это ведь был четверг, не так ли? – ты вынашивал какой-то план. У тебя был такой задумчиво-озадаченный вид, как у заговорщика. – Молли подошла к нему вплотную и заговорила умоляющим тоном: – Скажи, папа, почему мне нельзя хоть одним глазком взглянуть на то письмо? И почему я должна в такой спешке отправляться в Хэмли?

– Разве тебе самой не хочется поехать туда? Или ты предпочла бы отказаться?

Если бы она ответила, что не хочет никуда уезжать, мистер Гибсон был бы скорее счастлив, хотя и оказался бы при этом в весьма неловком положении. Признаться, он уже начал страшиться разлуки с нею, пусть даже ненадолго. Однако ответ дочери прозвучал совершенно недвусмысленно:

– Даже не знаю... Пожалуй, эта идея придется мне по вкусу, когда я немножко свыкнусь с нею. А сейчас я настолько растеряна и сбита с толку столь внезапным предложением, что даже не успела понять, нравится оно мне или нет. Но одно я знаю точно – расставаться с тобой мне совсем не хочется. Так почему я должна уехать, папа?

– Сейчас где-то сидят три пожилые дамы, и в эту самую минуту они думают о тебе. У одной в руках прялка, и она сплетает нитку; у нее получился на ней узелок, и она не знает, что с ним делать. Ее сестра держит в руках большие ножницы и хочет – как бывает всегда, когда у нитки нарушается ее гладкость и ровность, – обрезать ее. А вот третья, самая умная из них, присматривается, как бы распутать узелок; именно она и решила, что ты должна будешь поехать в Хэмли. Остальных же ее аргументы вполне убедили. Итак, поскольку парки¹⁶ решили, что этот визит должен состояться, нам с тобой ничего не остается, кроме как покориться.

– Ты все шутишь, папа, но тем самым лишь пробуждаешь во мне любопытство узнать ту самую тайную причину.

Мистер Гибсон отказался от шутливого тона и заговорил вполне серьезно:

– Такая причина имеется, Молли, но сейчас я не хочу ее раскрывать. Я говорю тебе это для того, чтобы ты знала: ты – благородная и честная девочка, и ты не станешь строить догадки и предположения относительно того, в чем эта причина может заключаться... Не говоря уже о том, чтобы предпринять кое-какие практические действия, а потом сложить получившиеся маленькие открытия и узнать то, что я хочу скрыть.

– Папа, я больше не буду ломать голову над твоими резонами. Но тогда я должна буду задать тебе еще один неизбежный вопрос. В этом году у меня нет новых платьев, а из своих летних прошлогодних я уже выросла. У меня осталось всего три, которые я могу носить. Только вчера Бетти говорила о том, что мне нужны новые платья.

– Но ведь то, которое сейчас на тебе, вполне годится, не так ли? Оно такого приятного цвета.

– Да. Но... – Молли расправила подол, словно собираясь танцевать. – Папа, оно шерстяное, а потому тяжелое, и в нем очень жарко. А ведь с каждым днем погода будет становиться все теплее.

– Жаль, что девочки не могут одеваться так, как мальчики, – с некоторым нетерпением отозвался мистер Гибсон. – Откуда отцу знать, когда его дочери понадобится новое платье? И как прикажете одевать ее, если он узнает об этом в тот самый момент, когда платье ей нужно позарез, но его в наличии не имеется?

– Да, именно в этом вопрос! – в отчаянии воскликнула Молли.

¹⁶ Парки – три богини судьбы в древнеримской мифологии.

– А разве ты не можешь обратиться к мисс Роуз? По-моему, она как раз и продает готовые платья для девочек твоего возраста.

– Мисс Роуз! У меня в жизни не было от нее ни одного платья, – с некоторым удивлением отозвалась Молли, поскольку мисс Роуз считалась в городке лучшей портнихой и модисткой. До сих пор все платья девочке шила Бетти.

– Что ж, люди полагают тебя молодой женщиной, и, пожалуй, ты должна обзавестись счетами от модистки, подобно всем остальным. Но ты ничего не получишь, пока не сможешь расплатиться живыми деньгами. Вот тебе десятифунтовая банкнота, ступай к мисс Роуз – или кому угодно еще – и немедленно купи себе все, что требуется. Экипаж Хэмли заедет за тобой в два часа пополудни, и все, что еще не готово, можно будет прислать с повозкой в субботу, ведь их люди неизменно ездят на рынок. Нет, не благодари меня! Я не желаю сорить деньгами, а еще не хочу, чтобы ты уезжала и оставляла меня одного, потому что я буду скучать. Лишь настоятельная необходимость вынуждает меня отправить тебя с этим визитом и выбросить десять фунтов на твои наряды. Ну все, теперь ступай, ты ужасно мне надоела, и я намерен разлюбить тебя как можно скорее.

– Папа! – Молли выразительно подняла палец, словно предупреждая его. – Ты опять начинаешь говорить загадками. И хотя благородство мое несомненно, я не стану обещать, что оно не уступит любопытству, если ты и дальше будешь намекать на некие недосказанные вещи.

– Иди же наконец и потрать свои десять фунтов. Разве я дал их не для того, чтобы ты замолчала?

Запасы готовой одежды мисс Роуз в сочетании со вкусом Молли отнюдь не привели к каким-то ошеломляющим результатам. Она приобрела у модистки лиловое платье из набивной ткани, поскольку его можно было стирать, а по утрам в нем было бы прохладно и приятно; Бетти подгонит его к субботе. Что же до праздников и каникул, под которыми она понимала время после полудня и воскресенья, то мисс Роуз убедила ее заказать яркий и пестрый, тончайший и легкий клетчатый атлас, который, по ее уверениям, был последним писком лондонской моды. Молли сочла, что он придется по вкусу шотландской душе ее отца. Но когда он увидел полоску ткани, которую она принесла с собой в качестве образца, то заявил, что такого клана попросту не существует и что шестое чувство должно было подсказать это Молли на месте. Однако менять что-либо было уже поздно, поскольку мисс Роуз пообещала раскроить платье сразу же, как только Молли уйдет из ее магазина.

А мистер Гибсон все утро провел в городе, вместо того чтобы отправиться в обход, по своему обыкновению. Раз или два он встретился с дочерью на улице, но не стал подходить к ней, когда оказывался на другой стороне. Ограничившись кивком или выразительным взглядом, он продолжал свой путь, ругая себя за проявленную слабость, потому что испытывал сильнейшие душевные муки при мысли о том, что растается с Молли на неделю или даже на две.

«В конце концов, – думал он, – когда она вернется, я окажусь там же, где и был, если этот глупый малый будет упорствовать в своих фантазиях. Рано или поздно, но она должна будет вернуться, а если он вообразит, будто хранит ей верность, то придется что-то решать. Вот еще напасть!» – Вскоре он начал негромко насвистывать арию из «Оперы нищего»¹⁷:

Хотел бы я знать, как кому-либо
удалось воспитать взрослую дочь!

¹⁷ «Опера нищего» – балладная опера в трех актах, написанная в 1727 году Джоном Геєм и Иоганном Кристофом Пепушом. Пародия на итальянскую оперу-серия, главным представителем которой в Англии в то время был Г. Ф. Гендель.

Глава 6. Визит в Хэмли

Разумеется, известие о предстоящем отъезде мисс Гибсон разлетелось по дому еще до того, как в час пополудни члены семьи собрались на обед. Угрюмое лицо мистера Кокса стало источником внутреннего раздражения для мистера Гибсона, который то и дело бросал острые и полные упрека взгляды на погруженного в меланхолию юношу, напрочь лишившегося аппетита и выставлявшего свое горе напоказ. Правда, все эти демонстрации остались совершенно незамеченными Молли, которая была настолько занята своими собственными проблемами, что не обращала на окружающих ни малейшего внимания, хотя пару раз и отметила с сожалением, что пройдет еще много дней, прежде чем она вновь окажется со своим отцом за одним обеденным столом.

Но когда она заикнулась ему об этом после того, как трапеза закончилась и они вместе перешли в гостиную, ожидая услышать скрип колес экипажа из Хэмли, он лишь рассмеялся в ответ и сказал:

– Завтра я приеду навестить миссис Хэмли. Смею надеяться, они пригласят меня на ленч, а посему тебе не придется долго ждать, чтобы насладиться зрелищем кормления дикого зверя.

И тут они слышали, что к дому приближается экипаж.

– Ох, папа, – сказала Молли, беря его за руку, – теперь, когда время пришло, мне так не хочется уезжать!

– Вздор! Не будем поддаваться сентиментальным порывам. Ты не забыла взять с собой ключи? Это куда важнее всяких глупостей.

Да, она взяла с собой ключи и сумочку, кучер поставил ее маленький сундучок на сиденье, а отец подал ей руку, помогая сесть в экипаж. Дверца закрылась, и Молли покатила прочь в уединенной роскоши, оглядываясь назад и посылая воздушные поцелуи отцу, который стоял у ворот и смотрел ей вслед, несмотря на всю свою нелюбовь к сантиментам, до тех пор, пока карета не скрылась из виду. Затем он вернулся к себе в кабинет и тут только заметил, что и мистер Кокс наблюдал за отъездом, да так и остался стоять у окна, словно зачарованный, глядя на опустевшую дорогу, по которой укатила юная леди. Мистер Гибсон вывел его из мечтательной задумчивости резким, почти язвительным замечанием относительно какого-то промаха, совершенного молодым человеком день или два тому. Ту ночь мистер Гибсон провел, по собственному настоянию, у постели больной девочки, чьи родители были окончательно измучены многочисленными тревожными бессонными ночами, за которыми следовали трудные рабочие дни.

Молли немножко всплакнула, но вскоре взяла себя в руки, вспомнив о том, что слезы всегда вызывали у отца раздражение. Да и быстрая езда в роскошном экипаже оказалась очень приятной. За окном мелькали зеленые лужайки и живые изгороди, оплетенные диким шиповником и жимолостью; зрелище было настолько красивым, что пару раз Молли едва не попросила кучера остановиться, чтобы собрать букетик. Она даже начала с неудовольствием предвкушать окончание своего семимильного путешествия; единственным, что отравляло ей удовольствие от поездки, была мысль о том, что ее атлас не является настоящей клетчатой шотландкой, да некоторая неуверенность в том, что мисс Роуз пунктуально выполнит свое обещание. Наконец вдали показалась деревня, вдоль дороги потянулись в беспорядке разбросанные домики. На некоем подобии площади высилась старинная церковь, рядом с которой приткнулась таверна, а на полпути между воротами церкви и небольшой гостиницей росло огромное дерево, вокруг ствола которого была сооружена круглая деревянная скамейка. Рядом с воротами виднелись штабеля дров. Молли еще никогда не отъезжала от дома

так далеко, но она догадалась, что это и есть деревушка Хэмли и что до имения осталось совсем недалеко.

Через несколько минут они свернули в ворота парка и поехали прямо через луг, трава на котором явно предназначалась для сенокоса, — это был вовсе не аристократический олений парк — и подъехали к особняку, выстроенному из старого красного кирпича и отстоявшему от дороги ярдов на триста. Навстречу экипажу не выбежали лакеи, зато у дверей, еще до того, как они подъехали к ним, застыл respectable слуга в ливрее, готовый встретить долгожданную гостью и препроводить ее в гостиную, где ее, лежа на софе, уже поджидала хозяйка.

При виде Молли миссис Хэмли поднялась, чтобы ласково приветствовать ее. Покончив с банальностями, она не выпустила ее ладошку из своих рук, вглядываясь в лицо девушки так пристально, словно изучая его, и слабый румянец заиграл на дотоле бесцветных щеках хозяйки.

— Думаю, мы станем большими друзьями, — сказала она наконец. — Мне нравится твое личико, а я всегда прислушиваюсь к первым впечатлениям. А теперь поцелуй меня, дорогая.

Во время обмена «клятвами в вечной дружбе» гораздо легче было действовать, нежели оставаться пассивной, и Молли охотно запечатлела поцелуй на красивом бледном лице миссис Хэмли.

— Я намеревалась съездить за тобой сама, — сказала хозяйка дома. — Но эта жара угнетает меня, и я поняла, что усилие окажется для меня чрезмерным. Надеюсь, поездка получилась приятной?

— Очень, — застенчиво отозвалась Молли.

— А теперь позволь отвести тебя в твою комнату. Она расположена рядом с моей, и я решила, что там тебе будет лучше, пусть даже она меньше той, что предназначалась для тебя изначально.

Она неспешно выпрямилась во весь рост и, накинув на плечи легкую шаль — фигура у нее все еще оставалась стройной, — стала первой подниматься по лестнице. В спальню Молли можно было попасть из приватной гостиной миссис Хэмли, по другую сторону которой располагалась ее собственная спальня. Она показала девушке несложные средства сообщения, после чего, обронив, что будет ждать ее в гостиной, закрыла за собой дверь, и Молли наконец-то осталась одна, чтобы не спеша познакомиться со своим новым окружением.

Первым делом она подошла к окну, чтобы посмотреть, что же из него видно. Цветочный сад внизу, сразу же за ним — луг с сочной травой, стелющейся под легким ветерком и меняющей цвет, чуть в стороне — небольшой лес с вековыми деревьями, а еще дальше, примерно в четверти мили, виднелся, если встать сбоку от подоконника или высунуться наружу из распахнутого окна, серебряный диск озера. По другую сторону от леса и озера можно было различить старые стены и остроконечные крыши многочисленных хозяйственных построек. Восхитительную тишину раннего лета нарушало лишь пение птиц да жужжание пчел. Вслушиваясь в эти волшебные звуки, которые лишь подчеркивали изысканное и совершенное ощущение покоя, Молли забыла обо всем на свете, и лишь неожиданно зазвучавшие в соседней комнате голоса привели ее в чувство — кто-то из слуг, очевидно, заговорил с миссис Хэмли. Молли поспешно принялась распаковывать сундучок, раскладывая свои немногочисленные наряды в старинном комоде, который заодно был призван исполнять роль ее туалетного столика. Вся мебель в комнате была старомодной, но ухоженной и настолько хорошо сохранившейся, насколько это вообще возможно. Занавески были пошиты из индийского набивного коленкора прошлого века — после многочисленных стирок цвета поблекли, но сама ткань поражала чистотой. Рядом с кроватью на полу лежал узкий коврик, не мешая любоваться дубовыми досками, настолько тщательно и плотно пригнанными, что в щели между ними не пробивалось ни одной пылинки. Здесь не было и следа современной

роскоши: ни письменного стола, ни софы, ни большого высокого зеркала в полный рост. В одном углу на стене висела полочка, на которой покоился индийский кувшин с высохшими цветочными лепестками, что вкупе с жимолостью, карабкающейся по стенам за открытым окном, наполняло комнату чудесным ароматом, недоступным любым парфюмерным изделиям. Молли выложила на кровать свое белое платье (прошлогоднее и по дате изготовления, и по размеру), приготовившись к первому в своей жизни процессу переодевания к обеду. Затем, поправив платье и волосы, а заодно прихватив с собой корзинку для вышивания, она осторожно приоткрыла дверь и увидела, что миссис Хэмли лежит на софе.

– Останемся здесь, дорогая? Думаю, здесь нам будет лучше, чем внизу. К тому же мне не придется подниматься наверх, чтобы переодеться.

– С удовольствием, – согласилась Молли.

– Ага! Ты взяла с собой вышивку, умничка, – сказала миссис Хэмли. – Сама я в последнее время вышиваю мало. По большей части я провожу время в одиночестве. Видишь ли, оба моих сына учатся в Кембридже, а сквайр целыми днями пропадает на улице, так что я почти забыла, что это такое – вышивка. Зато я много читаю. А ты любишь читать?

– Это зависит от книги, – отозвалась Молли. – Боюсь, что я не очень люблю «регулярное чтение», как выражается папа.

– Но поэзию ты любишь наверняка! – воскликнула миссис Хэмли, перебивая Молли. – Я поняла это, едва увидела твое лицо. Ты читала последнюю поэму миссис Хеманс¹⁸? Хочешь, я прочту ее тебе вслух?

И она принялась читать. Молли слушала ее вполуха, украдкой рассматривая комнату. Мебель была такой же, как и в ее спальне. Старомодная, из прекрасного дерева, приятного глазу, безукоризненно чистая и опрятная; возраст и заграничный вид делали гостиную уютной и живописной. На стенах висели карандашные наброски – портреты. Молли решила, что на одном из них изображена сама миссис Хэмли, ослепительно красивая и совсем еще молодая. Но затем она вдруг переключилась на поэму, отложила в сторону вышивку и стала слушать с таким вниманием, что окончательно покорила миссис Хэмли. Закончив чтение, миссис Хэмли ответила на восхищение Молли:

– Ах! Думаю, тебе стоит как-нибудь почитать стихи Осборна. Но только ни слова об этом, договорились? Я лично считаю, что они почти так же хороши, как и миссис Хеманс.

Комплимент «почти так же хороши, как и миссис Хеманс» о многом говорил молоденьким девушкам того времени, поскольку это было почти то же самое, как если бы сейчас сказали, что «стихи Теннисона почти так же хороши». Молли с любопытством посмотрела на нее.

– Мистер Осборн Хэмли? Ваш сын пишет стихи?

– Да. Полагаю, что с полным правом могу сказать, что он – поэт. Он очень талантливый, способный и умный молодой человек и надеется получить стипендию в Тринити. По его словам, он рассчитывает опередить всех остальных соискателей, да еще и получить медаль ректора университета. Вон его портрет – он висит на стене за твоей спиной.

Обернувшись, Молли увидела один из карандашных рисунков. На нем были изображены двое мальчиков в детских пиджачках, брючках и рубашках с отложным воротничком. Старший сидел и что-то читал. Младший же стоял рядом, явно пытаясь привлечь его внимание к чему-то невидимому, – за окном в той же самой комнате, в которой они сейчас сидели, поскольку Молли узнала на рисунке очертания знакомых предметов мебели.

¹⁸ Фелиция Доротея Хеманс (1793–1835) – английская поэтесса. Из всех женщин-поэтов Англии Хеманс наиболее женственна: стих ее мягок, элегичен, грациозен. Некоторые из ее гимнов были помещены в церковных сборниках и исполнялись на богослужбных собраниях.

– Мне нравятся их лица! – сообщила она. – Полагаю, рисунок сделан настолько давно, что я могу говорить об их сходстве с вами так, словно они похожи на кого-то другого, – если вы позволите.

– Разумеется, – согласилась миссис Хэмли, сообразив, что имеет в виду девушка. – Расскажи мне, что ты думаешь о них, дорогая. Будет забавно сопоставить твои впечатления с тем, какие они на самом деле.

– Но я вовсе не собиралась высказывать догадки об их характерах. Я не могу этого сделать, а если бы даже и могла, то с моей стороны это было бы неуместно и непозволительно. Я могу говорить лишь об их лицах, о том, какими я вижу их на рисунке.

– Отлично! Итак, скажи мне, что ты о них думаешь?

– Старший – тот, который читает, – очень красив. Но разглядеть его лицо во всех подробностях я не могу, потому что он опустил голову и я не вижу его глаз. Это и есть тот самый мистер Осборн Хэмли, который пишет стихи?

– Да. Сейчас он уже не так красив, но в детстве был прелестен. Роджера никогда даже сравнить с ним нельзя было.

– Да, он не столь привлекателен, как брат. Но его лицо мне нравится. Я вижу его глаза. Они серьезные и строгие, но в остальном лицо у него скорее веселое, чем грустное. Он выглядит слишком уверенным и спокойным, слишком добрым, чтобы соблазнить брата и заставить его отвлечься от уроков.

– Но это были вовсе не уроки. Я помню, как художник, мистер Грин, однажды увидел Осборна читающим поэзию, в то время как Роджер пытался уговорить его пойти прокатиться на возу с сеном, – это и была «основная тема» рисунка, если говорить художественным языком. Роджер не слишком любит читать, по крайней мере ему нет дела до поэзии, рыцарских или любовных романов. Он увлечен естествознанием, которое заставляет его, подобно сквайру, большую часть своего времени проводить на свежем воздухе. А когда он дома, то читает только научные книги, которые имеют отношение к его интересам. При этом он славный и послушный мальчик, который внушает нам чувство удовлетворения, но такой блестящей карьеры, как та, что ожидает Осборна, ему не сделать.

Молли попыталась разглядеть на рисунке характерные черты мальчишек, о которых ей только что рассказала их мать, и за вопросами и ответами по поводу остальных картин, развешанных по стенам, они и не заметили, как пролетело время, пока не зазвонил колокольчик, призывая их переодеться к шестичасовому обеду.

Молли пришла в смятение, выслушав предложения горничной, которую прислала ей в помощь миссис Хэмли. «Боюсь, они ждут от меня чего-то необыкновенного, – подумала она про себя. – Если так, то они будут разочарованы, только и всего. Но мне бы очень хотелось, чтобы мое платье клетчатого атласа было бы уже готово».

Впервые в жизни она смотрела на себя в зеркало с некоторым волнением и тревогой. Ее глазам предстала стройная фигурка, которая обещала стать высокой; цвет лица скорее смуглый, нежели кремовый, хотя через год-другой оно, пожалуй, все-таки обретет желаемый оттенок; роскошные черные кудри, собранные в узел на затылке и перехваченные розовой лентой; большие миндалевидные глаза, затененные сверху и снизу длинными, загибающимися кверху черными ресницами.

«Не думаю, что меня можно назвать красивой, – решила Молли, отворачиваясь от зеркала, – тем не менее я ни в чем не уверена». Она убедилась бы в этом, если бы вместо того, чтобы с такой строгостью изучать себя, улыбнулась своей беззаботной веселой улыбкой, демонстрируя блестящие зубки и очаровательные ямочки на щеках.

Девушка спустилась в гостиную заранее, когда там еще никого не было, и потому успела осмотреться и попыталась освоиться в новом для нее окружении. Обстановку комнаты, имевшей в длину футов сорок или около того и когда-то давно отделанной желтым

атласом, составляли стулья с высокой спинкой и резными ножками и раскладные столики с откидными досками по обеим сторонам столешницы. Ковер на полу был ровесником занавесок и местами протерся до дыр, которые были закрыты драгетом¹⁹. Растения в горшках, огромные вазы с цветами, индийский фарфор и застекленные шкафчики придавали ей уютный и обжитой вид. Довершали общее приятное впечатление пять высоких окон вдоль одной из стен комнаты, выходящих на прелестный цветочный сад в парке внизу – или в том, что считалось таковым, – разноцветные, яркие клумбы правильной формы, в самой середине образующие солнечные часы. И тут в комнату внезапно вошел сквайр в утреннем платье; он застыл в дверях, словно удивляясь незнакомке в белом, невесть как оказавшейся под его крышей. Спohватившись, правда с опозданием, когда Молли уже успела жарко зардеться, он заявил:

– Господи помилуй, я совсем забыл о вас. Вы ведь мисс Гибсон, дочь Гибсона, не правда ли? Приехали нанести нам визит? Очень рад вас видеть, моя дорогая.

К этому моменту они уже сошлись на середине комнаты, и он с неистовым дружелюбием принялся трясти руку Молли, намереваясь хоть таким образом извиниться за то, что не узнал ее поначалу.

– Но мне надо переодеться, – сообщил он, опуская взгляд на свои промокшие гетры. – Мадам это нравится. Один из утонченных лондонских обычаев, которые она привезла с собой и в конце концов навязала мне. Хотя я, собственно, ничего не имею против того, чтобы достойно выглядеть в обществе дам. Ваш отец переодевается к ужину, мисс Гибсон? – Не дожидаясь ответа, он поспешил прочь, чтобы заняться своим туалетом.

Обедали они за маленьким столом в роскошной просторной комнате. В ней было настолько мало мебели, а сама она казалась такой огромной, что Молли в душе отчаянно затосковала по уютной столовой своего дома. Нет, пожалуй, к тому времени, как торжественный обед в Хэмли-холле подошел к концу, она даже горевала о стульях и столах, за которыми теснились домашние, поспешно поглощающие пищу, о непринужденной манере, в которой они торопились поскорее покончить с едой и вернуться к оставленным на время делам и занятиям. Она попыталась представить, что в шесть часов вечера рабочий день заканчивается и что люди могут задержаться за столом, если у них возникнет такое желание. Она прикинула на глазок расстояние, отделявшее буфет от стола, подсчитав, сколько прислуге пришлось сновать с блюдами туда и обратно. В результате обед этот показался ей ужасно скучным и утомительным, да еще и затянувшимся, оттого что сквайр явно получал от него удовольствие, хотя миссис Хэмли выглядела уставшей. Она ела еще хуже Молли, а потом послала за веером и нюхательными солями, дабы занять себя, прежде чем слуги унесут ска-терть и на роскошный стол красного дерева, отполированный до зеркального блеска, будет водружен десерт.

По своему обыкновению сквайр был слишком занят во время совместных трапез и ограничивался короткими просьбами подать ему то или это, лишь иногда упоминая о каких-либо событиях, нарушивших монотонное течение прошедшего дня. Подобное однообразие приводило его в восторг, но временами ужасно угнетало его супругу. Но вот сейчас, очищая апельсин, он развернулся к Молли и сообщил:

– Завтра вам придется делать это для меня, мисс Гибсон.

– Правда? Я могу сделать это прямо сейчас, сэр, если хотите.

– Нет, сегодня я буду обращаться с вами как с гостьей, со всей подобающей церемонностью. А вот завтра я буду давать вам мелкие поручения и называть вас по имени.

– Ничуть не возражаю, – заявила в ответ Молли.

¹⁹ Драгет – грубая шерстяная материя для половиков.

– Мне тоже хочется называть вас как-нибудь по-домашнему, а не «мисс Гибсон», – подхватила миссис Хэмли.

– Меня зовут Молли. Старомодное имя, хотя при крещении меня нарекли Мэри. Но папе больше нравится Молли.

– Совершенно справедливо. Следует во всем придерживаться старых добрых традиций, дорогая.

– Знаете, должна заметить, что, как мне представляется, «Мэри» звучит лучше «Молли», да и имя это тоже старинное.

– Так и есть, – понижая голос и опуская глаза, пролепетала Молли, – потому что маму тоже звали Мэри, а меня называли Молли, пока она была жива.

– Ах ты, бедняжка, – заметил сквайр, не обращая внимания на знаки, что подавала ему супруга, призывая сменить тему, – я помню, как мы все сожалели о том, что она умерла. Никто и представить себе не мог, что она окажется настолько слаба здоровьем. У нее всегда был такой цветущий вид, пока однажды она не угасла, если можно так сказать.

– Должно быть, для твоего отца это стало сильным ударом, – заметила миссис Хэмли, видя, что Молли не знает, что ответить.

– Да-да. Это случилось так внезапно... Прошло совсем немного времени после того, как они поженились.

– А мне казалось, что прошло уже почти четыре года, – сказала Молли.

– Разве четыре года – долгий срок? – сказал сквайр. – Это всего лишь миг для людей, которые собираются прожить вместе целую жизнь. Тогда все думали, что Гибсон женится повторно.

– Довольно, – вмешалась миссис Хэмли, заметив страх в глаза Молли и видя, как она переменялась в лице. Очевидно, раньше мысль об этом даже не приходила девушке в голову.

Но сквайр и не думал униматься.

– Что ж, пожалуй, мне и впрямь не стоило говорить об этом, но против правды не попрешь, все действительно так думали. Сейчас-то он уже вряд ли женится, и теперь в этом нет никакого секрета. Вашему отцу ведь уже больше сорока, я не ошибаюсь?

– Сорок три. Мне кажется, он никогда не думал о новой женитьбе, – отозвалась Молли, возвращаясь к мысли об этом и не отдавая себе отчета, какая опасность миновала ее только что.

– Да, дорогая моя, здесь я с тобой согласна целиком и полностью. Он кажется мне человеком, который будет верен памяти своей супруги. Не обращай внимания на то, что говорит сквайр.

– Ага! В таком случае вам лучше уйти, если ты намерена настроить мисс Гибсон против хозяина дома.

Молли проследовала в гостиную вместе с миссис Хэмли, но от смены комнаты мысли ее отнюдь не приняли иное направление. Она не могла не думать об опасности, которой, на первый взгляд, уже избежала, и при этом поражалась собственной глупости, поскольку никогда даже и представить себе не могла, что отец может жениться вновь. Она чувствовала, что крайне рассеянна и невнимательно поддерживает разговор с миссис Хэмли.

– А вот и папа со сквайром! – внезапно воскликнула она.

Мужчины шли по саду со стороны конного двора, и отец постукивал себя хлыстом по сапогам, дабы те обрели пристойный вид, подобающий гостиной миссис Хэмли. Он выглядел так, как выглядел всегда, совершенно по-домашнему, и одним своим обликом рассеял все воображаемые страхи, вызванные его возможным повторным браком, мысли о котором уже начали одолевать его дочь. И в сердце у нее поселилась теплая и приятная уверенность в том, что он не находил себе места до тех пор, пока не приехал сюда, чтобы лично убедиться,

как ее приняли в новом доме. Правда, говорил он с нею мало, да и то преимущественно шутливым тоном.

После того как мистер Гибсон уехал, сквайр взялся обучать ее игре в криббедж²⁰, и она пребывала в достаточно приподнятом расположении духа, чтобы отнестись к новой забаве со всем вниманием и усердием. Пока они играли, сэр Хэмли болтал без умолку, то объясняя ей комбинации карт, то порой отвлекаясь на всякие пустяки, которые, как он полагал, могли заинтересовать ее.

— Значит, вы не знаете моих мальчиков, даже в лицо? А я было подумал, что вы наверняка встречались, потому что они частенько наезжают в Холлингфорд, а Роджер еще имеет привычку брать книги напрокат у вашего батюшки. Осборн очень умен, совсем как его мать. Не удивлюсь, если он когда-нибудь опубликует свою собственную книгу. А вы неправильно считаете, мисс Гибсон. Иначе я обману вас за милую душу.

Так продолжалось до тех пор, пока в комнату с торжественным видом не вошел дворецкий, который положил перед хозяином большую моленную книгу, а тот поспешно смешал и убрал карты, как если бы его застали за непристойным занятием. После этого на молитву потянулись слуги. Окна по-прежнему стояли распахнутыми настежь, и скрежет одинокого коростеля да уханье филина в лесу смешивались с монотонным речитативом. По окончании молитвы все разошлись по своим комнатам, на том и закончился этот полный событий день.

Молли выглянула из окна своей спальни. Она легла грудью на подоконник и стала жадно вдыхать ночные ароматы жимолости. Мягкая бархатная темнота скрадывала очертания сада и леса, однако девушка ощущала их присутствие столь же отчетливо, как если бы видела их.

«Пожалуй, я буду здесь счастлива», — подумала Молли, отойдя наконец от окна и начав готовиться ко сну. Но вскоре ей на память пришли слова, сказанные сквайром о возможном повторном браке отца, и нарушили ее душевный покой. «На ком же он мог жениться? — спрашивала себя Молли. — На мисс Эйре? Мисс Браунинг? Мисс Фебе? Мисс Гуденоу?» Но все кандидатки по той или иной причине были отвергнуты ею одна за другой. Тем не менее вопрос этот не давал ей покоя, то и дело появляясь из засады и тревожа ее даже во сне.

Миссис Хэмли не сошла вниз к завтраку, и Молли с некоторым разочарованием обнаружила, что компанию ей составит один лишь сквайр. В это первое утро он даже отложил в сторону журнал, уже много лет издаваемый тори и содержащий местные новости, которые интересовали его более всего, а также газету «Морнинг Кроникл», называемую им «дозой горького лекарства», чтение которой сопровождалось крепкими выражениями и даже язвительными ругательствами. Но сегодня, как он позже признался Молли, «у него был день хороших манер», и сквайр пересказывал с одного на другое, пытаясь найти достойную тему для разговора. Он рассказывал о своей жене и сыновьях, о своем поместье и том методе земледелия, которого придерживался, а также о своих арендаторах и неумелом руководстве прошлыми выборами в графстве.

Молли же интересовали ее отец, мисс Эйре, ее собственный садик и пони и — разумеется, в меньшей степени — обе мисс Браунинг, Благотворительная школа Камнор и новое платье, которое должна была прислать ей мисс Роуз. При этом в голове у нее то и дело, словно надоедливый чертик из коробочки, всплывал один и тот же вопрос: «Кого же считали подходящей женой для папы, когда он стал вдовцом?» Но пока ей удавалось захлопнуть крышку в тот самый момент, как только чертик высовывал голову наружу.

²⁰ Криббедж — карточная игра, популярная в Англии и США. Для игры используется полная колода — 52 карты. Козырей нет. Цель игры — раньше противника набрать 121 очко, составляя различные комбинации с помощью своих карт и карт соперника. Очки добываются в нескольких сдачах, каждая из которых состоит из игры и показа, или «хваленки». Подсчет очков ведется с помощью специальной доски с отверстиями и колышками, либо просто делаются записи на бумаге.

За завтраком хозяин и гостя вели себя исключительно вежливо по отношению друг к другу, при этом обоим было смертельно скучно. По окончании трапезы сквайр удалился к себе в кабинет, чтобы прочесть нетронутые газеты. По давно установившейся привычке комната, в которой он держал свои пальто, сапоги и гетры, хлысты, стеки, любимую лопату, ружье и удочки, называлась «кабинетом». В ней стояла конторка и треугольное кресло, но совершенно не было книг. Большая их часть хранилась в просторном, пропахшем плесенью помещении в той части дома, куда нечасто заглядывали его обитатели; собственно говоря, это случалось настолько редко, что служанка зачастую не утруждала себя открыванием ставней, которые выходили на территорию поместья, заросшую пышными кустами. И действительно, у слуг уже стало доброй традицией во времена покойного сквайра – того самого, который провалился на экзаменах в колледже, – не открывать наглухо заколоченные досками окна библиотеки, дабы избежать уплаты оконного налога²¹. Но когда дома были «молодые джентльмены», служанка безо всяких напоминаний регулярно навещала эту комнату. Каждый день она открывала окна и разжигала огонь в камине, стирала пыль с многочисленных томов в кожаных переплетах, являвших собой весьма недурную коллекцию традиционной литературы в середине прошлого века. Что же до книг, приобретенных после того времени, то они стояли в небольших книжных шкафах в простенках между каждой парой окон в большой зале или хранились в приватной гостиной миссис Хэмли наверху. Но тех, что находились в зале, оказалось вполне достаточно, чтобы занять Молли, и она настолько увлеклась одним из романов Вальтера Скотта, что буквально подпрыгнула от неожиданности, когда снаружи по гравийной дорожке к одному из окон подошел сквайр и окликнул ее, приглашая прогуляться с ним по саду и полям вокруг.

– Должно быть, тебе скучно, девочка моя, сидеть в одиночестве, имея в качестве собеседника лишь немую книгу, да еще в такое утро, как сегодня. Но, видишь ли, мадам предполагает, чтобы по утрам ее не беспокоили: она предупреждала об этом твоего отца, как и я тоже. Но мне все равно стало жаль тебя, когда я увидел отсюда, как ты сидишь в зале одна-одинешенька.

Молли дошла уже до середины «Ламмермурской невесты»²² и с радостью осталась бы дома, дабы дочитать ее до конца, но тем не менее она была благодарна сквайру за приглашение. Они заглядывали в старомодные теплицы, прогуливались по аккуратно подстриженным лужайкам; сквайр даже отпер большой огород, обнесенный стенами, и отдал необходимые указания садовникам. Все это время Молли следовала за ним по пятам, как преданная собачонка, но голова ее была занята Равенсвудом и Люси Эштон²³. Вскоре они обошли и проверили каждый уголок вокруг особняка и двинулись через лес, отделявший сады от соседних полей. Сквайр наконец-то получил возможность уделить больше внимания своей спутнице. Молли тоже смогла отвлечься от мыслей о семнадцатом веке, и каким-то образом вопрос, не дававший ей покоя все последние часы, помимо воли сорвался с ее губ, прежде чем она успела сообразить, что, собственно, происходит:

– А на ком, по мнению окружающих, должен был жениться папа? Ну, тогда... много лет назад... после смерти мамы?

Последние слова она произнесла едва слышно, почти шепотом. Сквайр резко обернулся и взглянул ей в лицо, сам не зная почему. Оно было очень серьезным и очень бледным, но ее решительный взгляд буквально требовал от него ответа.

²¹ Оконный налог, согласно которому облагались податями все окна, начиная с шестого.

²² «Ламмермурская невеста» – исторический роман Вальтера Скотта, опубликованный в 1819 году. Вместе с «Легендой о Монрозе» входит в третью часть серии «Рассказы трактирщика». Действие происходит в Шотландии во времена правления королевы Анны (1702–1714). Сюжет, рассказывающий трагическую любовную историю в духе «Ромео и Джульетты» на фоне междоусобных распрей шотландской аристократии, основан на реальных событиях.

²³ Эдгар Равенсвуд и Люси Эштон – главные герои романа «Ламмермурская невеста».

– Однако, – выразительно присвистнул он, чтобы потянуть время. Хотя сказать ему, собственно, было нечего – никто и никогда не связывал имя мистера Гибсона с какой-либо определенной леди; это было всего лишь вероятное предположение, не более того, ведь молодой мужчина остался вдовцом с маленькой девочкой на руках. – Я никогда не слышал... чтобы его имя связывали с какой-нибудь леди... Просто то, что он должен жениться во второй раз, считалось в порядке вещей. Насколько я знаю, он все еще вполне может отважиться на такой шаг, в чем, кстати, не вижу ничего плохого. Я так и сказал ему, когда он в последний раз был здесь.

– И что он ответил? – затаив дыхание, спросила Молли.

– Он лишь улыбнулся и ничего не сказал. Не следует так серьезно относиться к словам, дорогая моя. Очень может быть, что он более не задумывается о женитьбе, а если и женится все-таки, то это будет очень хорошо для вас обоих!

Молли пробормотала что-то себе под нос, совсем тихо, хотя сквайр мог и расслышать, если бы захотел. Но он мудро предпочел сменить тему.

– Взгляни-ка вон туда! – сказал он, когда они совершенно неожиданно вышли то ли к озеру, то ли к большому пруду.

В самой середине неподвижной, словно зеркало, воды виднелся маленький остров, на котором росли высокие деревья: темные шотландские пихты – в центре, серебристые переливчатые ивы – ближе к краю воды.

– Надо будет на днях свозить тебя туда. Об эту пору я не люблю пользоваться лодкой, потому что в камышах еще гнездятся крошечные птенцы, но мы с тобой все-таки съездим туда. Там водятся лысухи и поганки.

– Ой, смотрите, это же лебедь!

– Да, их здесь две пары. А вон в тех деревьях гнездятся грачи и цапли. Кстати, цапли уже должны расхаживать повсюду, потому что в августе они улетают в теплые края, но пока что я ни одной еще не видел. Ну-ка, стой! Это не она вон там стоит на камне, изогнув длинную шею и вглядываясь в воду?

– Да! Думаю, что это самая настоящая цапля. Хотя живыми я их никогда не видела, а только в книжке на картинках.

– Они вечно враждуют с грачами, что довольно-таки странно для таких близких соседей. Если обе цапли покидают гнездо, которое они строили, туда тут же прилетают грачи и разносят его на кусочки. А однажды Роджер показал мне отставшую цаплю, за которой гналась целая стая грачей, и, готов поклясться, цели у них были совсем не дружественные. Роджер хорошо разбирается в естественной истории и иногда натывается на забавные вещи. Будь он сейчас с нами, он бы уже дюжину раз отлучился во время этой прогулки. Он все время смотрит по сторонам и видит то, чего я в упор не замечаю. Вот, кстати, однажды я видел, как он ринулся в подлесок, потому что разглядел что-то необычное ярдах в пятнадцати от нас. То было какое-то растение, очень редкое, по его словам, хотя мне кажется, что такие попадаются на каждом шагу. А если бы мы наткнулись на нечто подобное, – с этими словами сквайр осторожно коснулся тростью кружевной паутины, свисающей с листа, – он бы тут же объяснил тебе, какой паучок ее сплел. А затем рассказал бы, где он живет – в гнилой пихте, или где-нибудь в укромном уголке здорового дерева, или в норке в земле, или в небе, или еще где-нибудь. Очень жаль, что в Кембридже не предусмотрены отличия за успехи в изучении естествознания. Тогда я был бы спокоен за Роджера.

– Мистер Осборн очень умен, не так ли? – робко поинтересовалась Молли.

– О да. Осборн – настоящий гений. Мать ждет от него великих дел и свершений. Я и сам им горжусь. Если в Тринити поступят по справедливости, то он обязательно получит стипендию. Как я говорил только вчера на заседании членов городского магистрата: «У меня есть сын, который наделает много шума в Кембридже, или я очень сильно ошибаюсь». Нет,

правда, разве это не остроумная выходка природы, – продолжал сквайр, обращая свое открытое, честное лицо к Молли, словно собираясь поделиться с ней неким откровением свыше, – что я, Хэмли из Хэмли, прямой потомок уж не знаю скольких поколений своих предков – кое-кто уверяет, что еще со времен союза семи королевств англов и саксов – кстати, когда он образовался?..

– Не знаю, – пробормотала Молли, несколько опешив от столь неожиданного поворота.

– Ага! Словом, это было еще до короля Альфреда, поскольку уж он-то был королем всей Англии. Но, как я уже говорил, взять меня, своим происхождением не уступающему любому другому мужчине в Англии, хотя сомневаюсь, что если я попадусь на глаза какому-нибудь чужаку, то он примет меня за джентльмена, с моим-то красным лицом, крупными руками и ступнями, мощной фигурой в четырнадцать стоунов весом, ведь даже в молодости я весил не меньше двенадцати... И взять Осборна, который во всем пошел в свою мать, которая даже не знает, кем был ее прадед, да благословит Господь ее душу... Так вот, у Осборна нежные черты лица, как у девчонки, и стройная хрупкая фигура, а руки и ноги у него маленькие, как у леди. Осборн – точная копия своей матери, которая, как я уже говорил, не знает, кем был ее дед. А вот Роджер похож на меня, Хэмли из Хэмли, и никто, кто встретит его на улице, никогда не подумает, что в жилах этого огненно-рыжего, неуклюжего и ширококостного малого течет благородная кровь. Тем не менее все эти Камноры, из-за которых вы в Холлингфорде поднимаете такой шум, еще вчера были никем! Да, именно так! Вот только давеча я говорил мадам о том, что Осборн может жениться на дочери лорда Холлингфорда, разумеется, в том случае, если бы у того была дочь, а пока что у них сплошь мальчишки... И я вовсе не уверен, что дал бы свое согласие на их брак. Нет, правда. Осборн получит первоклассное образование, его семья ведет свой род от союза семи королевств англов и саксов, и мне очень хотелось бы знать, кем были Камноры хотя бы во времена королевы Анны.

Он двинулся дальше, ломая голову над гипотетическим вопросом собственного согласия на этот брак, который попросту не мог состояться. Спустя некоторое время, когда Молли уже забыла, о чем они только что говорили, сквайр вдруг изрек:

– Нет! Я совершенно уверен в том, что искал бы невесту в кругах повыше. Так что, пожалуй, оно и к лучшему, что у лорда Холлингфорда одни только мальчишки.

Затем он со старомодной галантностью поблагодарил Молли за то, что она согласилась составить ему компанию, и сообщил ей, что мадам, пожалуй, уже встала и оделась, так что она будет рада видеть свою юную гостью. Он показал ей на темно-пурпурный домик, облицованный камнем, который виднелся вдали за деревьями, а потом еще долго ласковым взглядом смотрел ей вслед, когда она быстро шла по полевой тропинке.

«Славная выросла девчушка у Гибсона, – сказал он себе. – Но ты посмотри, как она вцепилась в мои слова о том, что он еще может жениться повторно! Пожалуй, следует быть поосторожнее с тем, что можно ей говорить, а что – нет. Подумать только, а ведь ей самой за столько лет и в голову не пришла мысль о том, что у нее может появиться мачеха. Да уж, мачеха для девушки – совсем не то, что вторая жена для мужчины!»

Глава 7. Предвестники несчастья

Если сквайр Хэмли оказался не в состоянии сказать Молли, кого считали наиболее подходящей кандидатурой на роль второй жены ее отца, то судьба все это время готовилась сполна удовлетворить ее любопытство. Но фортуна коварна и непредсказуема, она строит свои планы столь же неприметно, как птичка строит свое гнездышко, да еще и из таких же оставленных без внимания «пустячков». Первым таким «пустячком» стало негодование, которое Дженни (повариха мистера Гибсона) позволила себе выказать по поводу увольнения Бетии. Девушка приходилась дальней родственницей Дженни и считалась ее протеже, посему она осмелилась высказаться в том духе, что «за порог» следовало выставить как раз мистера Кокса, искусителя, а вовсе не Бетию, которая не устояла перед искушением и пала его жертвой. Подобная точка зрения оказалась достаточно правдоподобной, дабы мистер Гибсон почувствовал, что поступает несправедливо. Однако же он взял на себя труд подыскать для Бетии место не хуже прежнего, которое она занимала в его семье. Дженни тем не менее сочла возможным предостеречь его, и хотя из прошлого опыта мистер Гибсон прекрасно знал, что повариха, скорее всего, ограничится сотрясением воздуха, так и не претворив свои угрозы в жизнь, ему пришлось не по душе ощущение дискомфорта и неуверенности, которое появилось в связи с крайне неприятной ситуацией, когда он то и дело натывался в собственном доме на особу, на чьей физиономии было столь отчетливо написано неодобрение и оскорбленное достоинство.

В самый разгар этих мелких домашних неурядиц случилась еще одна неприятность, уже куда более значимая. Воспользовавшись отсутствием Молли, мисс Эйре вместе со своей престарелой матушкой и своими осиротевшими племянниками и племянницами отправилась на воды, что поначалу должно было продлиться не дольше пары недель. Но спустя десять дней мистер Гибсон получил от нее написанное прелестным почерком, безукоризненно изысканное по стилю, безупречно сложенное и аккуратно запечатанное письмо. Ее старший племянник свалился со scarlatina, и существовала немаленькая вероятность того, что та же участь постигнет и остальных детей. Бедная мисс Эйре пришла в отчаяние, оттого что из-за болезни ее возвращение домой откладывалось на неопределенный срок, а тут еще ей предстояли дополнительные расходы и нешуточные тревожения. Но мисс Эйре ни словом не обмолвилась о неудобствах, которые свалились на нее лично, и со смиренной кротостью просила извинить ее за то, что она не сможет вернуться к оговоренному сроку к своей подопечной в семье мистера Гибсона, почтительно добавив, что, пожалуй, так будет даже лучше, поскольку мисс Молли еще не болела scarlatina. И даже если бы мисс Эйре бросила своих родственников на произвол судьбы, чтобы вернуться к исполнению своих обязанностей, это было небезопасно и безответственно с ее стороны.

— Ну, разумеется, — проворчал мистер Гибсон, разорвал письмо пополам и швырнул в камин, где оно быстро обратилось в пепел. — Хотел бы я жить в доме стоимостью в пять фунтов, так чтобы в радиусе десяти миль от меня не имелось ни единой женщины.

Очевидно, он совершенно упустил из виду способность мистера Кокса сеять раздоры. Впрочем, с таким же успехом он мог винить в случившемся ни о чем не подозревавшую Молли. Появление поварихи, которая с мученическим видом оскорбленного достоинства вошла в комнату, чтобы унести остатки завтрака, о чем она и объявила с тяжким вздохом, заставило мистера Гибсона перейти от бесплодных размышлений к делу.

«Молли придется задержаться в Хэмли, — решил он. — Они часто просили меня позволить ей приехать, но теперь, боюсь, она им уже надоела. Но и я еще не готов принять ее обратно, поэтому лучшее, что я могу для нее сделать, это оставить ее там, где она пребывает сейчас. Похоже, миссис Хэмли весьма привязалась к ней, да и ребенок выглядит вполне

счастливым, довольным и окрепшим. В любом случае мне нужно сегодня заехать в Хэмли, заодно я собственными глазами увижу, как у них обстоят дела».

Он застал миссис Хэмли лежащей на софе на лужайке в тени огромного кедра. Вокруг нее бесшумно порхала Молли, занимаясь садоводством и выполняя ее указания. Девушка подвязывала длинные, цвета морской волны, стебли распутившихся ярких гвоздик и срежала высохшие бутоны роз.

– А вот и папа приехал! – радостно вскричала она, когда он подъехал вплотную к белому палисаду, отделявшему аккуратно подстриженную лужайку и еще более аккуратный садик от неухоженного парка перед домом.

– Добро пожаловать! – приветствовала его миссис Хэмли, приподнявшись на локте. – Присоединяйтесь к нам! У нас здесь есть целый куст штамбовой розы, который Молли сама привила глазком. Мы с нею очень им гордимся.

Мистер Гибсон развернул лошадь и поехал на конюшню, где и оставил ее, а сам прошел через дом на открытую летнюю гостиную под раскидистым кедром, где стояли несколько стульев и стол, на котором лежали книги и несколько перевитых стеблей. Отчего-то ему было неприятно просить хозяйку о продлении визита Молли, и поэтому он решил покончить с этим делом с самого начала, чтобы потом сполна и невозбранно насладиться восхитительным днем и заслуженным отдыхом, полной грудью вдыхая сладкий, насыщенный великолепными ароматами воздух. Молли встала рядом с отцом, положив руку ему на плечо. Он же уселся напротив миссис Хэмли.

– Я приехал к вам, чтобы попросить об одолжении, – начал мистер Гибсон.

– Можете считать, что уже получили искомое. Ну, разве я не храбрая женщина?

Он улыбнулся и поклонился, но тем не менее продолжил:

– Мисс Эйре, которая долгие годы была для Молли... гувернанткой – да, пожалуй, я должен назвать ее именно так, – сегодня прислала мне письмо. И в нем она сообщает, что один из ее маленьких племянников, которого она взяла с собой на воды в Ньюпорт, пока Молли оставалась здесь, у вас, заболел скарлатиной.

– Я догадалась, в чем заключается ваша просьба, и сразу же отвечаю согласием. Умоляю вас позволить Молли еще немного побыть у нас. Разумеется, не может быть и речи, чтобы при таких обстоятельствах мисс Эйре вернулась к вам. И столь же естественно, что Молли должна остаться здесь!

– Благодарю вас. Я чрезвычайно вам признателен. В этом и заключалась моя просьба. Ладонка Молли скользнула в его ладонь, и он ответил ей крепким, ласковым пожатием.

– Папа! Миссис Хэмли! Я знаю, что вы оба поймете меня... но нельзя ли мне вернуться домой? Я здесь очень-очень счастлива, но... Ах, папа! Было бы намного лучше, если бы я осталась с тобой дома.

В душу ему закралось неприятное смутное подозрение. Он развернул дочь к себе и пристальным взглядом впился в ее невинное личико. Под его изучающим взглядом Молли жарко зарделась, но в ее чудесных глазах читалось одно лишь удивление, а не какое-либо иное чувство, которое он страшился там увидеть. На мгновение мистер Гибсон заподозрил, что влюбленность юного рыжеволосого мистера Кокса зажгло ответный огонь в груди дочери, но спустя мгновение он понял, что ошибался.

– Молли, во-первых, ты ведешь себя невежливо. Сейчас я даже не представляю, как тебе удастся вымолить прощение и помириться с миссис Хэмли. А во-вторых, неужели ты полагаешь себя умнее меня? Или, возможно, ты думаешь, что я не хочу, чтобы ты была дома, рядом со мной, если бы все было в порядке? Так что оставайся там, где ты есть, и будь благодарна за это.

Молли знала отца достаточно хорошо, чтобы понимать – вопрос с продлением ее пребывания в Хэмли решен окончательно и бесповоротно. А потом ее вдруг захлестнуло ощу-

щение того, что она ведет себя крайне эгоистично и неблагодарно. Оставив отца, она подошла к миссис Хэмли, наклонилась к ней и поцеловала, не сказав, правда, при этом ни слова. Миссис Хэмли взяла ее за руку и подвинулась, освобождая ей место на софе.

– Я сама намеревалась просить вас продлить визит Молли во время вашего следующего посещения, мистер Гибсон. Мы с нею стали добрыми друзьями, не так ли, Молли? А теперь, когда этот славный племянник мисс Эйре...

– Лучше бы его выпороли, – заявил в ответ мистер Гибсон.

– ...дал нам такой замечательный повод, я оставляю Молли у нас надолго. Но вы должны почаще заглядывать к нам. Вы же знаете, что вас здесь всегда ждет свободная комната... И я не понимаю, почему вы не можете отправляться в свои утренние обходы из Хэмли, а не из Холлингфорда.

– Благодарю вас. Не будь вы так добры к моей маленькой девочке, я бы, не исключено, ответил бы какой-нибудь грубостью на ваши последние слова.

– Прошу вас, не стесняйтесь. Вам самому станет легче, когда вы выскажете то, что у вас на душе.

– Миссис Хэмли уже поняла, от кого я унаследовала свою грубость, – с торжеством заявила Молли. – Это у нас наследственное.

– Я собирался сказать, что приглашение переселиться в Хэмли – типично женская идея – сплошная доброта и ни капли здравого смысла. Как, скажите на милость, меня смогут разыскать мои пациенты, если я окажусь в семи милях от того места, где мне полагалось бы быть? Они наверняка пошлют за другим врачом, и уже через месяц я буду разорен.

– А разве они не смогут послать за вами сюда? Посыльный ведь стоит очень недорого.

– Представьте себе старого Гуди Хенбери, который с трудом доковылял до моей приемной, стелая на каждом шагу, а в ответ ему говорят, что надо проделать еще семь миль! Или возьмем другую противоположность: не думаю, что нарядный грум леди Камнор будет мне благодарен за то, что ему придется скакать в Хэмли всякий раз, когда его хозяйка пожелает увидеть меня.

– Что ж, сдаюсь и признаю вашу правоту. Я – всего лишь женщина. Молли, и ты тоже! Ступай и закажи клубнику со сливками для своего отца. Такое скромное поручение как раз и подобает женщине. Клубника со сливками – сплошная доброта и ни капли здравого смысла, поскольку от них у него случится несварение желудка.

– Прошу вас говорить исключительно за себя, миссис Хэмли, – жизнерадостно заявила в ответ Молли. – Вчера я съела целую корзинку клубники, а сквайр лично сходил на маслобойню и принес большую миску сливок, когда застал меня за этим занятием. А сегодня я чувствую себя, как всегда, то есть прекрасно, и несварение со мной и рядом не стояло.

– Она – славная девочка, – сказал мистер Гибсон, когда Молли, упорхнув прочь, оказалась вне пределов слышимости. Это был не вопрос, а утверждение, поскольку он не сомневался в том, что услышит. В глазах его светились нежность и доверие, пока он умолк в ожидании ответа, который не заставил себя долго ждать.

– Она – само очарование! У меня нет слов, чтобы передать вам, как мы со сквайром привязались к ней. А сейчас я буквально в восторге от того, что она останется у нас еще на время. Первая мысль, которая пришла мне в голову, когда я проснулась нынче утром, была о том, что совсем скоро Молли вернется к вам, если только я не сумею уговорить вас разрешить ей пожить у нас еще немного. А теперь она должна остаться – о, по крайней мере еще на пару месяцев.

А сквайр и впрямь очень привязался к Молли. Юная девушка, порхающая по дому и саду с неизменной улыбкой и веселой песенкой на устах, принесла с собой неизъяснимое очарование, которое было для него совершенно внове. Кроме того, Молли оказалась старательна, послушна и очень умна; она готова была и слушать, и говорить – в зависимости от

того, что от нее требовалось. Миссис Хэмли несколько не кривила душой, когда говорила, что ее супруг полюбил Молли. Но сама она или выбрала неправильный момент, чтобы сообщить супругу о том, что девушка задержится у них еще на некоторое время, или же с ним приключилась вспышка гнева, одна из тех, что были ему свойственны, но которые он обычно умел подавлять в присутствии своей супруги. Как бы там ни было, сэр Хэмли воспринял это известие безо всякой благосклонности.

– Задержится! Гибсон сам попросил об этом?

– Да! И я не вижу, что еще ей остается, учитывая, что мисс Эйре вернется не скоро, и все прочее. Молли попала в очень затруднительное и неловкое положение, ибо, лишившись матери, она оказалась во главе домашнего хозяйства, в котором имеются два молодых человека.

– Это лишний повод для Гибсона оставаться настороже. Ему следовало подумать об этом до того, как он взял себе учеников, или подмастерьев, или как он там еще их называет.

– Мой дорогой сквайр! А я-то думала, что вы обрадуетесь возможности оставить Молли у нас! Я попросила ее пожить у нас еще некоторое время, пару месяцев по меньшей мере.

– Но ведь тогда она встретится с Осборном! Да и Роджер тоже будет дома.

Видя, что глаза сквайра затуманились, миссис Хэмли без труда прочла его мысли.

– О, она совсем не из тех девушек, которые нравятся молодым людям в их возрасте. Мы любим ее, потому что видим, какая она на самом деле. Однако молодым людям двадцати одного года и двадцати трех лет требуются все аксессуары молодой женщины.

– Требуются что? – проворчал сквайр.

– Такие вещи, как модное платье или манеры. В их возрасте они даже не заметят, что она красива. В их представлении красота должна быть яркой.

– Полагаю, все это очень умно, вот только я ничего этого не понимаю. Зато я знаю, как опасно оставлять молодых людей двадцати одного года и двадцати трех лет в деревенском доме в обществе семнадцатилетней девушки. В этом случае не имеет значения, какие платья она носит и какого цвета у нее глаза или волосы. И я особо подчеркиваю, что не желаю, чтобы Осборн или они оба влюбились в нее. Я очень недоволен.

У миссис Хэмли упало сердце, лицо ее осунулось и побледнело.

– Быть может, мы устроим так, что они не приедут домой, пока она здесь? Останутся в Кембридже или погостят у кого-либо из друзей? Отправятся за границу на месяц-другой?

– Нет. Я ведь знаю, что ты ждешь не дожدهшься, чтобы они вернулись домой. Кроме того, я видел твои отметки в календаре. Уж лучше я поговорю с Гибсоном и попрошу его забрать свою дочь, поскольку это причиняет нам определенные неудобства...

– Мой дорогой Роджер! Прошу тебя не делать ничего подобного. Это было бы крайне невежливо с нашей стороны. Получится, что все, что я сказала ему вчера, – ложь от первого до последнего слова. Пожалуйста, не надо. Ради меня не ставь нас в неудобное положение перед мистером Гибсоном!

– Ну, ну, успокойся. Не стоит волноваться из-за таких пустяков. – Сэр Хэмли испугался, что с нею случится нервический припадок. – Я поговорю с Осборном, когда он приедет домой, и скажу ему, что буду очень недоволен, если случится что-нибудь подобное.

– А Роджер слишком увлечен своей естественной историей, сравнительной анатомией и тому подобным, чтобы влюбиться хотя бы в самую Венеру. К тому же он не обладает ни глубиной чувств, ни воображением Осборна.

– Как знать, как знать... С нынешними молодыми людьми ни в чем нельзя быть уверенным! Хотя с Роджером все как раз довольно просто. Он должен понимать, что еще много лет не сможет жениться.

Весь остаток этого дня сквайр старался держаться подальше от Молли, чувствуя себя негостеприимным предателем. Но девушка решительно отказывалась замечать его отчуждение и была очень весела и убедительна в своем поведении желанной гостьи. Казалось, она ни на мгновение не усомнилась в благорасположении сэра Хэмли, несмотря на всю его угрюмую неприветливость, и уже к следующему дню совершенно покорила сердце сквайра, так что они вновь вернулись к прежним беззаботным отношениям. За завтраком в то утро сквайр передал жене письмо, та прочла его и вернула супругу, не сказав ни слова относительно его содержимого, но...

— Какая удача!

— Да! Как кстати!

Молли и в голову не пришло соотнести эти восклицания с новостью, которую немного погодя сообщила ей миссис Хэмли, а именно, что ее сын Осборн получил приглашение погостить у своего друга в окрестностях Кембриджа, после чего оба намеревались совершить поездку на континент. В результате он не сможет присоединиться к своему брату Роджеру, когда тот придет домой.

Молли преисполнилась сочувствия.

— О, какая незадача! Мне очень жаль!

Миссис Хэмли про себя порадовалась тому, что ее супруга не оказалось рядом, поскольку Молли говорила совершенно искренне, от всей души.

— Вы так долго ждали его приезда. Боюсь, это станет для вас большим разочарованием.

Миссис Хэмли улыбнулась... с облегчением.

— Да! Разумеется, мы разочарованы, но при этом должны думать о том, чтобы Осборн получил удовольствие. Кроме того, учитывая его поэтический склад ума, он будет писать нам очаровательные дорожные письма. Бедный мальчик! У него ведь сегодня экзамен! Но мы с его отцом уверены, что он получит отличный балл по математике. Вот только... я очень скучаю по нему, своему дорогому мальчику. Но, пожалуй, так будет лучше.

Подобный спич поверг Молли в некоторое недоумение, но вскоре она и думать о нем забыла. Правда, она тоже испытывала легкое разочарование, оттого что ей не доведется увидеть этого красивого и талантливого молодого человека, героя своей матери. Время от времени в своих девичьих мечтах она пыталась представить себе, какой он на самом деле и как изменился прелестный мальчишка с рисунка в гостиной миссис Хэмли за те десять лет, что минули с момента его написания, читает ли он вслух стихи, в том числе собственного сочинения. Однако же в бесконечных женских хлопотах Молли скоро позабыла о своем разочаровании, и лишь на следующее утро оно вновь напомнило о себе как нечто не столь приятное, как она себе представляла, после чего окончательно растаяло, хотя и не без ее сожаления. Пребывание Молли в Хэмли подразумевало выполнение мелких и необременительных обязанностей, которые легли бы на хозяйскую дочь, если бы таковая существовала в действительности. Она готовила завтрак для сквайра и с радостью относилась к некоему подобие мадам, если бы эта ежедневная рутина не принадлежала сквайру, который ревностно оберегал ее от чужих посягательств. Она читала ему вслух заметки, напечатанные в газете мелким шрифтом, и статьи по финансовым и коммерческим вопросам, включая новости хлебной биржи и денежного рынка. Она неспешно гуляла с ним по саду, попутно собирая свежие цветы, дабы украсить ими гостиную на тот случай, если миссис Хэмли соизволит сойти вниз. Она составляла мадам компанию, когда та решала прокатиться в закрытом экипаже, и они вместе читали поэмы и легкую литературу в приватной гостиной миссис Хэмли наверху. Она весьма недурно освоила криббедж и, при некотором желании, запросто могла обыграть сквайра. Помимо всего этого, Молли еще и придумывала для себя собственные развлечения. Уединяясь в гостиной, она ежедневно по часу практиковалась в игре на огромном старом фортепьяно, поскольку обещала это миссис Эйре. А еще она любила бывать в библиотеке,

где отодвигала тяжелые запоры на ставнях, если служанка забывала об этом, и забиралась на лестницу, чтобы, сидя на ступеньке, на долгое время с головой уйти в какую-нибудь книгу из старинной английской классики. Для счастливой девушки семнадцати лет летние деньки казались слишком короткими.

Глава 8. Опасность надвигается

В четверг тихое деревенское поместье было взбудоражено известием о том, что домой едет Роджер. За два или три дня до столь знаменательного события миссис Хэмли занедужила, а сквайр, казалось, пребывал в раздражительном состоянии духа безо всякой видимой причины. Они предпочли не говорить Молли о том, что на экзамене для получения степени бакалавра с отличием Осборн оказался в самом низу списка претендентов. Так что их гостья лишь догадывалась о том, что случилось нечто неприятное, и надеялась, что приезд Роджера все исправит, поскольку это было не в ее силах.

В четверг горничная извинилась перед нею за некоторую небрежность в уборке ее спальни, объяснив, что была занята, приводя в надлежащий вид комнаты мистера Роджера.

– Не то чтобы они не были прибраны заранее, но хозяйка всегда требует, чтобы в них наводили порядок еще раз, перед самым приездом молодых джентльменов. Будь это мистер Осборн, пришлось бы прибираться во всем доме, в конце концов, он – старший сын, и в этом не было бы ничего удивительного.

Молли изрядно позабавило подобное свидетельство прав наследования, но она вдруг обнаружила, что и сама поддалась всеобщему убеждению, что старший сын ни в чем не должен знать отказа. В глазах своего отца Осборн был представителем старинного дома Хэмли из Хэмли, будущим владельцем земли, которая принадлежала его предкам на протяжении вот уже тысячи лет. Мать же боготворила его, поскольку они были похожи друг на друга как две капли воды, физически и душевно, а еще потому, что он носил ее девичье имя. Она заразила Молли своей верой, и, несмотря на веселое изумление, в которое ее повергла речь горничной, гостья так же, как и все остальные, готова была продемонстрировать вассальную преданность наследнику, если бы только он действительно приехал.

После легкого ленча миссис Хэмли отправилась отдохнуть, чтобы подготовиться к возвращению Роджера. Молли удалилась к себе, сочтя, что до обеда ей лучше оставаться в своей комнате, дабы не мешать встрече отца и матери с младшим сыном. Она прихватила с собой рукопись со стихами, принадлежащих перу Осборна; многие из них миссис Хэмли неоднократно читала своей юной гостье вслух. Молли даже попросила разрешения переписать одно или два стихотворения, которые стали ее любимыми. В этот теплый и тихий летний полдень она принялась за дело, сидя у открытого окна и мечтательно поглядывая на сад и лес, колышущиеся в жарком полуденном мареве. В особняке царила такая звенящая тишина, что можно было вообразить, будто он вдруг перенесся на край света, и лишь громкое жужжание синих мух, бьющихся о стекло на лестничной клетке, нарушало домашний покой. А снаружи, на цветочных клумбах под окном, едва слышно гудели пчелы. Далекие голоса, доносившиеся с лугов, на которых косили траву – аромат ее, столь разительно отличавшийся от запаха роз и жимолости по соседству, приносили порывы легкого ветерка, – веселые и неразборчивые, лишь подчеркивали глубину царящего вокруг умиротворения. Молли отложила в сторону перо – рука у нее устала, поскольку ей еще никогда не доводилось писать так много и долго, – и лениво разучивала наизусть полубившиеся ей строки.

– «Я спросил у ветра, и лишь привычный одинокий стон его был мне ответом», – шептала она про себя, не замечая, что слова утратили свой первоначальный смысл от механического повторения.

И вдруг раздался стук закрывающихся ворот, по гравию заскрежетали колеса, а на подъездной дорожке послышался стук копыт. По дому раскатился чей-то громкий радостный голос, неожиданно сильный и звонкий, и в раскрытые окна ворвалось гулкое эхо, разлетаясь по холлу, коридорам и лестнице. Холл внизу был выложен ромбовидной черно-белой мраморной плиткой; низкая широкая лестница, короткими пролетами огибавшая его

до самого верха, так что оттуда был хорошо виден весь мраморный пол, оставалась непокрытой и не имела ковра. Сквайр слишком гордился плотно подогнанными дубовыми досками, чтобы безо всякой на то необходимости покрывать их ковровой дорожкой, не говоря уже о том, что наличных денег, требующихся для украшения внутреннего убранства дома, постоянно не хватало. И потому любой звук снизу разносился по огромному холлу и лестнице совершенно отчетливо. Молли услышала приветственный возглас сквайра «Кого я вижу! А вот и он!» и негромкий и печальный голос мадам, перемежаемый решительным и незнакомым тоном, который, как она догадалась, принадлежал Роджеру. Затем захлопали двери, и гул отдалился и стих вдали. Молли вновь принялась бездумно повторять:

– «Я спросил у ветра, и лишь привычный одинокий стон его был мне ответом...»

На этот раз она уже почти выучила стихотворение наизусть, как вдруг услышала, что в свою гостиную, располагавшуюся по соседству со спальней Молли, быстрым шагом вошла миссис Хэмли и безудержно разрыдалась. Молли была еще слишком юна, чтобы руководствоваться соображениями, которые помешали бы ей немедленно предложить то утешение, на какое она была способна. В мгновение ока девушка оказалась на коленях у ног миссис Хэмли и, взяв ладошки бедной леди в свои, стала покрывать их поцелуями, невнятно лепеча что-то ласковое и успокоительное. Сколь бы бессмысленными ни казались эти слова, в них звучало искреннее сочувствие и неизбывная печаль, и они благотворно действовали на миссис Хэмли. Она взяла себя в руки и грустно улыбнулась Молли сквозь слезы.

– Это все Осборн, – проговорила она наконец. – Роджер рассказал нам о нем.

– Что рассказал? – в волнении вскричала Молли.

– Я узнала обо всем еще в понедельник... мы получили письмо... Он сообщил нам, что не добился того успеха, на который мы рассчитывали и на который надеялся он сам... Бедный мальчик! Он написал нам, что с трудом сдал экзамен, оказавшись в числе *junior optimes*²⁴, а вовсе не там, где надеялся, и на что внушил надежду и нам. Но сэр Хэмли никогда не учился в колледже, посему подобные выражения ему непонятны, и он стал расспрашивать Роджера. Когда же тот рассказал ему все, сквайр очень рассердился. Он ведь ненавидит студенческий жаргон, ты же знаешь... И он решил, что бедный Осборн отнесся к своей неудаче слишком уж легкомысленно, и засыпал Роджера вопросами, а Роджер...

Мадам вновь залилась слезами. Молли же выпалила:

– Не думаю, что мистер Роджер должен был рассказывать обо всем. Не было решительно никакой нужды так сразу начинать с неудачи своего брата. В конце концов, он не пробыл дома еще и часа!

– Тише, тише, дорогая моя! – всполошилась миссис Хэмли. – Роджер очень славный. Ты просто ничего не понимаешь. Сквайр все равно начал бы расспрашивать его до того, как мы сели бы обедать – до того, как вошли бы в столовую. Да он и рассказал только то – мне, во всяком случае, – что Осборн очень нервничал и что если бы он боролся только за золотую медаль ректора²⁵, то оставил бы всех конкурентов далеко позади. Но Роджер говорит, что после такого провала он теперь вряд ли получит стипендию, на что так рассчитывал сквайр. Осборн был настолько уверен в успехе, что сквайр ничего не может понять и оттого злится... И чем больше он об этом говорит, тем в большее негодование приходит. Он носил это в себе два или три дня, а такое никогда до добра не доводит. А вот если он вспылит сразу, то потом быстро успокаивается и больше не растравляет себе душу. Бедный, бедный Осборн! Поначалу мне хотелось, чтобы он приехал прямо домой, а не заезжал к своим друзьям. Я

²⁴ Junior optime – выпускник, занявший последнее место на экзамене по математике в Кембриджском университете. В качестве приза ему присуждается деревянная ложка.

²⁵ Золотая медаль ректора – престижная награда в Кембриджском университете в области поэзии. Впервые ее представил принц Уильям Фредерик, герцог Глостерский и Эдинбургский, когда сам был ректором Кембриджского университета в середине 19 века.

думала, что смогла бы утешить его. Но теперь я рада, что этого не случилось, и будет лучше, если отцовский гнев немного остынет.

Высказав все, что накопилось у нее на душе, миссис Хэмли почувствовала себя лучше и немного успокоилась, а вскоре и вообще отослала Молли переодеваться к ужину. Поцеловав девушку на прощание, она сказала:

– Для любой матери ты стала бы сущим благословением, дитя мое! Ты умеешь утешить и посочувствовать и в горе, и в радости, и в моменты торжества – как на минувшей неделе, когда меня переполняло чувство собственного достоинства и уверенности в том, что все будет хорошо, – и в минуты разочарования. А теперь, когда ты окажешься вместе с нами за столом, это позволит избежать разговоров на болезную тему. Бывают моменты, когда чужой человек в доме оказывает неоценимую помощь.

Молли раздумывала над словами миссис Хэмли, надевая в честь вновь прибывшего свое чересчур яркое и модное клетчатое платье. Ее подсознательная присяга на верность Осборну ничуть не поколебалась после того, как он провалился на экзамене в Оксфорде. Зато она буквально пылала негодованием, имея на то веские резоны или в отсутствие таковых, на Роджера, который привез домой дурные вести и выложил их, едва успев переступить порог.

Словом, в гостиную она спустилась, не испытывая к нему никаких теплых чувств. Он стоял рядом с матерью, сквайр еще не появился. Молли показалось, что мать и сын держались за руки, когда она отворила дверь, но она не была до конца уверена в этом. Миссис Хэмли шагнула ей навстречу и настолько тепло и ласково представила ее своему сыну, что Молли, неискушенная и простая душа, не знающая другого обхождения, кроме формальностей, принятых в Холлингфорде, едва не протянула руку тому, о ком столько слышала, – сыну своих добрых друзей. Ей оставалось только надеяться, что он не заметил ее порывистого движения, поскольку не сделал попытки ответить на него, а лишь молча поклонился в ответ.

Роджер оказался высоким и крепко сбитым молодым человеком, излучающим скорее физическую силу, нежели изящество или элегантность. Лицо у него было квадратным, со здоровым румянцем во всю щеку (как и говорил его отец), вьющиеся волосы – каштановыми, а карие глаза – глубоко посаженными под кустистыми бровями. У него была привычка прищуриваться, когда он всматривался во что-либо, отчего они становились еще меньше. Рот у него оказался большой, с чрезвычайно подвижными губами. Имелась у него и еще одна манера – когда его что-нибудь забавляло, то, вместо того что рассмеяться, он поджимал губы, пока наконец веселье не брало свое, и тогда черты его расслаблялись и он улыбался открытой солнечной улыбкой. В эти мгновения на румянном его лице белой полоской сверкали ослепительные зубы – единственная привлекательная черта в его краснощекой внешности. Эти два его излюбленных фокуса – привычка прищуриваться, словно сосредоточивая на чем-либо всю силу зрения, что придавало ему вид суровый и задумчивый, и странное подергивание губ, что служило предвестником улыбки, которая буквально озаряла его лицо, – разительным образом отличали его от остальных мужчин, которые умели быть или оживленными, или хмурыми. Но Молли, которая не отличалась особой проницательностью в своем отношении к чужаку в тот, самый первый, вечер их знакомства, он всего-навсего показался «мрачным и неуклюжим», да к тому же «человеком, с которым она никогда не найдет общего языка». Да и ему, судя по всему, не было решительно никакого дела до того, какое впечатление он производит на гостью своей матери. Он пребывал в том возрасте, когда молодые люди восхищаются сформировавшейся красотой больше, нежели лицом, которому лишь предстоит расцвести в будущем, и когда они ужасно смущаются, будучи не в состоянии найти подходящий предмет для разговора с девушками-подростками. Кроме того, голова у него была занята другими вещами, о которых он вовсе не собирался распространяться, изо всех сил при этом стараясь избежать тяжелого молчания, какое могло повиснуть за столом в обществе разгневанного и недовольного отца и робкой, вконец расстроенной матери. В его гла-

зах Молли выглядела дурно одетой и неуклюжей девчонкой, с черными кудрями и интеллигентным личиком, которая могла помочь ему в решении задачи, поставленной им перед собой, – поддерживать жизнерадостную и пустую болтовню на протяжении всего вечера. Могла помочь – если пожелает, но она не пожелала. Его разговорчивость она сочла проявлением бесчувственности; его бесконечные разглагольствования о самых разных вещах вызывали у нее изумление и отвращение. Как он мог столь беззаботно болтать, когда его мать сидела рядом, словно на похоронах, почти ничего не ела и лишь безуспешно старалась проглотить слезы, то и дело наворачивающиеся ей на глаза. Или когда его отец грозно хмурился, не обращая ни малейшего внимания – поначалу, по крайней мере – на неумолчную трескотню сына? Неужели мистер Роджер Хэмли начисто лишен сострадания? Что ж, она покажет ему, что у нее-то оно имеется. Посему Молли отвергла ту роль, которую, как он надеялся, она возьмет на себя – роль респондента – и, возможно, засыплет его вопросами, и оттого он все больше и больше походил на человека, угодившего в непролазную топь. Один раз сквайр встрепенулся и обратился к дворецкому: ему понадобился внешний стимул – вино лучшего качества, чем обычно.

– Принесите бутылку бургундского с желтой этикеткой.

Голос его прозвучал негромко, у него не было сил изъясняться в привычной громко-гласной манере. Дворецкий ответил ему тем же тоном. Молли, сидевшая рядом с ними и хранившая молчание, расслышала все до последнего словечка.

– Прошу прощения, сэр, но у нас осталось всего шесть бутылок с такой этикеткой. Это любимое вино мистера Осборна.

Сквайр развернулся к нему всем телом и прорычал:

– Принесите вино с желтой этикеткой, как я уже сказал.

Дворецкий с поклоном удалился, явно недоумевающий и растерянный. До сих пор желания мистера Осборна в этом доме были законом. Если ему нравилось какое-либо определенное блюдо или напиток, место или комната, особое тепло или прохлада, его пожелания незамедлительно выполнялись, потому что он был наследником, утонченной натурой и самым умным изо всей семьи. Все те, кто работал на свежем воздухе, могли подтвердить вышесказанное. Если мистер Осборн желал, чтобы вон то дерево спилили, а вот это оставили, или у него имелся каприз на охоте, или он хотел, чтобы выполнили какую-то причуду относительно лошадей, – все это следовало удовлетворять немедленно, как если бы его слова и просьбы были законом. Но сегодня поступило распоряжение принести бутылку бургундского вина с желтой наклейкой – и его принесли. Молли, которая не пила вина и поэтому могла не бояться, что мужчины нальют ей бокал, отреагировала единственным возможным образом: чтобы выразить свою преданность отсутствующему Осборну – как бы при этом не был понят ее поступок, – она накрыла свой бокал ладонью, пока вино разливали по кругу и Роджер с отцом наслаждались его вкусом.

После ужина джентльмены задержались за десертом, и до ушей Молли донесся их смех, а потом она увидела, как они в сумерках вышли прогуляться. Роджер был без шляпы; сунув руки в карманы, он вышагивал рядом с отцом, который сейчас уже разговаривал своим обычным громким и жизнерадостным тоном, позабыв об Осборне. *Voe, victis!*²⁶

В результате молчаливой оппозиции со стороны Молли и вежливого равнодушия, граничащего с грубостью, со стороны Роджера они старательно избегали друг друга. У молодого человека нашлось великое множество занятий, для которых ее общество ему вовсе не требовалось, даже если бы она и обладала нужной квалификацией, чтобы предложить его. Но самое плохое заключалось в том, что, как она обнаружила, у него имелась привычка по утрам занимать библиотеку, ее любимое прибежище до того момента, когда туда приходила

²⁶ *Voe, victis!* – Горе побежденным! (лат., искаж.)

миссис Хэмли. Через день или два после его возвращения домой Молли отворила неплотно прикрытую дверь и обнаружила, что он перебирает книги и какие-то бумаги, которыми была буквально завалена обтянутая кожей столешница большого стола, стоявшего в библиотеке. Ей ничего не оставалось, как неслышно удалиться, дабы он не успел повернуть голову и заметить ее, сообразив, что это вовсе не одна из служанок. Каждый день Роджер выезжал верхом, иногда – вместе с отцом, чтобы осмотреть соседние поля, иногда – в одиночестве, чтобы промчаться галопом. Молли с радостью составила бы ему компанию в таких поездках, поскольку очень любила конные прогулки; после того, как она только прибыла в Хэмли, как-то сама собой возникла идея послать за ее платьем для верховой езды и серым пони. Но сквайр, поразмыслив, заявил, что он по большей части лишь неторопливо объезжает свои поля, на которых трудятся его арендаторы, и опасается, что такая медленная езда – десять минут неспешной скачки по пересеченной местности и двадцать минут последующего неподвижного ожидания, пока он даст указания своим людям, – покажется ей довольно скучной. И вот теперь, когда Молли могла бы выезжать с Роджером, не доставляя ему никаких неудобств, о чем она, разумеется, позаботилась бы, никто и не думал возобновлять предложение. Словом, жизнь в поместье Хэмли протекала куда приятнее до того, как он вернулся домой.

Отец заезжал проводить ее довольно часто; иногда, впрочем, случались и долгие перерывы, когда Молли начинала нервничать и спрашивала себя, уж не произошло ли с ним чего дурного. Но, появляясь вновь, мистер Гибсон неизменно называл веские причины своего отсутствия, и его привычная ласковая нежность, правом на которую, как чувствовала Молли, она обладает, и способность понимать смысл его слов и молчания придавали этим коротким встречам неизъяснимое очарование. В последнее время она все чаще спрашивала его:

– Когда я смогу вернуться домой, папа?

Не то чтобы она была несчастлива или чувствовала себя неловко и неуютно; Молли искренне привязалась к миссис Хэмли, стала любимицей сквайра и до сих пор не могла взять в толк, отчего это некоторые люди так боятся его. Что же касается Роджера, то он, хотя и не доставлял ей своим присутствием никакого удовольствия, однако же и не причинял особых неприятностей. Но, несмотря ни на что, ей хотелось поскорее оказаться дома. Причину своего стремления она затруднилась бы объяснить даже самой себе, но вместе с тем девушка понимала, что именно в этом и заключается ее самое сокровенное желание. Мистер Гибсон убеждал дочь и взывал к ее разуму до тех пор, пока Молли не надоело выслушивать его доводы о том, что она должна оставаться там, где находится, для ее же собственной пользы. Сделав над собой усилие, она постепенно перестала взывать к нему, заметив, что бесконечные мольбы лишь вызывают у отца раздражение.

А мистер Гибсон в отсутствие Молли дрейфовал к брачному союзу. Отчасти он отдавал себе отчет в том, что происходит, но при этом медленно плыл по течению и не проявлял особой активности. Впрочем, если бы умом он не одобрял того шага, к которому склонялся, и не верил в то, что второй брак станет наилучшим способом разрубить гордые узел домашних неурядиц, то мог бы, не слишком утруждая себя, приложить необходимые усилия и легко избежать тех ловушек, что расставили ему обстоятельства. А между тем события развивались следующим порядком...

Леди Камнор, выдав замуж двух своих старших дочерей, взяла на себя роль дуэньи леди Гарриет, своей младшенькой, и вскоре обнаружила, что этот ее труд значительно облегчают родственники, а потому решила, что пора бы ей вспомнить о своем слабом здоровье. Впрочем, миледи была слишком энергичной особой, чтобы позволять себе такую роскошь постоянно, но тем не менее иногда она разрешала себе сделать перерыв в бесконечной череде ужинов, балов, приемов и прочих лондонских увеселений. Препоручив леди Гарриет заботам леди Куксхейвен или леди Агнессы Мэннерс, она удалялась в относительное уедине-

ние и покой своего поместья Тауэрз, где с головой уходила в благотворительность, которой вынуждена была пренебречь в суете и сумятице Лондона. Этим летом выдержка изменила ей раньше обыкновенного и она страстно возжелала деревенской тишины и умиротворения. Кроме того, она была уверена, что состояние ее здоровья требует к себе внимания более серьезного, нежели раньше. Впрочем, о своих тревогах она не обмолвилась и словом ни супругу, ни дочерям, приберегая свои откровения для мистера Гибсона. Леди Камнор вовсе не хотела отрывать младшую дочь от увеселений большого города, коими та наслаждалась от души, тем более что ее опасения насчет здоровья вполне могли оказаться надуманными. Но при этом ей не улыбалось оставаться одной на протяжении трех недель, или даже месяца, перед тем, как семья присоединится к ней в Тауэрз, особенно учитывая приближающееся ежегодное празднество для школьных попечительниц. К тому же и сама школа, и грядущий визит местных дам давно утратили для нее первоначальное очарование новизны.

– Четверг, 19-е число, Гарриет, – задумчиво протянула леди Камнор. – Как ты отнесешься к тому, чтобы прибыть в Тауэрз 18-го и помочь мне пережить этот долгий и утомительный день? Ты могла пробыть в деревне до понедельника и отдохнуть несколько дней на свежем воздухе, чтобы к остальным своим забавам и развлечениям вернуться посвежевшей и окрепшей. Я не сомневаюсь, что твой отец привез бы тебя. Собственно говоря, он и сам придет непременно.

– Ах, мама! – сказала леди Гарриет, младшая хозяйская дочь, самая красивая из них, по мнению многих. – Я не могу приехать. Меня пригласили принять участие в катании на лодках в Мейденхеде²⁷ 20-го числа, и мне ужасно не хотелось бы пропустить это приключение. А ведь есть еще бал у миссис Дункан и концерт Гризи. Прошу тебя, постарайся обойтись без меня. Кроме того, от меня тебе не будет никакого проку. Я не умею вести пустые провинциальные разговоры и совершенно не разбираюсь в местных нравах и политике Холлингфорда. Боюсь, что я лишь все испорчу и посею ненужные раздоры.

– Очень хорошо, моя дорогая, – со вздохом согласилась леди Камнор, – я совсем забыла о речной прогулке в Мейденхеде, иначе просто не стала бы просить тебя.

– Какая жалость, что каникулы в Итоне еще не начались, потому что тогда тебе помогли бы организовать празднества мальчишки из Холлингфорда. Они такие обходительные и вежливые, эти маленькие зануды. Было так забавно наблюдать за ними в минувшем году у сэра Эдвардса, когда они принимали в доме своего деда такое же сборище обожателей, как и то, что ты собираешь у себя в Тауэрз. Я никогда не забуду, с каким серьезным видом Эдгар ухаживал за дамой в зловещей черной шляпке, просвещая ее на безукоризненном английском языке.

– А мне мальчишки нравятся, – заявила леди Куксхейвен. – С возрастом они станут настоящими джентльменами. Но, мама, почему бы тебе не пригласить к себе Клэр? Она тебе нравится, к тому же кто, как не она, может избавить тебя от необходимости изображать гостеприимство перед обитателями Холлингфорда, да и нам всем было бы неизмеримо спокойнее, знай мы о том, что она составляет тебе компанию.

– Да, Клэр подойдет как нельзя лучше, – согласилась леди Камнор, – но разве занятия в ее школе уже закончились? Мы не должны нарушать заведенный ею школьный распорядок, поскольку, боюсь, дела у нее идут не слишком хорошо. С тех пор как она покинула нас, ей просто ужасно не везет. Сначала скончался ее муж, потом она лишилась места у леди Дейвис, затем – у леди Мод, а теперь уже и мистер Престон сообщил вашему отцу, что она едва-едва сводит концы с концами в Эшкомбе, хотя лорд Камнор и позволил ей жить в доме бесплатно.

²⁷ Город Мейденхед расположен на юге Англии, в восточной части графства Беркшир, в 41 километре от вокзала Чаринг-Кросс в Лондоне. Мейденхед стоит на правом берегу Темзы.

– Не представляю, как такое возможно, – заявила леди Гарриет. – Да, конечно, она не очень умна, но зато мила и полезна, да и манеры у нее очень приятные. Я бы сказала, что тот, кто не слишком требователен к образованию, был бы счастлив иметь ее гувернанткой.

– Что ты имеешь в виду, говоря о требовательности к образованию? Большинство из тех, кто держит гувернанток для своих детей, как раз весьма требовательны, – возразила леди Куксхейвен.

– Видишь ли, они и впрямь полагают себя таковыми, в чем я не сомневаюсь. Но вот тебя я называю требовательной, Мэри, а маму – нет, хотя сама она наверняка думает по-другому.

– Я решительно отказываюсь понимать, что ты имеешь в виду, Гарриет, – сказала леди Камнор, весьма раздосадованная заявлением своей беззаботной умницы дочери.

– Видишь ли, дорогая мамочка, ты делала для нас все, что могла, но при этом у тебя имелось множество других интересов, тогда как Мэри не позволяет своей любви к супругу вставать на пути всепоглощающей любви к детям. Ты нанимала для нас лучших преподавателей по всем предметам, а Клэр как раз и должна была держать нас в ежовых рукавицах, заставляя готовиться к ним и делать уроки, насколько это было в ее силах. Но, как тебе известно, или, точнее, неизвестно, некоторые из этих преподавателей восхищались нашей смазливой гувернанткой и вполне, впрочем, пристойно флиртовали с ней, что, разумеется, ни к чему не привело. К тому же обязанности знатной дамы – благородной, аристократичной, щедрой и все такое – настолько поглощали тебя, что ты частенько забирала у нас Клэр в то самое время, когда мы делали уроки. Она писала для тебя письма и сводила баланс твоих счетов, а в результате я превратилась в самую дурно образованную девушку в Лондоне. И лишь наша добрая, неуклюжая мисс Бенсон так хорошо вымуштровала Мэри, что ту буквально переполняют самые точные сведения по любому вопросу, и отраженный свет ее славы падает и на меня.

– Как ты полагаешь, Мэри, Гарриет говорит правду? – с некоторой тревогой осведомилась леди Камнор.

– Когда Клэр стала нашей классной дамой, я была совсем еще маленькой. Я занималась с нею французским и помню, что у нее был очаровательный акцент. И Агнесса, и Гарриет очень любили ее. А я ревновала ее к мисс Бенсон и, быть может, – леди Куксхейвен ненадолго умолкла, выдержав паузу, – поэтому заподозрила, что она специально баловала их и льстила им, что было с ее стороны не очень-то честно, как мне тогда представлялось. Впрочем, девочки – суровые судьи, да и жизнь у Клэр с тех пор была нелегкой, и я всегда радуюсь тому, что мы можем пригласить ее к себе и доставить ей хотя бы маленькое удовольствие. Единственное, что меня смущает, так это то, что она неизменно отправляет прочь свою дочурку. Нам до сих пор не удавалось уговорить ее взять Синтию с собой, когда она гостит у нас.

– Вот что я называю брюзжанием, – заметила леди Гарриет. – Бедной женщине, которая старается заработать себе на жизнь в качестве гувернантки, не остается ничего другого, как отправить собственную дочь в школу. А потом, когда Клэр приглашают в гости, а она слишком скромна, чтобы взять девочку с собой, не говоря уже о дорожных расходах и тратах на наряды, Мэри обвиняет ее в умеренности и экономности.

– Видишь ли, в конце концов, мы обсуждаем не Клэр и ее дела, а то, как нам обеспечить мамин комфорт и удобства. На мой взгляд, она поступит очень разумно, пригласив миссис Киркпатрик к себе в Тауэрз, как только у той начнутся каникулы.

– Вот ее последнее письмо, – сообщила леди Камнор, рывшаяся в его поисках в своем секретере, пока ее дочери препирались между собой. Поднеся к глазам очки, она стала читать: – «...у меня складывается впечатление, что мои привычные несчастья последовали за мною в Эшкомб...» Гм, это не то. «Мистер Престон оказался настолько мил, что посылает мне фрукты и цветы из манора, следуя предписаниям дорогого лорда Камнора...» А,

вот, нашла! «Каникулы начинаются 11-го числа, как это принято в школах Эшкомба. После этого мне нужна смена обстановки и отдых, чтобы набраться сил перед тем, как вернуться к исполнению своих обязанностей 10 августа». Видите, девочки, Клэр будет совершенно свободна, если только она уже не сделала приготовления к тому, чтобы провести свой отпуск в другом месте. А сегодня у нас уже 15-е.

– Я немедленно напишу ей, мама, – пообещала леди Гарриет. – Мы с Клэр всегда были большими друзьями. Она доверилась мне, рассказав свою историю любви с бедным мистером Киркпатриком, и с тех пор мы остаемся близки. Мне известно, например, что помимо него она получила еще три предложения руки и сердца.

– Я искренне надеюсь, что мисс Бойз не поверяет свои любовные похождения Грейс или Лили. Но, Гарриет, ты ведь была ничуть не старше Грейс, когда Клэр вышла замуж! – с материнской озабоченностью в голосе заметила леди Куксхейвен.

– Да, но благодаря рыцарским романам я уже хорошо разбиралась в нежных чувствах. А тебе, Мэри, я могу лишь посоветовать, чтобы ты не допускала их появления в классной комнате, и тогда твои дочери не смогут выказать сдержанную симпатию своей гувернантке, если она вдруг окажется героиней любовной интриги.

– Моя дорогая Гарриет, я не желаю слушать, как ты рассуждаешь о любви в таком духе, это недостойно. Любовь – серьезное дело.

– Моя дорогая мамочка, со своими проповедями ты опоздала по меньшей мере на восемнадцать лет. Да, подобными речами я лишила любовь всякой свежести и яркости, и потому разговор на эту тему мне прискучил.

Последнее замечание леди Гарриет относилось к ее недавнему отказу принять предложение руки и сердца, что вызвало сдержанное неудовольствие у леди Камнор и куда более сильное раздражение у милорда. Будучи родителями, они не имели ничего против джентльмена, о котором шла речь. Леди Куксхейвен не хотела вновь поднимать этот болезненный вопрос и потому поспешно сказала:

– Пожалуйста, пригласи бедную девочку приехать вместе с ее матерью в Тауэрз. Ей уже должно сравняться семнадцать или около того, и она с успехом заменит свою мать, став твоей компаньонкой, мама, если та не сможет приехать, – предложила леди Куксхейвен.

– Когда Клэр вышла замуж, мне не было еще и десяти, а сейчас мне уже почти двадцать девять, – добавила леди Гарриет.

– Не нужно говорить об этом, Гарриет. К тому же тебе пока еще двадцать восемь, да и выглядишь ты намного моложе. Посему нет решительно никакой необходимости вспоминать о своем возрасте по любому поводу или без него.

– Вот сейчас необходимость как раз и была. Я хотела сосчитать, сколько уже исполнилось Синтии Киркпатрик. Не думаю, что намного больше восемнадцати.

– Она учится в школе в Булони, насколько мне известно, и потому не думаю, что ей действительно так много. Кстати, вот что пишет о ней Клэр в своем письме: «При таких обстоятельствах... (очевидно, она имеет отнюдь не блестящие успехи в школе) не думаю, что могу позволить себе удовольствие пригласить Синтию провести каникулы дома, особенно если учесть, что их начало во Франции не совпадает с таковым в Англии. Кроме того, если дорогая Синтия приедет в Эшкомб, это может спутать мои собственные планы, заняв все мое время и мысли непосредственно перед началом моих академических обязанностей, к исполнению которых я должна буду приступить 8 августа, когда начинаются ее каникулы, то есть всего за два дня до окончания моего отпуска». Вот, вы сами видите, что Клэр вполне может составить мне компанию. И, смею надеяться, подобная перемена обстановки скажется на ней самым благоприятным образом.

– А Холлингфорд как раз занят обустройством своей новой лаборатории в Тауэрз, так что постоянно ездит туда-сюда. Да и Агнесса подумывает о том, чтобы приехать в поместье

и подышать свежим воздухом, как только достаточно окрепнет после родов. И даже моей неутомонной натуре через две-три недели прискучит всякое веселье, если такая жара продолжится хоть сколько-нибудь долго.

– Пожалуй, я тоже смогу приехать на несколько дней, если ты позволишь, мама. Я привезу с собой Грейс, в последнее время она такая бледная и худенькая, бедняжка. Боюсь, она растет слишком быстро. Так что я вполне уверена в том, что тебе не будет скучно.

– Моя дорогая, – заявила леди Камнор, выпрямляясь, – стыдно скучать, располагая такими возможностями. А ведь у меня еще есть обязательства перед другими и перед собой!

Итак, план в его нынешнем виде был представлен лорду Камнору, который отозвался о нем в высшей степени одобрительно. Впрочем, так обстояли дела и со всеми проектами его супруги. Быть может, характер леди Камнор и представлялся ему временами несколько нудным, зато он неизменно восхищался всеми ее словами и поступками и даже хвастался умом, добросердечием и чувством собственного достоинства супруги в ее отсутствие, словно пытаясь хоть таким способом укрепить свою куда более слабую натуру.

– Очень хорошо! Нет, поистине великолепно, право слово! Клэр составит вам компанию в Тауэрз! Я и сам не смог бы придумать ничего лучшего! Я присоединюсь к вам в среду, чтобы успеть к началу праздника в четверг. Этот день мне всегда нравился, а дамы из Холлингфорда такие милые и дружелюбные... А потом я проведу один день с Шипшенксом и, быть может, съезжу в Эшкомб повидать Престона – моя Браун Джесс вполне управится с этим, восемнадцать миль в одну сторону... Решено! Ах да, мне же предстоит еще вернуться обратно в Тауэрз! Дважды по восемнадцать, сколько это будет – тридцать?

– Тридцать шесть, – резко бросила леди Камнор.

– Точно. Как всегда, вы правы, дорогая. И Престон тоже умный и сообразительный малый.

– Он мне не нравится, – заявила миледи.

– Да, за ним нужен глаз да глаз, но он ловкий малый. Кроме того, он такой симпатичный, что я не понимаю, как вы можете его не любить.

– Мне нет дела до того, как выглядят управляющие. Они не принадлежат к тому классу людей, на чью внешность я обращаю внимание.

– Разумеется, не обращаете. Тем не менее он – симпатяга, а заставить вас проникнуться к нему дружелюбием должен тот интерес, который он проявляет к Клэр и ее перспективам. Он постоянно предлагает отремонтировать что-нибудь в ее доме, а еще я знаю, что он посылает ей фрукты, цветы и дичь столь же регулярно, как делали бы мы сами, если бы жили в Эшкомбе.

– Сколько ему лет? – осведомилась леди Камнор, у которой возникли смутные подозрения насчет мотивов, которые двигали этим замечательным человеком.

– Что-то около двадцати семи, как мне представляется. Ага! Понимаю, о чем вы подумали, ваша милость. Нет! Нет! Он слишком молод для этого. Если вы хотите выдать бедную Клэр замуж, то искать надо кого-нибудь постарше, мужчину средних лет, Престон для этого не годится.

– Я – не сводня, как вам прекрасно известно. И никогда не занималась ничем подобным даже ради собственных дочерей. И вряд ли стану делать это для Клэр, – сообщила миледи, небрежно откидываясь на спинку кресла.

– Что ж! Вы запросто можете сделать что-нибудь и похуже. Я начинаю думать, что она никогда не добьется успеха в качестве учительницы, хотя почему так происходит, не представляю. Она ведь необычайно красивая женщина для своего возраста, и то, что она долго жила в нашей семье, а вы так часто держали ее подле себя, должно было пойти ей на пользу. В общем, миледи, что вы скажете насчет Гибсона? Он как раз в том возрасте, что нужно... вдовец... да и живет недалеко от Тауэрз.

– Я только что сказала вам, что не занимаюсь сводничеством, милорд. Полагаю, нам лучше ехать по старой дороге, люди в тамошних гостиницах знают, кто мы такие.

И они заговорили о делах насущных, не имеющих отношения к миссис Киркпатрик и ее перспективам, академическим или матримониальным.

Глава 9. Вдовец и вдова

Миссис Киркпатрик была счастлива принять приглашение леди Камнор. Оно было именно тем, на что она надеялась, но чего не смела ожидать, поскольку полагала, что благородное семейство на некоторое время прочно обосновалось в Лондоне. А для нее Тауэрз оставался самым приятным и роскошным домом, в котором она мечтала провести отпуск. И хотя миссис Киркпатрик была не из тех, кто строит далеко идущие планы или заглядывает вперед, она вполне отдавала себе отчет в том, как поднимется ее авторитет в глазах очень многих достойных людей, если у нее будет возможность заявить, что она останавливалась у «дорогой леди Камнор» в Тауэрз. И она с волнительной радостью стала готовиться к тому, чтобы присоединиться к миледи 17-го числа. Гардероб ее не требовал, впрочем, особых забот, а даже если бы и так, то у бедной леди не нашлось бы на это денег. Она была очень красива и изящна, что позволяло ей выглядеть весьма недурно даже в поношенных платьях. К тому же, скорее следуя своему врожденному вкусу, а не испытывая какие-либо глубокие чувства, Клэр выбирала нежные тона – лиловые и серые, – зная, что при добавлении некоторого количества черного она вполне обеспечит себе пристойный вид во время второго периода траура. Предполагалось, что платье в этом стиле, которое очень ей шло, она носит в память о мистере Киркпатрике, однако на самом деле она предпочитала его потому, что оно имело аристократичный вид и не требовало особых затрат. Ее роскошные волосы имели тот золотистый оттенок, который почти никогда не сменяется сединой, а потому, осознавая их красоту (и отчасти оттого, что стирка капов – удовольствие не из дешевых), она предпочитала ходить с непокрытой головой. Цвет ее лица был того яркого тона, какой часто бывает у рыжеволосых, и единственный урон, который понесла ее кожа, состоял в том, что из матово-нежной она превратилась в блестящую, почти не меняясь с эмоциями, отражавшимися на ее лице. Она больше не краснела, хотя в возрасте восемнадцати лет очень гордилась своим внезапным румянцем. Глаза у нее были мягкими, большими и небесно-голубыми; в них не таилось какого-либо особенного выражения или тени, что, пожалуй, объяснялось льняным цветом ее ресниц. Фигурка ее несколько округлилась и стала полнее, чем в молодости, но движения оставались такими же мягкими и волнообразными, как и прежде. В целом она выглядела намного моложе своего возраста, который уже почти вплотную приблизился к сорока. Голос у нее был очень приятного тембра, а вслух она читала правильно и отчетливо, что очень нравилось леди Камнор. Собственно говоря, по какой-то необъяснимой причине Клэр пользовалась необыкновенным успехом, оставаясь куда большей фавориткой леди Камнор, чем кто-либо другой из членов семьи. Хотя все Камноры до некоторой степени любили ее, полагая, что будет совсем не лишним иметь в доме кого-либо, кому были хорошо известны их вкусы и привычки, кто всегда готов был поддержать разговор, если в том возникала надобность, или же внимательно слушал, причем с подкупающе умным видом, если предметом беседы не являлись серьезная литература, наука, политика или социальная экономика. Что же касается романов и поэзии, путешествий и сплетен, личных впечатлений и анекдотов, то Клэр всегда высказывала именно те замечания, которых ожидали от внимательного слушателя. При этом у нее хватало здравого смысла ограничиваться короткими восклицаниями, выражающими удивление, восхищение и восторг, которые могли означать что угодно, когда речь заходила о малопонятных вещах.

Так что бедную учительницу-неудачницу ожидала весьма приятная перемена – возможность уехать из собственного дома с его поистершейся и убогой мебелью (репутация и мебель достались ей от ее предшественницы два или три года тому), унылым видом из окон и нищенским окружением, как это часто бывает на задворках маленьких провинциальных городков. Она уже предвкушала, как будет восседать, мягко покачиваясь, в роскошном эки-

паже, катящем по Тауэрз-парку, специально отправленном за нею; как выйдет из него, с удовлетворением осознавая, что вышколенные слуги позаботятся о ее баулах, зонтиках от дождя и солнца и накидке и что ей не придется тащить их на себе, как это случилось, когда она направлялась вслед за тележкой со своим багажом к остановке дилижансов в Эшкомбе нынче утром. А затем, ступая по мягким, пышным коврам, лежащим на широких ступенях пологой лестницы, войдет в личную комнату миледи, прохладную и восхитительно свежую даже в столь жаркий день, и вдохнет аромат, исходящий от больших ваз, наполненных розами всех цветов и оттенков. На столе вместе с ежедневными газетами и журналами всегда лежали несколько неразрезанных романов. Вместо стульев здесь были только мягкие кресла, обитые мебельным ситцем или индийским коленкором с рисунком из цветов, растущих в саду.

Когда она наконец приехала в Тауэрз и горничная леди Камнор препроводила гостью в отведенную ей комнату, Клэр подумала, что здесь она гораздо больше чувствует себя дома, чем в своей грязной норе, которую покинула сегодня утром. Она была хорошо знакома с этой комнатой, где утонченные драпировки и гармонично подобранные цвета, тонкое постельное белье и мягкие одежды привычно радовали глаз. Опустившись в кресло подле кровати, она принялась размышлять о собственном будущем примерно в такой вот манере:

«Кто-то может подумать, что украсить зеркало муслином и розовыми лентами очень легко, но как же трудно поддерживать эту красоту! Люди не узнают, насколько это тяжело, пока сами не попробуют, как я. Я сделала свое зеркало таким же красивым, как и тогда, когда в первый раз приехала в Эшкомб. Вот только муслин запачкался, а ленты выцвели, а зарабатывать денег, чтобы обновить их, очень нелегко. А когда вы все-таки получаете деньги, то расстаться с ними сразу у вас не хватает духу. Приходится ломать голову, чтобы решить, на что употребить их с наибольшей пользой. А потом на первое место выходит покупка нового платья, или увеселительная поездка за город, или же какие-нибудь фрукты из теплицы, или изящная безделушка, на которую обратят внимание и заметят в вашей гостиной, – и все, прощайте красиво оформленные зеркала. А здесь получается, что деньги подобны воздуху, каким они дышат. Никто не спрашивает и попросту не знает, сколько стоит стирка или какова цена ярда розовой ленты. Ах! Все было бы совсем по-другому, если бы им пришлось зарабатывать каждый пенни, как мне! И тогда им пришлось бы рассчитывать, как извлечь из них максимальное удовольствие. Неужели мне придется всю жизнь вкалывать в поте лица, чтобы получить их? Но ведь это ненормально. Замужество – самая обычная и естественная вещь, и тогда уже мужу придется заниматься всей той грязной работой, а жена будет сидеть в гостиной, как и подобает леди. Так было и со мной, пока бедный Киркпатрик был еще жив. О-хо-хо! Как тяжело быть вдовой».

А ведь нельзя было не обратить внимание на разницу между теми ужинами, что ей приходилось вкушать в Эшкомбе со своими учениками (кусок говядины, баранья нога, огромные блюда картофеля и большого пудинга), и крошечными порциями деликатесов, подаваемых на старинном китайском фарфоре, которыми каждый день наслаждались в Тауэрз графиня, граф и она сама. Окончания каникул она страшилась ничуть не меньше, чем самый домашний из ее учеников. Но пока что подобная перспектива отстояла от нее еще на несколько недель, и посему Клэр перестала терзаться мыслями о собственном будущем и попыталась получить максимум удовольствия от настоящего. Небольшой помехой ровному и спокойному течению летних деньков стало недомогание леди Камнор. Ее супруг укатил обратно в Лондон, и они с миссис Киркпатрик наслаждались размеренным укладом, что как нельзя более устраивало миледи. Несмотря на свою апатию и усталость, она все-таки нашла в себе силы с достоинством принять в Тауэрз школьных попечительниц, отдавая недвусмысленные распоряжения о том, что необходимо сделать, какие прогулки организовать, какие теплицы посмотреть и когда все собравшиеся должны вернуться к легкому ужину. Сама она, правда, предпочла остаться дома в обществе двух или трех дам, которые сочли, что не выне-

сут дневной жары, и отказались отправляться на экскурсию под предводительством миссис Киркпатрик, и тех немногих счастливиц, коим лорд Камнор растолковывал назначение новых построек на скотном дворе. «С невероятной снисходительностью», как выражались впоследствии ее слушательницы, леди Камнор рассказала им, как устроены ее замужние дочери и дети, об образовании, которое они намерены им дать, и о том, как они проводят свои дни. Но подобная нагрузка изрядно утомила ее, и после того, как гости разъехались, она наверняка отправилась бы прилечь и отдохнуть, если бы ее супруг по доброте душевной не сделал одно неловкое замечание. Подойдя к жене, он положил ей руку на плечо и заботливо произнес:

– Боюсь, вы ужасно устали, миледи.

Собрав остатки сил, она выпрямилась во весь рост и холодно заявила:

– Когда я устану, лорд Камнор, то в первую очередь сообщу об этом вам. – И невероятная усталость, которую испытывала леди Камнор, была заметна лишь потому, что она сидела выпрямившись, словно проглотила аршин, и отклоняла все предложения пересест в мягкое кресло и подставить под ноги скамейку, а позже с видом оскорбленного достоинства отвергла предложение пораньше лечь спать. И все то время, что лорд Камнор оставался в Тауэрз, она вела себя в подобной манере. Миссис Киркпатрик оказалась обманута этой видимостью благополучия и уверяла милорда, что никогда еще не видела миледи такой бодрой, оживленной и веселой. Но у графа, несмотря на бестолковую голову, было любящее и нежное сердце, и хотя он не мог привести никаких доказательств, что его супруга нездорова, в глубине души он был уверен в этом. Тем не менее лорд Камнор слишком боялся гнева супруги, чтобы послать за мистером Гибсоном без ее ведома. Последнее, что он сказал, обращаясь к Клэр, были слова:

– Какое это утешение – сознавать, что я оставляю миледи на вас. Вот только не позволяйте ей ввести вас в заблуждение. Своим поведением она не покажет, что больна, до самого последнего момента, когда терпеть далее будет уже невозможно. Посоветуйтесь с Брэдли (личная служанка леди Камнор ненавидела новомодное словечко «камеристка»), и на вашем месте я бы послал за Гибсоном и попросил его заехать. Предлог можете придумать какой угодно. – Но тут ему в голову вновь пришла мысль, которая уже посещала его в Лондоне насчет брака между этими двумя людьми, и он не удержался, чтобы не добавить: – Пригласите его нанести вам визит, он очень славный и обходительный человек. Лорд Холлингфорд уверяет, что другого такого не сыскать в округе. И пока вы будете беседовать, он заодно может осмотреть миледи, а потом сказать вам, больна она или нет. Да, и немедленно отпишите мне о том, что он скажет вам о состоянии ее здоровья.

Но Клэр была такой же трусихой, как и лорд Камнор, в том, чтобы совершить для леди Камнор что-либо такое, о чем ей не было сказано недвусмысленно. Она понимала, что может впасть в немилость, если пошлет за мистером Гибсоном без разрешения, и что после этого ей больше никогда не представится возможность отдохнуть в Тауэрз, монотонность жизни которого, несмотря на всю его роскошь, могла прискучить кому угодно, но только не ей. И тогда она попыталась переложить на Брэдли ту обязанность, которую, в свою очередь, возложил на нее лорд Камнор.

– Миссис Брэдли, – осведомилась она однажды, – вас не пугает здоровье миледи? Лорд Камнор даже полагал, что она выглядит усталой и больной.

– И впрямь, миссис Киркпатрик, я тоже думаю, что миледи сама не своя. Не понимаю, почему я так решила, но если вы спросите меня об этом, то я отвечу, что не знаю.

– Как вы полагаете, вы могли бы съездить в Холлингфорд, повидаться там с мистером Гибсоном и попросить его заехать к нам как-нибудь на днях и осмотреть леди Камнор?

– Думаю, что после такой выходки мне придется распрощаться со своим местом, миссис Киркпатрик. До самого своего смертного часа, если только Провидение сохранит леди

Камнор рассудок, она все будет делать по-своему или вообще ничего не делать. Переубедить ее способна лишь леди Гарриет, да и то не всегда.

— Что ж, в таком случае нам остается надеяться, что с нею не случилось ничего серьезного. И я надеюсь, что это действительно так. Во всяком случае, так уверяет она сама, а уж ей-то виднее.

Но уже через день или два после этой беседы леди Камнор поразила миссис Киркпатрик до глубины души, внезапно обратившись к ней с просьбой:

— Клэр, я хотела бы, чтобы вы написали записку мистеру Гибсону и сообщили ему, что я желаю его видеть сегодня после полудня. Я рассчитывала, что он сам заглянет к нам до этого времени. Ему следовало бы сделать это, дабы засвидетельствовать нам свое почтение.

Между тем мистер Гибсон был слишком занят, чтобы тратить время на пустой церемониальный визит, хотя и понимал, что пренебрегает тем, чего от него ожидали. Но в местности, которая находилась под его опекой, разразилась опасная лихорадка, и это занимало все его мысли и время. Он часто благодарил судьбу за то, что Молли пребывает в благословенной тишине и покое поместья Хэмли.

Его домашние неприятности отнюдь не исчезли сами собой, а теперь еще он на время вынужден был оставить их без внимания. Последней каплей стал незапланированный визит лорда Холлингфорда, которого он встретил однажды утром в городке. Им многое нужно было сказать друг другу относительно нового научного открытия, со всеми подробностями которого лорд Холлингфорд был хорошо знаком, в то время как мистер Гибсон оставался в полном неведении, что пробудило в нем жгучий интерес. В конце концов лорд Холлингфорд вдруг заявил без обиняков:

— Гибсон, быть может, вы угостите меня обедом? Я позавтракал в семь часов утра и со всей этой беготней ужасно проголодался.

Мистер Гибсон был чрезвычайно рад оказать теплый прием такому человеку, как лорд Холлингфорд, которого он любил и уважал, а потому безо всяких возражений привел его к себе домой, чтобы угостить ранним обедом. К несчастью, кухарка, продолжая дуться на него за увольнение Бетии, позволила себе непунктуальность и небрежность. Преемница Бетии еще не была найдена, чтобы прислуживать им за столом. И хотя мистер Гибсон прекрасно понимал, что голодный лорд будет рад даже хлебу с сыром, холодной говядине и любому самому простому угощению, он не смог получить их ни к ленчу, ни к семейному обеду, ни вообще к какому-либо часу приема пищи, несмотря на все свои звонки и гнев, который он не осмелился выказать, дабы не смущать лорда Холлингфорда. Наконец обед был подан, но бедный хозяин увидел, что стол накрыт недостаточно аккуратно и чисто — жирные тарелки, мутные бокалы и скатерть, которая если и не выглядела откровенно грязной, то и назвать ее свежей язык бы не повернулся, поскольку она оказалась заляпанной и измятой. Мистера Гибсона это покорило, ибо он мысленно сравнил этот стол с той изысканностью, с какой в доме его гостя подавали на фарфоре даже ломоть черного хлеба. Он не стал приносить извинения сразу же, но после обеда, уже на прощание, сказал:

— Сами видите, что такой человек, как я... вдовец, да еще и с дочерью, которая не всегда может быть дома, не имеет устоявшегося и надежно налаженного хозяйства, что позволило бы мне с пользой распоряжаться теми редкими минутами, какие я в нем провожу.

Он и словом не обмолвился о невкусной еде, которой угостились оба, хотя мысль об этом не давала ему покоя. О том же самом, очевидно, думал и лорд Холлингфорд, когда ответил:

— Вы совершенно правы. Но ведь такой человек, как вы, не должен забивать себе голову еще и домашними делами. Кто-то должен заниматься этим вместо вас. Сколько лет исполнилось мисс Гибсон?

— Семнадцать. Очень нелегкий возраст для девушки, выросшей без матери.

– Да, очень. У меня самого только мальчишки, но с девушкой вам приходится куда труднее. Прошу прощения, Гибсон, но мы с вами разговариваем как друзья. Вы никогда не думали о том, чтобы жениться вновь? Разумеется, это будет совсем не то, что первый брак, но если вы найдете приятную здравомыслящую женщину лет тридцати или около того, я действительно думаю, что вы поступите очень разумно, поручив ей ведение своего домашнего хозяйства, что позволит вам избежать дискомфорта или же простого беспокойства. Более того, она сможет ненавязчиво присматривать за вашей дочерью, помогая ей в щепетильных женских вопросах, в чем, по моему мнению, нуждаются все девушки в этом возрасте. Это деликатное дело, и вы должны извинить меня за то, что я заговорил с вами столь откровенно.

Мистер Гибсон не раз мысленно возвращался к этой теме, вспоминая совет от лорда Холлингфорда, но это был тот самый случай, когда на ум приходила поговорка: «Не стоит делить шкуру неубитого медведя». Где, скажите на милость, было взять «приятную, здравомыслящую женщину лет тридцати или около того»? Во всяком случае, на эту роль совершенно не годились ни мисс Браунинг, ни мисс Феба, ни мисс Гуденоу. Среди его сельских пациентов были представлены два отчетливо обозначенных класса: фермеры, чьи дети были необразованными и неутонченными; и сквайры, дочери которых вполне могли подумать, что весь мир катится в тартарары, если им предстоит выйти замуж за деревенского хирурга.

Но уже в тот самый день, когда мистер Гибсон нанес визит леди Камнор, он начал подумывать о том, что миссис Киркпатрик и есть его «медведь». Он уехал прочь, отпустив поводья, и думал больше о том, что ему известно о ней, а не о своих рецептах, какие должен был выписать, или о том, куда, собственно, держит путь. Он помнил ее как очень симпатичную мисс Клэр, гувернантку, заболевшую скарлатиной. Это случилось еще в те времена, когда была жива его жена, то есть очень давно, и он, подсчитывая, когда именно увидел ее впервые, не мог понять, как миссис Киркпатрик удастся так молодо выглядеть. Затем он слышал, что она вышла замуж за младшего приходского священника, а буквально на следующий же день (по крайней мере так ему показалось, потому что продолжительности этого периода он не помнил) ему стало известно о его смерти. Мистер Гибсон знал, что, по слухам, с тех пор она подвизалась гувернанткой в различных семьях, но при этом оставалась любимцей семейства из Тауэрз, к которым, вне зависимости от их титулов, он испытывал глубочайшее уважение. Примерно год или два тому он также слышал, что она взялась опекать школу в Эшкомбе, небольшом городке неподалеку от еще одного поместья лорда Камнора, в том же самом графстве. Имение в Эшкомбе было больше, нежели то, что располагалось под Холлингфордом, но старый Манор-хаус и вполтину не был так хорош для проживания, как особняк в Тауэрз. Посему его передали мистеру Престону, земельному агенту участка в Эшкомбе, точно так же, как мистер Шиппенкс был поверенным милорда в Холлингфорде. В Манор-хаусе держали несколько комнат на случай непредвиденного визита кого-либо из членов семьи, но в остальном мистер Престон, привлекательный молодой человек, распоряжался им по своему усмотрению. Мистеру Гибсону было известно и о том, что у миссис Киркпатрик имеется один ребенок, дочь, примерно одного возраста с Молли. Разумеется, имущества у нее не было, а если и было, то совсем крошечное. Но зато сам он жил очень бережливо и имел надежные вложения на несколько тысяч фунтов; кроме того, его профессиональный доход был хорош и каждый год только увеличивался, а не уменьшался. Дойдя до этого момента в своих размышлениях, мистер Гибсон вдруг обнаружил, что уже подъехал к дому своего следующего пациента, и на время отбросил все мысли о матримониальных планах и миссис Киркпатрик. Днем он еще раз вспомнил с несомненным удовольствием те маленькие подробности, которые Молли рассказала ему о своем невольном заточении в Тауэрз пять или шесть лет тому, и тогда он еще подумал, что миссис Киркпатрик повела себя очень ласково и любезно с его маленькой девочкой. Итак, на этом вопрос завис в неопределенности, по крайней мере для него.

Леди Камнор действительно приболела, но не настолько серьезно, как полагала все эти дни сама, когда люди, ее окружавшие, не осмеливались послать за доктором. С большим облегчением она предоставила мистеру Гибсону право решать за нее, что она должна делать, что ей можно есть и пить, а чего избегать. Подобные решения *ab extra*²⁸ иногда приносят неизмеримое облегчение тем, кто имел привычку решать все вопросы самостоятельно, причем не только те, которые касаются их самих. Порой ослабление напряжения, которое несет с собой характер, претендующий на непогрешимость, способно творить поистине чудеса, возвращая таким людям здоровье. Миссис Киркпатрик в глубине души признавалась себе, что никогда еще ей не было так легко с леди Камнор, как после визита доктора. Они вдвоем с Брэдли возносили дифирамбы мистеру Гибсону, «который всегда так замечательно управляется с миледи».

Отчеты регулярно отправлялись милорду, но ему и дочерям было строго-настрого запрещено даже думать о приезде. Леди Камнор желала побыть слабой и беспомощной, выказывая неуверенность ума и тела, и не хотела, чтобы семья видела ее в такие минуты. Это состояние оказалось настолько непохожим на все предыдущие, что она подсознательно боялась уронить свой престиж, если ее увидят в таком положении. Иногда она сама писала ежедневные бюллетени, иногда поручала делать это Клэр, однако письма неизменно прочитывала сама. Послания, приходившие ей от дочерей, она тоже читала сама, время от времени передавая какую-либо часть их содержимого «нашей славной Клэр». Зато письма милорда мог читать кто угодно. Из его путаных выражений привязанности едва ли кто-нибудь мог узнать какие-либо семейные тайны. Но как-то раз миссис Киркпатрик наткнулась на одно предложение в письме милорда Камнора, которое она читала вслух его супруге. Слова эти бросились ей в глаза прежде, чем она дошла до самого предложения, и если бы она могла пропустить его, чтобы потом поразмыслить над ним на досуге, то непременно так и сделала бы. Впрочем, миледи была слишком умна, чтобы попасться на столь детскую уловку. По ее мнению, Клэр была «хорошим созданием, пусть и не слишком умным», но правда заключалась в том, что она не всегда могла быстро применить свои возможности, хотя пользовалась ими практически беспринципно.

– Читайте далее. Почему вы остановились? Там ведь нет никаких дурных вестей об Агнессе? Дайте мне письмо.

И леди Камнор стала негромко читать вслух:

– «Как идут дела у Клэр и Гибсона? Вы с презрением отнеслись к моему предложению помочь им соединиться, но я действительно полагаю, что толика сводничества развлечет вас теперь, когда вы оказались заперты в доме. И я по-прежнему уверен, что оба будут счастливы в браке».

– Вот оно что! – воскликнула, смеясь, леди Камнор. – Тебе действительно было неудобно читать эти строки, Клэр. И я не удивляюсь тому, что ты остановилась. Но все-таки ты меня ужасно напугала.

– Лорд Камнор любит шутить, – отозвалась миссис Киркпатрик, придя в некоторое смятение, потому что распознала правду в его последних словах о том, «что оба будут счастливы в браке». Ей вдруг стало интересно, что думает об этом леди Камнор. Лорд Камнор же писал так, словно у нее и впрямь был такой шанс. Мысль эта не была ей неприятна; на губах женщины заиграла слабая улыбка, пока она сидела подле леди Камнор, которая забылась легким сном.

²⁸ *Ab extra* – извне, снаружи (лат.).

Глава 10. Кризис

Миссис Киркпатрик читала вслух до тех пор, пока леди Камнор не уснула, а потом просто положила книгу на колени, придерживая ее одной рукой, чтобы та не упала на пол. Она смотрела в окно, не видя ни деревьев в парке, ни смутных очертаний гор вдали, и думала лишь о том, как славно было бы вновь обзавестись мужем, кем-нибудь, кто работал бы, пока она будет сидеть в красиво обставленной гостиной. А еще она быстро рисовала себе этого воображаемого поильца и кормильца, придавая ему черты деревенского врача, как вдруг раздался стук в дверь и, прежде чем она успела встать, в комнату вошел объект ее вожделения. Она почувствовала, что краснеет, и подобная реакция отнюдь не показалась ей неприятной. Миссис Киркпатрик шагнула ему навстречу и одновременно повела рукой в сторону спящей ее милости.

— Очень хорошо, — сказал он, окидывая фигуру леди Камнор профессиональным взглядом. — Я могу поговорить с вами минуту или две в библиотеке?

«Неужели он готов сделать мне предложение?» — подумала Клэр, вдруг ощутив, как учащенно забилось у нее в груди сердце, и почувствовав уверенность в том, что хочет выйти замуж за человека, которого всего лишь час тому рассматривала как одного из целой когорты неженатых мужчин и насчет которого можно было строить матримониальные планы.

Но он собирался задать всего лишь один или два медицинских вопроса; она убедилась в этом очень быстро, сочтя разговор скучным и неинтересным, хотя для него он был полезным и наглядным. Клэр не знала, что он окончательно решился сделать предложение за то время, пока она отвечала на вопросы, возможно, с излишними подробностями, но он привык отделять зерна от плевел. Голос ее был настолько мягок, а акцент настолько приятен, что поразил его как исключительно красивый после грубого деревенского говора, который он слышал постоянно. А потом и гармоничные цвета ее платья, и медленные, грациозные движения произвели такой же успокаивающий эффект, какое кошачье мурлыканье производит на некоторых людей. Он начал думать, что ему повезет, если он сумеет завоевать ее уже и ради себя. Еще вчера он смотрел на нее скорее как на приемную мать для Молли; сегодня же он думал о ней как о жене для себя.

Воспоминание о письме лорда Камнора придавало ей прелестную застенчивость; она хотела увлечь его и надеялась, что у нее это получается. Тем не менее некоторое время они говорили исключительно о здоровье графини, а потом вдруг хлынул летний дождь. Мистеру Гибсону не было до него никакого дела, но это был удачный предлог задержаться еще немного.

— Какая ненастная погода, — сказал он.

— Да, очень. Моя дочь написала мне, что на протяжении двух последних дней минувшей недели пакетбот так и не смог выйти в море из Булони.

— Мисс Киркпатрик сейчас находится в Булони, не правда ли?

— Да, бедная девочка... Она учится там в школе, стараясь довести до совершенства свой французский. Но, мистер Гибсон, вы не должны называть ее «мисс Киркпатрик». Синтия вспоминает вас с большой... теплотой, да, так будет правильно. Она была вашей маленькой пациенткой, когда четыре года тому заболела здесь краснухой, если помните. Прошу вас, называйте ее Синтией. Она обидится до глубины души, если вы станете называть ее мисс Киркпатрик.

— Мне кажется, Синтия — настолько необычное имя, что годится только для поэзии, а не для ежедневного пользования.

– Это моя вина, – с грустным упреком произнесла миссис Киркпатрик. – При крещении меня нарекли Гиацинтой, а ее бедный отец очень хотел назвать девочку в мою честь. Мне очень жаль, что оно вам не нравится.

Мистер Гибсон не знал, что и сказать. Он оказался не готов с головой окунуться в разговор, переходящий на личности. А пока он колебался, она продолжала:

– Гиацинта Клэр! Одно время я гордилась своим красивым именем, да и другие тоже полагали его весьма благозвучным.

– Я несколько не сомневаюсь... – начал мистер Гибсон и умолк.

– Быть может, я поступила дурно, пойдя навстречу его желанию и согласившись назвать девочку столь красивым именем. Но в некоторых людях оно способно пробудить предрассудки, направленные, увы, против нее. Бедное дитя! Ей и так предстоит достаточно борьбы. Молодая дочь – большая обуза, мистер Гибсон, особенно когда ее воспитывает только один родитель.

– Вы совершенно правы, – сказал он, вспоминая, в свою очередь, о Молли. – Хотя я бы сказал, что девочка, которой посчастливилось иметь мать, не так остро ощущает потерю отца, как та, у которой матери нет и которая страдает от этой утраты.

– Вы думаете о своей собственной дочери. С моей стороны было дурно так говорить. Дорогое дитя! Я хорошо помню ее прелестное личико, когда она заснула на моей кровати. Пожалуй, она уже совсем взрослая сейчас. И почти ровесница Синтии. Как бы мне хотелось увидеться с нею!

– Надеюсь, это ваше желание исполнится. Я бы хотел, чтобы вы увиделись с нею. Я бы хотел, чтобы вы полюбили мою бедную маленькую Молли... полюбили как собственную... – Он проглотил комок в горле, от которого у него перехватило дыхание.

«Он что же, делает мне предложение? Нет, правда?» – спросила она себя и задрожала в тайном предвкушении того, что должно было сейчас последовать.

– Вы сможете полюбить ее как собственную дочь? Вы постараетесь? Вы дадите мне право представить вас ей как будущую мать, как мою жену?

Ну вот, он сделал это! Умный это был поступок или глупый, но он сделал этот шаг. Мистер Гибсон помнил, что вопрос о мудрости этого поступка возник в тот самый миг, когда слова уже слетели с его губ, так что вернуть их назад было уже невозможно.

Клэр закрыла лицо ладонями.

– Ох, мистер Гибсон, – пролепетала она, после чего, к некоторому его удивлению – и в куда большей степени к своему собственному, – разрыдалась. Какое невероятное облегчение – осознавать, что отныне ей уже не нужно зарабатывать себе на жизнь.

– Моя дорогая... моя милая, – пробормотал мистер Гибсон, пытаясь успокоить ее словами и лаской, но не зная в эту минуту, каким именем ее назвать. После того как рыдания ее немного поутихли, она пришла ему на помощь сама, словно понимая, в каком затруднительном положении он оказался:

– Зовите меня Гиацинтой – вашей собственной Гиацинтой. Мне невыносимо имя «Клэр», оно напоминает мне о том времени, когда я была гувернанткой, но теперь эти дни остались в прошлом.

– Да... но, по крайней мере, никто сильнее этой семьи не мог ценить вас и любить.

– О да! Они были очень добры. Но ведь кое-кому приходится неизменно помнить об этом и знать свое место.

– Мы должны рассказать обо всем леди Камнор, – сказал он, думая, пожалуй, в первую очередь о тех обязанностях, которые взвалил на себя в качестве последствий этого шага, чем о том, что говорит его невеста.

– Вы сами скажете ей об этом, хорошо? – взмолилась она, глядя на него жалобным взором. – Я предпочитаю, чтобы другие сообщали ей новости, тогда я могу видеть, как она их воспринимает.

– Разумеется! Я сделаю все, что вы хотите. Быть может, нам стоит пройти к ней и посмотреть, не проснулась ли она уже.

– Нет! Думаю, не стоит спешить. Будет лучше, если я подготовлю ее. Вы ведь приедете завтра, правда? Тогда и скажете ей.

– Да, пожалуй, так будет лучше. Сначала я должен обо всем рассказать Молли. Она имеет право знать. И я очень надеюсь, что вы полюбите друг друга.

– О да! Я в этом не сомневаюсь. Значит, вы приедете завтра и расскажете о нас леди Камнор? А я подготовлю ее.

– Я, собственно, не совсем понимаю, какая подготовка здесь требуется. Но вам виднее, дорогая. Когда мы сможем устроить вашу встречу с Молли?

В эту самую минуту в комнату вошел слуга, и они отпрянули друг от друга, словно застигнутые врасплох.

– Ее милость уже проснулась и желает видеть мистера Гибсона.

Они вдвоем двинулись за слугой наверх. Миссис Киркпатрик изо всех сил старалась сделать вид, будто ничего не случилось, потому что по-прежнему рассчитывала «подготовить» леди Камнор, то есть, проще говоря, изложить ей версию ужасного нетерпения мистера Гибсона и своего собственного застенчивого нежелания спешить.

Но леди Камнор обладала зорким взглядом как в добром здравии, так и в болезни. Она заснула с отчетливым воспоминанием о пассаже в письме своего супруга, и, пожалуй, это придало нужное направление ее проницательности.

– Я рада, что вы еще не уехали, мистер Гибсон. Я хотела сказать вам... Да что это с вами обоими? Чего вы наговорили Клэр? Я уверена, что между вами что-то произошло.

По мнению мистера Гибсона, им ничего не оставалось, как признаться во всем ее милости. Обернувшись, он взял миссис Киркпатрик за руку и без обиняков заявил:

– Я просил миссис Киркпатрик стать моей женой и матерью моему ребенку, и она ответила мне согласием. У меня просто нет слов, чтобы выразить ей свою благодарность.

– Вот оно что! Что же, у меня нет возражений. Смею надеяться, вы будете счастливы. Я очень рада! А ну-ка, вы оба, идите сюда и пожмите мне руку. – И, негромко рассмеявшись, она добавила: – Мне почему-то кажется, что никаких особых усилий с моей стороны не потребовалось.

Слова эти явно привели мистера Гибсона в замешательство. Миссис Киркпатрик покраснела.

– Так она ничего вам не говорила? В таком случае это сделаю я. Шутка слишком хороша, чтобы о ней никто не узнал, особенно теперь, когда все закончилось благополучно. Когда сегодня утром пришло письмо от лорда Камнора – подчеркиваю, сегодня утром, – я отдала его Клэр, чтобы она прочла мне его вслух. И вдруг, читая, она остановилась там, где никакой остановки не предвиделось. Я решила, что в том месте речь идет об Агнессе, и потому взяла письмо и прочла... Пойдите! Я сейчас прочту это предложение вам. Где же это письмо, Клэр? О, не беспокойтесь, вот оно. «Как идут дела у Клэр и Гибсона? Вы с презрением отнеслись к моему предложению помочь им соединиться, но я действительно полагаю, что толика сватовства развлечет вас теперь, когда вы оказались заперты в доме. И я по-прежнему уверен, что оба будут счастливы в браке...». Видите, вы заручились полным одобрением милорда. Но я должна написать ему и рассказать о том, что вы прекрасно справились со своими делами и без моего вмешательства. А теперь нам с вами нужно немножко поговорить на медицинские темы, мистер Гибсон, после чего вы с Клэр закончите свой *tête-à-tête*.

После прочтения пассажа из письма лорда Камнора оба они отнюдь не горели желанием продолжить прерванный разговор. Мистер Гибсон пытался выбросить мысли об этом из головы, поскольку осознавал, что в противном случае он может выдумать невесту что, в том числе и насчет беседы, которая закончилась его предложением руки и сердца. Но леди Камнор проявила властность и здесь, как привыкла поступать всегда.

– Ступайте, ступайте. Я всегда заставляю своих девочек поговорить *tête-à-tête* с мужчинами, которые должны стать их мужьями, хотя бы они того или нет: имеется великое множество вещей, которые нужно обговорить перед любым браком, а вы двое достаточно взрослые, чтобы обойтись без ненужной аффектации. А теперь отправляйтесь.

Итак, им ничего не оставалось, кроме как вернуться обратно в библиотеку. Миссис Киркпатрик обиженно надула губки, зато мистер Гибсон чувствовал себя в своей привычной, холодно-саркастической манере, причем куда сильнее, чем когда был в этой комнате в последний раз.

Она начала первой, давясь слезами:

– Не представляю себе, что сказал бы бедный Киркпатрик, если бы узнал о том, что я наделала. Бедняга, сама идея второго брака была ему отвратительна.

– В таком случае будем надеяться, что он ничего и не узнает, а если все-таки узнал, то стал умнее – я имею в виду, что теперь он видит, как в некоторых случаях второй брак может быть самым желанным и целесообразным событием.

В общем и целом, следует признать, что этот второй *tête-à-tête*, совершенный по приказу, оказался не столь удовлетворительным, как первый. К тому же мистер Гибсон помнил о необходимости продолжить обход и осмотреть своих пациентов, чтобы не опоздать совсем уж неприличным образом.

«Пройдет совсем немного времени, и мы освоимся и притремся друг к другу, в чем я не сомневаюсь, – сказал он себе, отъезжая прочь. – Едва ли можно ожидать, что наши мысли сразу же двинутся в одном и том же направлении. Да мне бы это и не понравилось, – добавил он. – Должно быть, это ужасно скучно и косно – слышать от своей жены лишь эхо собственных мыслей. Ладно! Я должен рассказать обо всем Молли. Моя дорогая маленькая женщина, хотел бы я знать, как она примет эти новости! Но ведь в значительной степени я поступаю так ради ее же блага». И он принялся самозабвенно перечислять добродетели миссис Киркпатрик и все те преимущества, которые должна была обрести его дочь после шага, только что совершенного им.

В тот день было уже слишком поздно заезжать в Хэмли. Тауэрз и его окрестности располагались в противоположной стороне от Хэмли. Так что в поместье мистер Гибсон прибыл только на следующее утро, подгадав время своего визита таким образом, чтобы он мог поговорить полчаса наедине с Молли, прежде чем миссис Хэмли сойдет в гостиную. Мистер Гибсон полагал, что дочери потребуется участие и сочувствие после того, как она узнает новости, которые он желал ей сообщить. А еще он знал, что никто не сможет дать оные лучше миссис Хэмли.

Утро выдалось жарким и ясным; мужчины, закатав рукава рубашек, косили первый урожай овса. Проезжая мимо, мистер Гибсон видел их через высокие живые изгороди и слышал ровный успокаивающий шорох падения длинных валков травы и звуки косы. Похоже, работникам было слишком жарко, чтобы переговариваться. Собака, охраняющая их пиджаки и жестянки, лежала, высунув язык и шумно дыша, по другую сторону вяза, подле которого и остановился на мгновение мистер Гибсон, дабы полюбоваться представшей его глазам сценой и еще немного потянуть время перед разговором, который он желал бы видеть уже законченным. Но уже через минуту он отругал себя за такую слабость и дал шенкелей своей лошади. К особняку он подъехал легкой быстрой рысью. Он прибыл раньше обыкновенного, и потому его никто не ждал, все конюхи ушли в поле, но это не обеспокоило мистера Гиб-

сона. Он несколько минут поводил свою лошадь по двору, прежде чем завести ее в стойло. Затем он ослабил подпругу и осмотрел ее с ненужной, пожалуй, тщательностью.

В особняк он вошел через вход для слуг и направился в гостиную, ожидая, впрочем, застать Молли в саду. Там она и была, но на солнце стало уже слишком жарко, чтобы оставаться снаружи, и девушка вошла обратно в гостиную. Угнетенная жарой, она задремала в мягком кресле перед распахнутым окном; ее шляпка и раскрытая книга покоились на колене, а одна рука безжизненно свисала вниз. Она выглядела очень юной, очень нежной и как-то по-детски беззащитной, и сердце отца захлестнула жаркая волна любви, пока он смотрел на нее.

– Молли! – негромко проговорил мистер Гибсон, коснувшись тоненькой загорелой ручки, свисавшей вниз, и взяв ее в свои ладони. – Молли!

Она открыла глаза, и целое мгновение в них не было узнавания. Но потом они заискрились радостью и она вскочила на ноги, обхватила его руками за шею и воскликнула:

– Ой, папа, мой дорогой, мой любимый папочка! Что заставило тебя приехать, пока я спала? Мне так нравится высматривать тебя.

Мистер Гибсон чуточку побледнел. По-прежнему держа дочь за руку, он увлек ее к софе и усадил рядом с собой, не говоря ни слова. Но в том и не было необходимости, она болтала за обоих.

– Я отчего-то встала очень рано. Как славно гулять на свежем утреннем воздухе! Думаю, что именно от этого меня и потянуло в сон. Но денек-то выдался жаркий, правда? Хотелось бы мне знать, неужели итальянские небеса, о которых столько говорят, голубее здешних. Видишь кусочек неба между дубов, вон там?

Отняв у него свою ладошку, она обеими руками повернула голову отца в ту сторону, чтобы он увидел то, о чем она говорила. Но вот наконец Молли заметила и его необычное молчание.

– У тебя появились новости от мисс Эйре, папа? Как они поживают? И что там с лихорадкой, из-за которой все и началось? Знаешь, папа, мне кажется, ты выглядишь не очень хорошо. Я нужна тебе дома, чтобы позаботиться о тебе. Когда я уже смогу вернуться?

– Разве я плохо выгляжу? Это все твои фантазии, гусенок. Напротив, я чувствую себя необычайно хорошо и выглядеть должен соответственно, потому что... Словом, у меня есть для тебя новости, маленькая женщина. (Он понял, что ведет дело крайне неловко, но решил продолжать, несмотря ни на что.) – Угадай, о чем идет речь?

– Разве я могу? – вопросом на вопрос ответила Молли, но тон ее голоса изменился, и ей явно стало не по себе, как если бы она интуитивно почувствовала неладное.

– Видишь ли, любовь моя, – сказал он, снова беря ее руку в свои, – ты находишься в очень неудобном положении... Девушка, растущая в такой семье, как моя... А тут еще молодые люди... что было непростительной глупостью с моей стороны. Да и я часто отсутствую.

– Но ведь есть же мисс Эйре, – возразила Молли, и дурные предчувствия охватили ее с новой силой. – Дорогая мисс Эйре, мне нужны только она и ты.

– Тем не менее случаются времена, когда мисс Эйре не может быть с тобой, ее дом не с нами, у нее есть другие обязательства. Вот уже некоторое время я пребываю в весьма затруднительном положении... Но теперь наконец я отважился на шаг, который, надеюсь, сделает нас обоих счастливее.

– Ты собрался жениться во второй раз, – прошелестела она сухим и безжизненным голосом, приходя отцу на помощь, и мягко отняла у него руку.

– Да. На миссис Киркпатрик... Ты помнишь ее? В Тауэрз они зовут ее Клэр. Помнишь, как добра она была к тебе в тот день, когда тебя забыли в поместье?

Молли не ответила. Она не могла найти слов. Она боялась сказать что-либо, чтобы гнев, обида, негодование – какими бы ни были те чувства, что сейчас вскипали у нее в груди, –

не вырвались наружу слезами и криком или, что еще хуже, злыми словами, которые нельзя будет забыть. Ей казалось, будто кусок суши, на котором она стояла, оторвался от берега и теперь ее совершенно одну несло в открытое море.

Мистер Гибсон понял, что молчание дочери никак нельзя назвать естественным, и почти угадал его причину. Но он знал, что ей нужно время, чтобы смириться с идеей его второго брака, и по-прежнему верил в то, что поступает так ради ее счастья. Кроме того, он испытал облегчение, когда его тайна выплыла наружу, и чувствовал себя лучше, оттого что открыл ее, ибо втайне страшился этого момента на протяжении последних двадцати четырех часов. Он вновь принялся перечислять все преимущества женитьбы, которые сейчас уже выучил наизусть.

– Она пребывает в очень подходящем для меня возрасте. Правда, я не знаю, сколько именно ей лет, но подозреваю, что около сорока. Я бы не хотел жениться на ком-нибудь моложе. Лорд и леди Камнор, равно как и члены их семьи, относятся к ней с высочайшим уважением, что само по себе уже весьма знаменательно. У нее очень приятные и изысканные манеры, и это вполне естественно, учитывая, в каких кругах она вращается. А мы с тобой, гусенок, бываем грубоваты и бесцеремонны, так что теперь нам придется следить за собой.

Молли никак не отреагировала на его шутливое замечание. А мистер Гибсон продолжал:

– Она привыкла вести домашнее хозяйство, к тому же весьма экономно, поскольку в последние годы возглавляла школу в Эшкомбе, так что ей, вполне естественно, приходилось улаживать все проблемы большой семьи. И последнее, по крайней мере, по порядку, но отнюдь не по значимости – у нее есть дочь, девушка твоих лет, Молли, которая, разумеется, переедет к нам жить и станет тебе надежной спутницей, даже сестрой.

Но Молли по-прежнему молчала. Наконец она сказала:

– Значит, ты отправил меня из дому только для того, чтобы потихоньку устроить все это в мое отсутствие?

Сердце ее переполняла горечь, которая и вылилась в эти слова, но произведенный ими эффект вывел ее из состояния кажущегося безразличия. Ее отец резко поднялся и быстро вышел из комнаты, что-то пробормотав себе под нос; что именно, она не расслышала, хотя и бросилась за ним следом по темным каменным коридорам, на яркий свет конного двора, в конюшню...

– Ох, папа, папочка... я сама не своя... я не знаю, что сказать об этой ненавистной и презренной...

Он вывел лошадь наружу. Она не знала, слышал ли он ее слова. И, только поднявшись в седло, он обернулся к ней и мрачно произнес:

– Думаю, для нас обоих будет лучше, если я сейчас уеду. Мы можем наговорить друг другу такого, что потом будет трудно забыть. Мы оба взволнованы. К завтрашнему дню мы немного успокоимся и соберемся с мыслями. Ты все обдумаешь и поймешь, что главный принцип – единственный значимый мотив, я имею в виду, – состоял в том, что я делаю это для твоего же блага. Ты можешь рассказать обо всем миссис Хэмли, хотя я собирался сказать ей об этом сам. До свидания, Молли.

Еще долго после того, как он уехал, – после того, как давно стих вдали стук копыт его лошади по круглым камням, которыми была вымощена дорога, бегущая меж домашних лугов, – Молли стояла на месте, приложив ладонь ко лбу козырьком и щурясь на солнце, и смотрела туда, где растаяла фигура ее отца. Дыхание, казалось, замерло у нее в груди, и лишь два или три раза с долгими перерывами она сделала судорожный вздох, перешедший в жалкий всхлип. Наконец она отвернулась, но не могла войти в дом, не могла рассказать обо всем миссис Хэмли, не могла забыть, как отец смотрел на нее и говорил с нею, – а потом оставил одну.

Она вышла наружу через боковую дверь – ею пользовались садовники, когда выносили навоз в сад, – и пошла по тропинке, которая была скрыта от посторонних глаз разросшимися кустами, вечнозелеными растениями и смыкающимися над головой ветвями деревьев. Никто не узнает, что с нею случилось, и никому нет до этого дела, добавила она, упиваясь собственным несчастьем. У миссис Хэмли, милой и доброй, есть муж, собственные дети и близкие домашние интересы, а в сердце Молли поселились горечь и тоска, справиться с которыми посторонний человек не поможет. Девушка быстро направилась к месту, которое выбрала для себя, – скамье, полускрытой листьями плакучего ясеня. Она располагалась на пешеходной дорожке по другую сторону леса, выходящего на живописный склон. Тропинку эту проложили, вероятно, для того, чтобы с этого места можно было любоваться мирным солнечным пейзажем с деревьями, шпилем церкви, двумя или тремя деревенскими домиками с красными черепичными крышами и дальним холмом, кажущимся отсюда синим. И, наверное, давным-давно, в прежние времена, когда здесь обитало большое семейство Хэмли, леди в платьях из китового уса и джентльмены в париках с косой в сетке и со шпагами на боку неспешно фланировали по широкой террасе, обмениваясь улыбками и поклонами. Но теперь здесь более никто не прогуливался. Дорожка казалась заброшенной. Сам сквайр или его сыновья изредка проходили здесь, направляясь к калитке, что вела на луг внизу, но никто из них тут не задерживался. Молли однажды даже подумала, что о скамье под ясенем никто не знает, кроме нее, ведь садовников на территории усадьбы было ровно столько, сколько требовалось, чтобы ухаживать лишь за огородами и декоративной частью парка, в которой часто бывала семья и которая была видна из дома.

Дойдя наконец до скамьи, Молли больше не могла сдерживаться и дала волю своему горю. Ей не хотелось докапываться до источника своих слез и рыданий, но одно она знала наверняка: ее отец собирался жениться вновь. Он рассердился на нее... она поступила очень дурно... он уехал от нее недовольным... она лишилась его любви... он хочет ввести в дом чужую женщину – вдали от нее, вдали от своего собственного ребенка, своей маленькой дочурки, забыв ее дорогую, любимую мамочку. Эти мысли, лихорадочно бродившие у нее в голове, терзали ее, и она плакала до тех пор, пока не обессилела окончательно. Чтобы хоть немножко набраться сил, она умолкла на какое-то время, но уже вскоре вновь расплакалась. Девушка бросилась на землю, к груди которой припадают в подобных случаях, и обхватила обеими руками старую, поросшую мхом скамью. Иногда она закрывала лицо ладонями, иногда с силой сплетала пальцы, словно надеялась унять душевную боль.

Она не видела Роджера Хэмли, возвращающегося с лугов, как не слышала и стука белой калитки. Он прочесывал пруды и каналы, а на плече у него висела рыбацкая сеть с запутавшимися в ней грязными сокровищами его трудов. Он возвращался домой на ленч, как всегда нагуляв изрядный аппетит, хотя в теории делал вид, будто презирает чревоугодие. Но он знал, что матери приятно его общество за столом; второй завтрак был для нее событием, поскольку она редко спускалась вниз ранее назначенного часа. И юноша с легкостью разрушил свою же теорию ради матери, обретя щедрое вознаграждение в удовольствии, с которым он составлял ей компанию за едой.

Роджер не видел Молли, пересекая террасу и направляясь домой. Он прошел уже ярдов двадцать по лесной тропинке, выходящей к террасе с правой стороны, когда, вглядываясь в траву и дикие растения под деревьями, вдруг заметил одно особенно редкое, которое уже давно мечтал отыскать, причем в цвету. Сетка его немедленно полетела на землю, ловко свернутая так, чтобы ее пленники не разбежались, пока она будет валяться в траве, а сам он легким и уверенным шагом направился к своему сокровищу. Он настолько любил природу, что исключительно в силу привычки старался не наступать ни на одно растение: кто знает, какое чудо может впоследствии развиться из того, что сейчас выглядело жалко и убого?

Взятый им курс вел в направлении скамьи под ясенем, которую с этой стороны было видно гораздо лучше, чем с террасы. Юноша остановился, заметив на земле светлое платье, – кто-то полулежал на скамье, причем настолько неподвижно, что Роджер даже задался вопросом, уж не болен ли тот человек и не лишился ли он чувств. Юноша не двигался, решив понаблюдать, что будет дальше. Через минуту-другую рыдания возобновились и он расслышал слова. Это была мисс Гибсон, которая надломленным голосом воскликнула:

– Ох, папа, папочка! Вернись, прошу тебя!

На мгновение ему показалось, что будет лучше, если он оставит ее в неведении относительно того, что за нею наблюдают, и даже попятился на цыпочках назад. Но тут вновь раздались душераздирающие рыдания. Его мать вряд ли смогла бы прийти сюда, дабы утешить эту девушку, свою гостью. Поэтому, когда Роджер вновь услышал этот жалобный голос, исполненный столь безутешной тоски и горя, он, не раздумывая, правильно ли поступает, деликатно или назойливо, развернулся и пошел к зеленому шатру под ясенем. Молли вздрогнула, когда заметила его так близко от себя, и попыталась унять слезы, а потом машинально провела обеими руками по влажным спутавшимся волосам.

Он смотрел на нее сверху с серьезным и в то же время ласковым сочувствием, но при этом решительно не знал, что тут можно сказать.

– Уже наступило время ленча? – спросила она, пытаясь заставить себя поверить в то, что он не заметил ни следов слез у нее на щеках, ни покрасневших глаз, как не заметил и того, что она лежала на земле и плакала навзрыд.

– Не знаю. Во всяком случае лично я иду на ленч. Но... вы должны позволить мне сказать это... Я просто не мог пройти мимо, увидев вас в таком отчаянии. Что-нибудь случилось? Что-нибудь такое, в чем я могу вам помочь, я имею в виду... поскольку, разумеется, у меня нет никакого права вмешиваться, если речь идет о приватном горе, в котором от меня не будет никакого толку.

Молли настолько изнемогла от рыданий, что понимала: сейчас она не в состоянии даже стоять, не говоря уже о том, чтобы куда-нибудь идти. Девушка опустилась на скамью, вздохнула и побледнела так сильно, что он подумал, что вот сейчас она точно лишится чувств.

– Подождите минуточку, – сказал Роджер, в чем не было ни малейшей необходимости, поскольку у нее не было сил даже на то, чтобы пошевелиться.

Он стремглав бросился к роднику, который бил неподалеку в лесу, и через несколько минут, осторожно ступая, вернулся, принес ей немного воды в широком зеленом листе, свернутом в импровизированный кубок. Несмотря на то что воды было совсем немного, она произвела на Молли живительное действие.

– Благодарю вас! – сказала она и добавила: – Теперь я сама могу вернуться обратно, только немного погодя, пожалуй. А вы идите, вам не стоит задерживаться.

– Вы должны позволить мне остаться, – твердо произнес Роджер. – Моей матери не понравится, если она узнает, что я оставил вас здесь совсем одну, в то время как вы были настолько слабы.

Они помолчали еще немного; он был занят тем, что пытливо изучал несколько сорванных с ясеня листьев, – отчасти потому, что этого требовала его натура, а отчасти потому, чтобы дать девушке время прийти в себя.

– Папа вновь собирается жениться, – проговорила она после довольно продолжительной паузы.

Молли и сама не знала, зачем сказала ему об этом; за мгновение перед тем, как слова эти сорвались у нее с губ, она не собиралась делать ничего подобного. Он выронил листок, который рассматривал, повернулся и в упор взглянул на нее. Ее бедные печальные глаза наполнились слезами, встретив его взгляд, и в них читался немой призыв о помощи и сочувствии. Взгляд ее оказался куда красноречивее слов. Юноша ответил после недолгого молча-

ния, которое объяснялось тем, что он понимал, что должен сказать что-либо, а не тем, что сомневался в ответе на свой вопрос.

– И вы горюете из-за этого?

Она не отвела взгляда, когда ее дрожащие губы сложились в одно-единственное слово «Да», хотя вслух оно так и не прозвучало. Он вновь умолк, глядя себе под ноги и ковыряя носком сапога мелкие камешки. Мысли Роджера нелегко облекались в словесную форму, и он не был склонен утешать, не видя перед собой пути, который вел к истинному источнику, откуда должно исходить утешение. Наконец он заговорил, но так, как будто рассуждал с самим собой:

– Очевидно, бывают случаи – если оставить в стороне вопрос о любви, – когда необходимость найти кого-либо, кто мог бы в том или ином виде заменить мать, становится чрезвычайно настоящей. Я могу поверить, – продолжал он уже совсем другим тоном, глядя на Молли так, словно впервые увидел ее, – что этот шаг мог быть направлен, главным образом, на то, чтобы сделать вашего отца счастливым и избавить его от многих забот. В том числе найти ему приятную спутницу.

– У него есть я. Вы не представляете, кем мы были друг для друга... по крайней мере кем он был для меня, – смиренно добавила она.

– Тем не менее он мог полагать, что так будет лучше для всех, иначе не совершил бы подобного шага. Скорее всего, он поступил так ради вашего блага даже больше, нежели для своего собственного.

– Именно в этом он и пытался меня убедить.

Роджер вновь принялся пинать камешки носком сапога. Он еще не добрался до разгадки. И вдруг юноша поднял голову.

– Я хочу рассказать вам об одной девушке, которую знаю. Ее мать умерла, когда ей было около шестнадцати. Она была старшей в большой семье. Все это время, весь расцвет своей юности, она отдавала себя отцу сначала в качестве утешительницы, а потом и компаньонки, друга, секретаря – словом, кого угодно. А у него были большие деловые интересы, и нередко он возвращался домой только для того, чтобы составить план и сделать приготовления для работы на следующий день. И Гарриет всегда была рядом, готовая помочь, поговорить или помолчать. Так продолжалось восемь или десять лет, а потом ее отец женился во второй раз, причем на женщине, которая была немногим старше Гарриет. В общем, теперь они – самые счастливые люди из всех, кого я знаю. Признайтесь, а ведь в это трудно поверить, не так ли?

Она внимательно выслушала его, но у нее не достало духу сказать что-либо. Тем не менее эта маленькая история о Гарриет заинтересовала ее – история о девушке, которая была для своего отца чем-то много большим, чем могла бы стать Молли в годы своей юности для мистера Гибсона.

– Как такое могло случиться? – выдохнула она наконец.

– Потому что Гарриет думала сначала о счастье своего отца, а уже потом о своем собственном, – коротко ответил Роджер с некоторой суровостью в голосе.

Молли нуждалась в поддержке. Она должна была взять себя в руки и приободриться, но вновь заплакала.

– Если бы речь шла о счастье папы...

– Очевидно, он сам в это верит. Что бы вы ни думали по этому поводу, дайте ему шанс. Как мне представляется, ваш отец не будет знать покоя, видя, как вы убиваетесь и не находите себе места, – вы, которая так много для него значила. Да и сама леди тоже... Окажись приемная мать Гарриет эгоистичной женщиной, она стремилась бы к удовлетворению собственных желаний, но нет, она точно так же хотела сделать Гарриет счастливой, как и сама Гарриет – своего отца. А будущая супруга вашего батюшки, возможно, женщина подобного склада, хотя такие люди встречаются редко.

– Я так не думаю, – пролепетала Молли, и перед ее внутренним взором всплыли подробности того дня в Тауэрз много лет тому.

У Роджера не было желания выслушивать полную сомнений и резонов речь Молли. Он полагал, что не имеет права знать какие-либо подробности семейной жизни мистера Гибсона – прошлой, настоящей или будущей, – поскольку не видел в этом ни малейшей необходимости для того, чтобы утешить и помочь плачущей девушке, на которую он столь неожиданно наткнулся. Кроме того, ему хотелось побыстрее оказаться дома, за ленчем, со своей матерью. Тем не менее он не мог оставить Молли одну.

– Правильнее будет надеяться на лучшее для всех, а не ожидать худшего. Это похоже на избитую фразу, банальность, но я уже черпал в ней утешение раньше, и когда-нибудь она пригодится вам самой. Всегда нужно стараться больше думать о других, нежели о себе, и уж тем более не судить о людях плохо заранее. Мои проповеди вас еще не утомили, надеюсь? И аппетит у вас от них не появился? Мне же самому после проповедей ужасно хочется есть.

Похоже, он ждал, что она встанет и пойдет с ним; так оно и было в действительности. Но при этом он хотел и дать ей понять, что не оставит ее одну. Она медленно и с трудом поднялась, слишком вялая и безжизненная, чтобы сказать, что предпочитает, чтобы ее оставили одну, если только он согласится сейчас уйти. Она ослабела настолько, что споткнулась о корень дерева, торчавший из земли поперек тропинки. Роджер, внимательно наблюдавший за нею, увидел это и успел подхватить ее, чтобы она не упала. Но, когда опасность миновала, он так и не выпустил ее руки. Это маленькое происшествие вдруг со всей остротой показало ему, насколько она молода и незащищена, и он проникся к ней сочувствием, вспоминая, какой безутешной нашел ее, и стремясь предложить ей хоть капельку нежности и успокоения, прежде чем они расстанутся, прежде чем их прогулка *tête-à-tête* растворится в знакомой домашней суете поместья. Тем не менее он просто не знал, что сказать.

– Вы можете счесть меня бесчувственным, – выпалил он наконец, когда они уже подходили к садовой двери и окнам гостиной. – Мне никогда не удавалось выразить то, что я чувствую. Каким-то образом меня вечно тянет философствовать, но сейчас мне жаль вас. Да, это так. Поймите, не в моих силах помочь вам, изменив обстоятельства, но я сочувствую вам, причем так, что об этом лучше не говорить, поскольку ничего хорошего из этого не выйдет. Помните о том, что мне очень жаль вас! Я буду часто думать о вас, хотя, как мне представляется, и об этом тоже лучше не распространяться.

Она негромко проговорила:

– Я знаю, что вы мне сочувствуете. – После чего отняла у него свою руку, вбежала внутрь и, поднявшись наверх, оказалась в уединении своей комнаты.

Он же напрямиком направился к матери, которая сидела перед нетронутым ленчем, раздосадованная непунктуальностью своей гостьи настолько, насколько это вообще было для нее возможно. Ей доложили, что мистер Гибсон приезжал и уже уехал, но она не смогла узнать, не оставил ли он какой-либо записки для нее. К тому же тревога о собственном здоровье, которую многие полагали ипохондрией, заставляла ее особенно остро желать слов мудрости, которые мог предложить ей доктор.

– Где ты был, Роджер? И где Молли? Мисс Гибсон, я имею в виду, – уточнила она, старательно соблюдая официальность в отношениях между молодой женщиной и молодым мужчиной, оказавшимися в одном доме.

– Я бродил по окрестностям с рыболовной сеткой. Кстати, я оставил ее на террасе. Там же я нашел сидящую на скамье мисс Гибсон, которая плакала так, словно сердце у нее разрывалось от горя. Ее отец собрался жениться во второй раз.

– Собрался жениться! Этого не может быть.

– Да, так оно и есть. И она очень тяжело приняла это известие, бедная девочка. Мама, думаю, ты должна отправить к ней кого-нибудь с бокалом вина, чашкой чая или чем-нибудь еще в этом роде. Признаться, я все время боялся, что она лишится чувств...

– Бедное дитя! Я сама поднимусь к ней, – заявила миссис Хэмли и встала из-за стола.

– Нет, ты не должна этого делать, – возразил Роджер, накрывая ее руку своей. – Мы и так заставили тебя ждать слишком долго. Кроме того, ты выглядишь бледной. Пусть этим займется Хаммонд. – И он позвонил в колокольчик.

Миссис Хэмли вновь опустилась на свое место, онемев от удивления.

– И на ком же он собирается жениться?

– Не знаю. Я не спрашивал ее об этом, а она мне не сказала.

– Как это похоже на мужчин. Добрая половина успеха всего дела зависит от того, на ком он намерен жениться.

– Что ж, согласен, мне следовало бы спросить ее об этом. Но как-то так получается, что в подобных ситуациях я становлюсь совершенно беспомощен. Мне было очень жаль ее, и тем не менее я просто не знал, что сказать.

– Но что же ты все-таки сказал?

– Я дал ей наилучший совет, какой только смог придумать.

– Совет! Тебе следовало бы утешить ее. Бедная маленькая Молли!

– Полагаю, если совет хорош, то это лучшее утешение.

– Все зависит от того, что ты понимаешь под словом «совет». Тише! Вот и она.

К их удивлению, Молли вошла, изо всех сил стараясь выглядеть, как обычно. Она умылась, уложила волосы и, отчаянно сдерживая слезы, пыталась вернуть себе власть над собственным голосом. Ей очень не хотелось расстраивать миссис Хэмли своим видом, полным боли и страданий. Она не знала, что в точности следует наставлениям Роджера – в первую очередь думать о других, а потом уже о себе, – но так оно и было. Миссис Хэмли не была уверена в том, что ей стоит начать разговор с тех новостей, которые она только что узнала от сына, но они настолько переполняли ее саму, что она не могла говорить ни о чем ином.

– Итак, я слышала, что твой отец намерен жениться, моя дорогая? Могу я поинтересоваться, на ком?

– На миссис Киркпатрик. По-моему, много лет назад она была гувернанткой у дочерей леди Камнор. Она часто и подолгу останавливается у них, они называют ее «Клэр» и, по-моему, очень привязаны к ней. – Молли старалась отзываться о будущей мачехе в самой благоприятной манере, в какой только могла.

– Кажется, я слышала о ней. Но, в таком случае, она не очень молода? Впрочем, это и к лучшему. К тому же она вдова. У нее есть семья?

– По-моему, одна дочка. Но я почти ничего о ней не знаю!

Молли опять готова была разрыдаться.

– Ничего страшного, моя дорогая. Всему свое время. Роджер, ты почти ничего не ешь. Куда ты собрался?

– Пойду принесу свою рыболовную сетку, в ней полно всяких штук, которые я не хотел бы потерять. Кроме того, как правило, я никогда много не ем.

Это была правда, но только отчасти. Он подумал, что будет лучше, если он оставит их одних. Его мать умела сопереживать и сочувствовать, как никто другой, и она непременно сумеет вытащить занозу из сердца девушки, когда останется с нею наедине. Едва он ушел, как Молли подняла заплаканные глаза на миссис Хэмли и сказала:

– Ваш сын был очень добр ко мне. Я намерена запомнить все, что он мне сказал.

– Рада это слышать, дорогая, очень рада. Судя по тому, что Роджер рассказал мне, я начала опасаться, что он прочел тебе нотацию. У него доброе сердце, но его манерам далеко до мягкости Осборна. Временами Роджер бывает грубоват.

– В таком случае мне нравится грубость. Она пошла мне на пользу. Она заставила меня понять, как дурно... ох, миссис Хэмли, я очень дурно повела себя с папой нынче утром.

Поднявшись с места, она подбежала к миссис Хэмли, бросилась ей на грудь и залилась слезами. Теперь она горевала не о том, что ее отец собрался жениться во второй раз, а о собственном непростительном поведении.

А Роджер оказался мягок и нежен если не в словах, то в поступках. Какой бы неразумной и преувеличенной ни представлялась ему скорбь Молли, она причиняла ей нешуточные реальные страдания, и юноша взял на себя труд облегчить их по-своему, что было весьма характерно для него. Тем же вечером он настроил свой микроскоп, а на маленький столик выложил все сокровища, собранные им во время утренней прогулки, после чего пригласил мать взглянуть на них. Разумеется, с нею пришла и Молли, на что он и рассчитывал. Он попытался заинтересовать девушку своими исследованиями, бережно раздувая первую слабенькую искорку любопытства, пока она не превратилась в желание расширить свои познания. Затем он принес книги по соответствующей тематике, переводя высокопарный и отчасти технический язык, коим они были написаны, на нормальную человеческую речь. Спускаясь к ужину, Молли думала о том, как вынесет все те долгие часы, что оставались до отхода ко сну, в течение которых она вольна говорить обо всем, кроме того, что занимало ее мысли. К тому же она опасалась, что уже успела утомить миссис Хэмли и прискучить ей их долгим послеобеденным *tête-à-tête*. Но вечерняя молитва и отход ко сну наступили гораздо быстрее ожидаемого; новое направление, которое приняли ее мысли, освежило ее, за что она была искренне благодарна Роджеру. Теперь оставалось дожидаться завтрашнего дня, чтобы покаяться и принести извинения отцу.

Но мистеру Гибсону вовсе не требовались прочувствованные речи или слова. Он всегда-то избегал любого проявления чувств, а теперь, пожалуй, тоже понимал, что чем меньше будет сказано по вопросу, относительно которого они с дочерью не пришли к единому и безоговорочному согласию, тем лучше. Он прочел раскаяние в ее глазах, увидел, как сильно она страдает, и ощутил острый укол в сердце. Но он не дал ей выразить сожаление по поводу своего поведения минувшим днем, заявив:

– Ну, будет, будет. Довольно. Я знаю все, что ты хочешь сказать. Я знаю свою маленькую Молли, моего глупого маленького гусенка, лучше, чем она знает самое себя. Я привез тебе приглашение. Леди Камнор желает, чтобы ты провела следующий четверг у нее в Тауэрз!

– Ты хочешь, чтобы я поехала? – спросила она, чувствуя, как сжалось у нее сердце.

– Я хочу, чтобы вы с Гиацинтой поближе познакомились и научились любить друг друга.

– Гиацинта! – в полном недоумении повторила Молли.

– Да, Гиацинта! Глупее имени я еще не встречал. Но ее так зовут, и я должен называть ее этим именем. Я терпеть не могу имени Клэр, хотя так зовет ее миледи и все семейство в Тауэрз, а «миссис Киркпатрик» звучит чересчур официально и довольно глупо, учитывая, что она в скором времени поменяет фамилию.

– Когда, папа? – спросила Молли, чувствуя себя так, словно вдруг оказалась в чужом и враждебном мире.

– Не раньше Михайлова дня²⁹. – А затем, прислушиваясь к собственным мыслям, он продолжил: – Но самое плохое заключается в том, что она увековечила собственное донельзя аффектированное имя, назвав дочь в свою честь. Синтия! Честное слово, глупость человеческая границ не имеет. Я рад, что ты у меня просто Молли, дитя мое.

– А сколько ей лет... Синтии, я имею в виду?

²⁹ Михайлов день – день Михаила Архангела, 29 сентября.

– Да-да, привыкай к ее имечку потихоньку. Полагаю, вы с Синтией Киркпатрик – ровесницы. Сейчас она пребывает во Франции, в какой-то школе, обучается манерности и жеманству. Но она приедет домой на свадьбу, и тогда ты сможешь с нею познакомиться, хотя, по моему, после этого ей предстоит вернуться обратно еще на полгода или что-то около этого.

Глава 11. Попытка подружиться

Мистер Гибсон полагал, что Синтия Киркпатрик должна вернуться в Англию, дабы присутствовать на свадьбе своей матери, однако у самой миссис Киркпатрик подобных устремлений не было и в помине. Ее нельзя было назвать решительной женщиной в полном смысле этого слова, но каким-то образом ей удавалось не делать того, что ей не нравилось, а вот то, что было ей по нраву, она делала всегда и неизменно, во всяком случае пыталась. Итак, когда мистер Гибсон завел речь о предстоящей свадьбе, она молча выслушала его предложение о том, что Молли и Синтия должны стать подружками невесты, но в душе яростно воспротивилась тому, чтобы иметь рядом с собой дочь, которая своей юной красотой будет лишь подчеркивать увядшие прелести матери. Поэтому, по мере того как дальнейшие приготовления к свадьбе начали обретать реальные очертания, она лишь укрепилась в своем мнении, что Синтия должна безвестной оставаться в Булони.

В ту первую ночь после помолвки с мистером Гибсоном миссис Киркпатрик отправилась в постель, предвкушая скорое замужество. Она смотрела на него как на освобождение от рабства, коим стало для нее содержание школы, причем школы убыточной, в которой учениц едва насчитывалось для того, чтобы оплачивать аренду, налоги, еду, стирку и приглашение учителей. Она не видела причины, по которой должна возвращаться в Эшкомб, разве что только затем, дабы завершить свои дела и уложить одежду. Она надеялась, что пыл и страсть мистера Гибсона заставят его настаивать на немедленной женитьбе и на том, чтобы она не возвращалась к своей каторжной работе директрисы, а оставила ее раз и навсегда. Миссис Киркпатрик даже мысленно составила прочувствованную и страстную речь, обращенную к нему, достаточно убедительную, чтобы поверить в нее самой и заглушить угрызения совести, которые непременно начнут терзать ее после того, как ей придется сообщить родителям своих учениц о том, что она не намерена возобновлять обучение и что им предстоит искать новое место учебы для своих дочерей всего лишь за неделю до окончания летних каникул.

Холодным душем для миссис Киркпатрик стал разговор за завтраком на следующий день, когда леди Камнор начала строить планы относительно дальнейших намерений и обязательств двух влюбленных не первой молодости.

— Разумеется, вы не сможете вот так просто взять и бросить школу, Клэр. Свадьба не может состояться ранее Рождества, но это и к лучшему. Мы все как раз соберемся здесь, в Тауэрз, да и дети получают удовольствие, когда съезжают в Эшкомб и посмотрят, как вы выходите замуж.

— Думаю... боюсь... полагаю, мистер Гибсон не согласится ждать так долго. В подобных обстоятельствах мужчины склонны проявлять нетерпение.

— Какой вздор! Лорд Камнор рекомендовал вас своим арендаторам, и, я уверена, ему не понравится, если им придется столкнуться с какими-либо неудобствами из-за этого. Мистер Гибсон непременно согласится со мной. Он — человек крайне здравомыслящий, иначе не был бы нашим семейным доктором. Но оставим это. Скажите, как вы намерены поступить со своей маленькой девочкой? Вы уже все устроили?

— Нет. Вчера для этого совершенно не было времени, а когда человек пребывает в волнении, ему трудно думать обо всем сразу. Синтии уже почти восемнадцать, то есть она достаточно взрослая, чтобы стать гувернанткой, если он этого захочет. Но я так не думаю, он производит впечатление человека ужасно доброго и щедрого.

— Что ж, я обязана выделить вам время сегодня на обустройство кое-каких ваших дел. Не тратьте его на всякие сентиментальные глупости, вы для этого слишком взрослая. Вам нужно найти друг с другом общий язык, ведь, в конце концов, речь идет о вашем собственном счастье.

Итак, они действительно прояснили для себя несколько вещей. К вящему разочарованию миссис Киркпатрик, мистер Гибсон полностью поддержал леди Камнор в том, что она ни в коем случае не должна обманывать доверия родителей своих учениц. Несмотря на то что он явно пребывал в полной растерянности относительно того, что будет с Молли до тех пор, пока она не окажется под опекой его новой жены в их собственном доме, а домашние неурядицы доставляли ему с каждым днем все больше неудобств, мистер Гибсон был слишком благороден и даже не заикнулся о том, чтобы миссис Киркпатрик оставила школу ради него хотя бы неделей ранее. Он не представлял, насколько легко ему удалось бы решить эту проблему. Прибегнув к помощи своих женских штучек и ухищрений, миссис Киркпатрик вполне могла внушить ему, что он просто жаждет, чтобы свадьба состоялась не позднее Михайлова дня.

– Я не могу передать словами, Гиацинта, какое утешение и облегчение испытаю, когда вы наконец станете моей женой – хозяйкой в моем доме, защитницей и матерью для бедной Молли. Но ни за что на свете я не позволю себе нарушить ваши предыдущие планы. Это было бы неправильно.

– Благодарю вас, любовь моя. Как вы бесконечно добры! На вашем месте многие мужчины думали бы только о своих желаниях и интересах! Я уверена, что родители моих дорогих учениц будут восхищаться вами и изрядно удивятся тому, как близко к сердцу вы принимаете их интересы.

– В таком случае ничего им не говорите. Я ненавижу, когда мною восторгаются. Почему бы вам не сказать, что таково ваше собственное желание – руководить школой до тех пор, пока они не сумеют найти себе новую директрису?

– Потому что у меня нет такого желания, – осмелилась признаться она. – Я хочу сделать вас счастливым. Я хочу превратить ваш дом в такое место, где вы сможете чувствовать себя покойно и отдыхать душой и телом. А еще я очень хочу лелеять и растить вашу славную Молли, в чем, надеюсь, вы убедитесь, когда я стану ее матерью. Я не желаю приписывать себе достоинства, коих у меня нет. Имей я возможность говорить прямо и открыто, я бы заявила: «Добрые, славные люди, вы должны найти новую школу для своих дочерей к Михайлову дню, потому что после этого срока я должна буду уехать и осчастливить других». Мне невыносима мысль о том, как после долгих объездов промозглыми ноябрьскими вечерами вы возвращаетесь домой, а там некому встретить и обогреть вас. Ах! Будь на то моя воля, я бы посоветовала родителям поскорее забрать своих дочерей у той, сердце которой уже занято, а потому она не вкладывает его в свою работу. Хотя на любую дату до Михайлова дня я тоже не согласна – это было бы нечестно и неправильно, и я уверена, что вы не стали бы заставлять меня – вы слишком добры для этого.

– Что ж, если вы полагаете, что мы поступаем с ними по справедливости, то пусть будет Михайлов день, я только «за». Но что скажет на это леди Камнор?

– О! Я сказала ей, будто опасаясь, что вы не захотите ждать дольше из-за ваших сложностей со слугами, а еще из-за Молли, с которой мне нужно как можно скорее найти общий язык.

– Это уж точно. Бедное дитя! Боюсь, известие о моей женитьбе несколько выбило ее из колеи.

– Синтия тоже будет очень взволнована, – заявила миссис Киркпатрик, не желая, чтобы ее собственная дочь отставала от Молли в глубине чувств и привязанностей.

– Мы обязательно пригласим ее на свадьбу! Они с Молли будут подружками невесты, – с неосмотрительной горячностью заявил мистер Гибсон.

У миссис Киркпатрик были свои планы на этот счет, но она сочла за лучшее не противодействовать ему в открытую, пока у нее не появится вполне веский предлог, равно как и иная причина, самым естественным образом проистекающая из будущих обстоятельств.

Поэтому в тот раз она лишь улыбнулась и ласково пожала ему руку, которую держала в своих ладонях.

Остается только гадать, кто сильнее – миссис Киркпатрик или Молли – желал, чтобы тот день, который им предстояло вместе провести в Тауэрз, закончился как можно скорее. Миссис Киркпатрик и так уже устала от девочек в классе. Все трудности и неприятности в ее жизни так или иначе были связаны с девочками. Она была еще очень молода, когда стала гувернанткой, и потерпела поражение в борьбе со своими ученицами в первом же месте, в которое попала. Ее элегантная внешность и манеры, равно как и внешний лоск, а вовсе не характер и приобретенные знания и навыки, позволяли ей устраиваться куда лучше других; в некоторых семьях ее откровенно обожали и баловали; тем не менее ей постоянно попадались непослушные, упрямые, чересчур добросовестные, предвзятые, любопытные или попросту чрезмерно наблюдательные девочки. А она, еще до рождения Синтии, мечтала о сыне, наивно полагая, что, если трое или четверо лишних родственников, стоящих на его пути, умрут, он может стать баронетом. Но вместо сына, увы и ах, у нее родилась дочь! Тем не менее, несмотря на всю свою абстрактную неприязнь к девочкам и отношение к ним как к «стихийному бедствию всей ее жизни» (причем ее предубеждение и антипатия отнюдь не уменьшились оттого, что она держала школу для «юных леди» в Эшкомбе), миссис Киркпатрик действительно намеревалась окружить любовью и заботой свою падчерицу, которую смутно помнила как черноволосого заспанного ребенка, в чьих глазах светилось неприкрытое восхищение ею. Миссис Киркпатрик приняла предложение мистера Гибсона главным образом потому, что устала самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Впрочем, как мужчина он ей нравился – нет, пожалуй, она даже любила его в своей вялой и апатичной манере и намеревалась быть любезной и ласковой с его дочерью, хотя и склонялась к мысли, что ей было бы куда легче, окажись на ее месте сын.

Молли тоже собиралась с духом. «Я буду похожа на Гарриет. Я буду думать о других. Я не стану думать о себе», – повторяла она про себя всю дорогу до Тауэрз. Но в ее желании, чтобы день закончился поскорее, не было эгоизма, хотя она и жаждала этого всем сердцем. Миссис Хэмли отправила ее в поместье в собственном экипаже, который должен был дожидаться девушку там и привезти обратно. Миссис Хэмли хотела, чтобы Молли произвела благоприятное впечатление, и послала за ней, чтобы взглянуть на девушку перед тем, как та отправится в гости.

– Не надевай свое атласное платье – белый муслин подойдет тебе лучше всего, моя дорогая.

– Не надевать атласное платье? Но оно же совершенно новое! И мне его доставили сюда.

– Тем не менее я уверена, что муслин будет тебе больше к лицу.

Мысль о том, что девочка может надеть «что угодно, только не этот ужасный клетчатый атлас», неотступно преследовала миссис Хэмли. И вот благодаря ей Молли выехала в Тауэрз в несколько старомодном, следует признать, но исключительно изысканном и женственном наряде. Там ее должен был встретить отец, но его задержали дела, и ей пришлось свести повторное знакомство с миссис Киркпатрик в гордом одиночестве (причем воспоминания о страданиях, перенесенных некогда ею в Тауэрз, были столь свежи в ее памяти, словно это случилось только вчера). Что до миссис Киркпатрик, то она постаралась проявить себя с самой лучшей стороны. Она ласково взяла Молли за руку, когда обе уселись на софу в библиотеке после того, как с приветствиями было покончено. Время от времени она поглаживала ладошку девушки, мурлыча при этом всякие банальности и пристально вглядываясь в ее зардевшееся жарким румянцем личико.

– Ах, какие у тебя глаза! Совсем как у твоего дорогого папочки! Мы с тобой обязательно полюбим друг друга, не правда ли, дорогая? Ради него!

– Я постараюсь, – храбро ответствовала Молли, но закончить предложение почему-то так и не смогла.

– И волосы у тебя такие же, как у отца, – прелестные, черные и вьющиеся! – провозгласила миссис Киркпатрик, бережно приподняв один из локонов, упавших Молли на висок.

– У папы волосы уже поседели, – сказала Молли.

– Правда? Я не заметила. И не замечу никогда. Для меня он навсегда останется самым привлекательным мужчиной на свете.

Мистер Гибсон и впрямь был привлекательным мужчиной, и комплимент доставил Молли удовольствие, но она не смогла удержаться, чтобы не сказать:

– Тем не менее он неизбежно постареет и волосы его станут седыми. Думаю, он по-прежнему останется привлекательным, но это будет уже зрелая красота немолодого человека.

– Ах, в этом все и дело, милая! Он всегда будет красив. Некоторые люди с годами не меняются. И он так любит тебя, дорогая.

Краска бросилась в лицо Молли. Она не нуждалась в уверениях в отцовской любви от этой незнакомой ей женщины. Девушка вдруг почувствовала, что в душе у нее поднимается гнев, а ее самообладания хватило лишь на то, чтобы промолчать.

– Ты просто не знаешь, как он отзывается о тебе. «Мое маленькое сокровище» – вот как он называет тебя. Временами во мне уже почти готова проснуться ревность.

Чувствуя, как в ее сердце пробуждается ожесточение, Молли отняла у нее свою руку. Подобные речи вызывали у нее внутренний протест, но она стиснула зубы и постаралась «быть хорошей».

– Мы должны сделать его счастливым. Боюсь, что дома его многое раздражает, но теперь со всем этим будет покончено. Ты должна рассказать мне, – мягко произнесла миссис Киркпатрик, заметив, что глаза Молли затуманились, – о том, что он любит или не любит, потому что кому, как не тебе, знать об этом.

Лицо Молли чуточку просветлело. Разумеется, она знала об этом. Не зря же она наблюдала за отцом и любила его так долго и беззаветно, не сомневаясь ни мгновения, что понимает его лучше, чем кто бы то ни было другой. Хотя вопрос о том, как миссис Киркпатрик сумела понравиться ему настолько, что он захотел жениться на ней, оставался открытым, Молли предпочла отнести его к категории необъяснимых. А миссис Киркпатрик тем временем продолжала:

– У всех мужчин имеются свои причуды и антипатии, даже у самых благоразумных. Я знавала некоторых джентльменов, которых выводили из себя совершеннейшие пустяки, такие как, например, оставленная открытой дверь, или пролитый на блюде чай, или небрежно брошенная на плечи шаль. Вот, кстати, – она заговорщически понизила голос, – я знаю один дом, в который больше никогда не пригласят лорда Холлингфорда только потому, что он не вытер ноги об оба коврика в холле! А теперь ты должна рассказать мне о том, что больше всего не любит твой отец, и я, зная его прихоти и капризы, постараюсь не совершать подобных ошибок. Ты должна стать моей маленькой подругой и помощницей в том, чтобы делать ему приятное. Для меня станет настоящим удовольствием угождать ему во всем. Включая и мои платья... какие цвета ему нравятся более всего? Я хочу сделать все, что в моих силах, чтобы заслужить его одобрение.

Ее слова польстили Молли, а в голову закралась крамольная мысль о том, что отец, быть может, не так уж и ошибся в своем выборе, поэтому если она может помочь ему обрести новое счастье, то должна сделать это. И девушка крайне добросовестно принялась думать о желаниях и капризах мистера Гибсона, ломая голову над тем, что же более всего раздражает его в домашней обстановке.

– Думаю, – сказала она наконец, – что папа не слишком привередлив, но, полагаю, более всего раздражает его то, что ужин подается не вовремя, то есть ужин не готов к тому времени, когда он возвращается домой. Понимаете, ему часто приходится совершать долгие объезды, после чего предстоит новый обход, так что иногда выдается лишь полчаса свободного времени, а иногда – и того меньше, чтобы пообедать.

– Благодарю тебя, любовь моя. Пунктуальность! Да, в домашнем хозяйстве это очень важно. Именно это качество я пытаюсь привить своим юным леди в Эшкомбе. Неудивительно, что бедный мистер Гибсон недоволен тем, что ему не подают вовремя ужин, особенно если учесть, что работать ему приходится так много!

– Папе все равно, что он ест, лишь бы ему подали еду вовремя. Он готов довольствоваться хлебом и сыром, если повариха пришлет его вместо обеда.

– Хлеб и сыр! Мистер Гибсон ест сыр?

– Да, он очень любит его, – ответила ничего не подозревающая Молли. – Я видела, как он ел сыр с гренками, когда слишком устал, чтобы требовать чего-либо еще.

– О! Но, моя дорогая, мы должны покончить с этим. Мне не нравится мысль о том, что твой отец ест сыр, это же такая грубая пища с сильным запахом. Мы должны найти для него повариху, которая сможет приготовить ему омлет или что-либо столь же элегантное. Сыр годится лишь для кухни.

– Но папа его очень любит, – стояла на своем Молли.

– Ничего! Мы вылечим его от этого. Я терпеть не могу запах сыра и уверена, что он не захочет меня огорчать.

Молли промолчала. Девушка уже успела понять, что не следует чересчур откровенничать относительно вкусов своего отца. Пусть уж лучше миссис Киркпатрик разбирается с ними сама. В разговоре возникла неловкая пауза, обе не знали, что сказать, и старались найти нейтральную тему. Наконец первой заговорила Молли:

– Прошу вас, расскажите мне о Синтии, вашей дочери.

– Да, называй ее Синтией. Красивое имя, не правда ли? Синтия Киркпатрик. Не такое, правда, изящное, как мое прежнее – Гиацинта Клэр. Люди говорили, что оно очень мне идет. Я как-нибудь покажу тебе акrostих, который сочинил на него один джентльмен, лейтенант 53-го полка. Ах, предвижу, что нам многое нужно будет сказать друг другу!

– Так что там с Синтией?

– Ах да! Насчет дорогой Синтии... Что бы ты хотела узнать, дорогая моя?

– Папа сказал, что она будет жить с нами. И когда же она приедет?

– О, как это мило со стороны твоего отца! Я могла рассчитывать только на то, что по окончании учебы Синтия получит где-нибудь место гувернантки. Ее к этому готовили, и в этом занятии есть свои преимущества. Но добрый дорогой мистер Гибсон и слышать об этом не желает. Только вчера он заявил, что после школы она должна приехать сюда и жить с нами.

– А когда она заканчивает школу?

– Она поступила в нее на два года. Не думаю, что я должна разрешить ей бросить учебу, которая заканчивается будущим летом. Она преподает английский и обучается французскому. Следующим летом она приедет сюда, и у нас образуется славный маленький квартет, не правда ли?

– Очень на это надеюсь, – отозвалась Молли. – Но ведь она же приедет на свадьбу? – застенчиво поинтересовалась она, не зная, насколько миссис Киркпатрик понравится упоминание о предстоящем бракосочетании.

– Твой отец очень просил меня, чтобы она приехала, но мы должны хорошенько обдумать этот вопрос, прежде чем принимать окончательное решение. Поездка обойдется весьма недешево!

– Она похожа на вас? Я очень хочу познакомиться с нею.

– Как говорят, она действительно очень мила. У нее яркая и броская внешность, совсем как у меня в ее возрасте. Но сейчас мне больше по душе темноволосая чужеземная красота, – заявила миссис Киркпатрик, вновь коснувшись локонов Молли и глядя на нее с мечтательной задумчивостью.

– Синтия... она, наверное, очень умная и образованная? – осведомилась Молли, опасаясь, как бы ответ миссис Киркпатрик не проложил между ними непреодолимую пропасть.

– Я очень на это рассчитываю, поскольку заплатила большие деньги за то, чтобы она обучалась у лучших преподавателей. Но вскоре ты сама с нею познакомишься, а теперь, боюсь, нам пора идти к леди Камнор. Мы с тобой очень мило поболтали, но я не сомневаюсь, что леди Камнор уже ждет нас, поскольку ей не терпится увидеться с тобой, моей будущей дочерью, как она тебя называет.

Молли последовала за миссис Киркпатрик в утреннюю гостиную, где и впрямь сидела леди Камнор, пребывавшая в некотором раздражении, оттого что завершила свой туалет чуть раньше обыкновенного, о чем Клэр не догадалась – хотя и должна была, – и не привела к ней Молли Гибсон для аудиенции четвертью часом ранее. Любая мелочь становится событием дня для выздоравливающего больного, и если бы немногим раньше Молли встретила с ее стороны покровительственное одобрение, то сейчас столкнулась с неприкрытой критикой. О характере леди Камнор девушка ровным счетом ничего не знала, ей лишь было известно, что она предстанет перед настоящей живой графиней, нет, куда больше – «той самой графиней» из Холлингфорда.

Миссис Киркпатрик ввела ее в комнату леди Камнор за руку и, представляя девушку, сказала:

– Моя дорогая маленькая дочурка, леди Камнор!

– Клэр, не говорите ерунды. Она еще не ваша дочь и может вообще не стать ею. Примерно треть помолвок, о которых я знаю, была расторгнута, так и не перейдя в брак. Мисс Гибсон, очень рада видеть вас ради вашего отца. Когда я узнаю вас получше, надеюсь, что смогу повторить то же самое и в отношении вас самой.

Молли от всего сердца надеялась, что эта суровая на вид дама, сидевшая, словно аршин проглотив, в мягком кресле для отдыха и производившая впечатление строгой отчужденности, не узнает ее получше. К счастью, леди Камнор приняла молчание Молли за покорное смирение и, после недолгой паузы, вызванной очередной инспекцией, продолжала:

– Да, да, мне нравится, как она выглядит, Клэр. Вы еще можете сделать из нее нечто. У вас есть большое преимущество, моя дорогая, – снова обратилась она к Молли, – иметь рядом с собой леди, которая уже подготовила несколько юных особ из благородных семей, как раз в тот момент, когда вы взрослеете и, соответственно, более всего в ней нуждаетесь. Вот что я вам скажу, Клэр! – В голову миледи пришла внезапная мысль. – Вы с нею должны познакомиться поближе, потому что ничего не знаете друг о друге. И поскольку свадьба ваша состоится не ранее Рождества, то что может быть лучше, если она вернется вместе с вами в Эшкомб! Она все время будет при вас и сможет воспользоваться теми преимуществами, которое дает общество других молодых особ, что особенно важно для единственного ребенка! Нет, положительно, это гениальный план! Как славно, что я его придумала!

Было бы затруднительно определить, которая из двух слушательниц леди Камнор оказалась сильнее раздосадована этой идеей, так некстати пришедшей миледи в голову. Мысль о том, что падчерица окажется на ее попечении раньше времени, ничуть не прельщала миссис Киркпатрик. Если Молли поселится у нее, то ей придется не только сказать «прощай» мелким хозяйственным мерам экономии, но и проститься с многочисленными маленькими радостями, совершенно невинными, но полагаемыми предосудительными и оттого тщательно скрываемыми, чему ее научила прошедшая жизнь: чудными романами из публичной библиотеки Эшкомба с загнутыми уголками, засаленные страницы которых она переворачивала

ножницами, креслом для отдыха, в котором она предпочитала проводить свободное время, хотя сейчас, в присутствии леди Камнор, сидела строгая и напряженная; всякими вкусно-стями, восхитительными и крошечными, коими она баловала себя во время ужина в гордом одиночестве. Ото всех этих и множества других приятных излишеств придется отказаться, если Молли станет ее ученицей, причем ученицей-пансионеркой, живущей в доме директрисы школы, да хотя бы просто гостьей, как предлагала леди Камнор. Клэр была решительно настроена совершить две вещи: выйти замуж не позднее Михайлова дня и не допустить появления Молли у себя в Эшкомбе. Но она улыбнулась так сладко, словно прожект сей представлялся ей самым удачным на свете, и одновременно напрягла свои бедные мозги в поисках любых предлогов или резонов, которыми она сможет воспользоваться для отказа в будущем. Однако же Молли избавила ее от непосильного умственного перенапряжения. Остается только гадать, кто же из них троих был более всего удивлен словами, сорвавшимися с губ девушки. Она даже не собиралась открывать рот, но сердце ее переполняли чувства, и, не успев сообразить, что, собственно, делает, Молли выпалила:

— Этот план вовсе не кажется мне замечательным. Я имею в виду, миледи, что он мне решительно не по душе. Он означает, что последние несколько месяцев мне придется провести вдали от папы. Я постараюсь полюбить вас, — продолжала она, и глаза ее наполнились слезами. Обернувшись к миссис Киркпатрик, она доверчивым и одновременно исполненным благородства жестом вложила свою ладошку в ее руки. — Я очень сильно постараюсь и сделаю все, чтобы вы были счастливы, но вы не должны забирать меня от папы в те самые последние дни, что я могу провести с ним.

Миссис Киркпатрик ласково погладила ее руку, испытывая благодарность к девушке за ее явно выраженную оппозицию предложенному леди Камнор плану. Однако же при этом Клэр отчаянно не хотелось выступать в поддержку Молли до тех пор, пока леди Камнор словом или делом не выразит своего отношения к этому заявлению. Но то ли в словах Молли, то ли в ее искреннем и прямолинейном поведении оказалось нечто такое, что скорее позабавило леди Камнор в ее нынешнем расположении духа, вместо того чтобы привести в раздражение. Не исключено, что ей попросту прискучила всеобщая раболепная угодливость, которой ее окружали на протяжении вот уже многих дней.

Надев очки, она внимательным взглядом окинула обеих женщин, прежде чем заговорить:

— Клянусь честью, юная леди! Клэр, вам предстоит много работы. Хотя в том, что она говорит, есть изрядная доля правды. Девушка в ее возрасте должна крайне отрицательно отнестись к тому, что мачеха встает между нею и отцом, какие бы выгоды подобное положение вещей ни сулило ей в будущем.

Молли даже на миг показалось, будто она все-таки сможет подружиться с чопорной старой графиней, поскольку та с привычной для нее прозорливостью увидела, что предложенный ею план принесет девушке тяжелые испытания. Но в своем вновь обретенном желании больше думать о других она отчаянно страшилась причинить боль миссис Киркпатрик. В том, правда, что касается внешних признаков, ее страхи оказались совершенно безосновательными, поскольку улыбка по-прежнему играла на красивых розовых губах вышеозначенной дамы, и она ни на минуту не выпускала ее ладошки из своих рук, ласково поглаживая ее. Чем дольше леди Камнор смотрела на Молли, тем больший интерес вызывала у нее девушка, и за стеклами очков в золоченой оправе взгляд ее казался испытующим и проницательным. Она приступила к чему-то вроде допроса, задав несколько весьма откровенных вопросов, которые иная леди, не имеющая титула графини, пожалуй, постеснялась бы задать, но в которых тем не менее не было и следа желания оскорбить или унижить.

— Вам исполнилось шестнадцать, милочка, не так ли?

— Нет, мне уже семнадцать. День рождения у меня был три недели тому.

– Ну, это почти одно и то же, я бы сказала. Вы когда-нибудь учились в школе?

– Нет, никогда! Всему, что я знаю, меня научила мисс Эйре.

– Ага! Полагаю, эта самая мисс Эйре была вашей гувернанткой? Никогда бы не подумала, что ваш отец может позволить себе гувернантку. Но, разумеется, он должен лучше всех знать состояние собственных дел.

– Разумеется, миледи, – с едва уловимой язвительностью ответствовала Молли, которую задела даже тень сомнения в мудрости своего отца.

– Вы говорите «разумеется» таким тоном, словно это в порядке вещей, когда каждый досконально разбирается в собственных делах. Вы очень молоды, мисс Гибсон, очень. Вот доживете до моих лет, тогда и поймете, что к чему. Полагаю, вас обучали музыке, умению пользоваться глобусом, французскому и прочим подобным вещам, раз уж у вас была гувернантка? Никогда не слышала ни о чем подобном! – продолжала она, внезапно переходя к негодованию. – Единственная дочь! Будь у него полдюжины, тогда в этом был бы смысл.

Молли хранила молчание, но давалось ей это с большим трудом. Миссис Киркпатрик принялась ласкать ее руку еще настойчивее, надеясь таким образом выразить ей свое сочувствие и не дать выпалить что-либо предосудительное. Но ее ласка уже изрядно утомила Молли и лишь раздражающе действовала ей на нервы. Она с некоторым нетерпением отняла свою руку у миссис Киркпатрик.

К счастью, сохранить общий мир помогло то, что именно в этот самый момент было объявлено о приезде мистера Гибсона. Забавно наблюдать, как появление представителя противоположного пола в мужском или женском обществе способно мгновенно погасить тлеющие угольки разногласий и рассеять грозовые тучи. Именно так все и случилось сейчас: стоило только мистеру Гибсону войти в комнату, как миледи сняла очки и чело ее разгладилось; миссис Киркпатрик сумела весьма очаровательно зардеться румянцем; а что касается Молли, то личико ее осветилось восторгом и в улыбке засияли очаровательные белые зубки и ямочки на щеках.

После обмена первыми приветствиями у миледи состоялся приватный разговор с ее врачом, а Молли и ее будущая мачеха отправились бродить по саду, обнимая друг друга за талию или держась за руки, словно дети, заблудившиеся в лесу. В проявлении подобных нежностей миссис Киркпатрик выказала большое умение и сноровку, тогда как Молли явно тяготилась подобными знаками внимания, чувствуя себя не в своей тарелке. Она принадлежала к тому типу застенчивых людей, которым претит проявление нежности со стороны особ, не вызывающих у них мгновенной и инстинктивной симпатии.

Но вот подошло время раннего ужина; леди Камнор давала его в уединении собственной комнаты, пленницей которой она вынуждена была оставаться. Раз или два во время еды Молли показалось, что отцу неприятна роль немолодого влюбленного, какую его буквально напоказ заставляла играть перед слугами миссис Киркпатрик, прибегая к помощи нежных речей и недомолвок. Он постарался исключить из разговора все намеки на сентиментальность, ограничившись сугубо деловыми вопросами. А когда миссис Киркпатрик попробовала углубиться в тему будущих взаимоотношений всех присутствующих за столом, он настоял на том, чтобы отнестись к этому делу самым обыденным образом. Так продолжалось даже после того, как мужчины покинули комнату. У Молли в голове постоянно вертелась старинная поговорка, которую она слышала от Бетти: «Там, где двое, третий – лишний».

Но куда еще она могла пойти в этом чужом и незнакомом доме? И чем заняться? Из задумчивости ее вывели слова отца:

– Но что вы скажете о плане леди Камнор? Она говорит, что предлагала вам пригласить Молли пожить у себя в Эшкомбе до тех пор, пока мы не поженимся.

У миссис Киркпатрик вытянулось лицо. Ах, если бы Молли вновь высказалась против, как сделала это давеча в присутствии миледи! Но к предложению, высказанному ее отцом,

следовало отнестись совсем по-другому, чем к словам незнакомой леди, пусть даже занимающей высокое положение. И потому Молли промолчала, она лишь побледнела, а на лице ее отразились тревога и печаль. И потому миссис Киркпатрик пришлось говорить самой за себя.

– План представляется мне совершенно очаровательным, вот только... Что ж! Мы ведь сами знаем, почему он неосуществим, не правда ли, любовь моя? И не скажем о нем папе, чтобы он не слишком возгордился. Нет! Думаю, что должна оставить ее с вами, дорогой мистер Гибсон, чтобы вы могли сполна насладиться обществом друг друга в эти последние несколько недель. С моей стороны было бы жестоко забирать ее у вас.

– Но, дорогая, я уже называл вам причину, по которой присутствие Молли в данный момент нежелательно! – нетерпеливо вскричал мистер Гибсон.

Чем больше он узнавал свою будущую жену, тем сильнее испытывал необходимость помнить о том, что, несмотря на свои недостатки и причуды, именно она сможет встать между Молли и авантюрами наподобие той, что совсем недавно приключилась с мистером Коксом. Он никогда не забывал, по крайней мере, об одной веской причине, заставившей его предпринять уже известные шаги, пусть даже она испарилась с гладкой поверхности памяти миссис Киркпатрик, не оставив там и намека на след. Но теперь, глядя на встревоженное лицо мистера Гибсона, она вспомнила о ней.

А вот какие чувства последние слова отца вызвали у Молли? Ее отправили подальше из дому по какой-то неведомой причине, о которой ей самой оставалось только гадать, но которая тем не менее стала известна этой совершенно чужой женщине. Неужели теперь между отцом и будущей мачехой будет полное доверие, а она окажется третьей лишней? Неужели теперь она сама и все, что касается ее – хотя каким именно образом, она не понимала, – отныне будет обсуждаться ими двоими, а ей придется пребывать в полном неведении? В сердце ее вонзилась горькая заноза ревности. Теперь она могла с равным успехом отправиться как в Эшкомб, так и куда-либо еще. Думать в первую очередь о счастье других – это, конечно, очень хорошо и мило, но разве это не означает полностью отказаться от собственной индивидуальности и задушить в себе ростки любви и желания, которые только и делают ее той, кем она является на самом деле? Тем не менее, похоже, в полном отказе от собственного «я» отныне и заключалось ее единственное утешение. Во всяком случае, так сейчас казалось Молли. Витая в столь высоких или, точнее, приземленных эмпиреях, она почти не обращала никакого внимания на разговор вокруг. Третий и впрямь оказался лишним, когда между остальными двумя членами компании возникло полное доверие, в котором ей было отказано. Она была положительно несчастлива, а ее отец ничего не замечал, потому что был полностью поглощен планами на будущее и своей новой женой. Но в действительности от его внимания ничего не ускользнуло, и ему было очень жаль свою маленькую дочурку. Вот только мистер Гибсон полагал, что их семью ждет большое семейное счастье в будущем, если он не станет навязывать Молли свои чувства, облекая их в слова. В общем и целом его план был таков: подавить чувства и эмоции, ничем не проявляя тех симпатий и сочувствия, которые он испытывал. Тем не менее, уходя, он надолго задержал ладошку Молли в своих руках, причем совсем не так, как только что простился с миссис Киркпатрик, и голос его смягчился, когда он пожелал своей маленькой девочке покойной ночи, добавив (чего с ним никогда не случалось ранее):

– Да благословит тебя Господь, дитя мое!

Молли держалась молодцом весь этот долгий день. Она ни разу не выказала гнева, отвращения, раздражения или сожаления, но, оставшись одна в экипаже Хэмли, девушка буквально разрыдалась и проплакала всю обратную дорогу до деревушки. Здесь она тщетно попыталась скрыть следы слез и прочих признаков своего горя. Она надеялась, что сумеет незамеченной проскользнуть наверх к себе в комнату и умыться холодной водой, прежде чем

предстать перед хозяевами дома. Но у дверей в холл она нос к носу столкнулась с Роджером и сквайром, возвращавшимися после полуденной прогулки в саду и радушно предложившими ей свою помощь. Роджер моментально заметил, в каком расположении духа она пребывает, и сказал:

– Моя мать вот уже целый час ожидает вашего возвращения. – И первым направился в гостиную.

Но миссис Хэмли там не оказалось. Сквайр приотстал, чтобы поговорить с кучером об одной из лошадей, и молодые люди остались одни. Роджер продолжал:

– Боюсь, у вас был очень долгий и утомительный день. Я несколько раз вспоминал о вас, потому что знаю, как нелегко найти общий язык с новыми родственниками.

– Благодарю вас, – сказала Молли, и губы ее задрожали, она была готова вновь расплакаться. – Я очень старалась помнить о том, что вы мне говорили, и больше думать о других, но иногда это бывает так трудно... Да вы и сами это знаете, не так ли?

– Да, знаю, – сумрачно подтвердил он.

Роджер был вознагражден тем простым признанием, что она приняла близко к сердцу его слова и даже попыталась руководствоваться ими. В сущности, он ведь был очень молодым еще человеком и потому почувствовал себя польщенным. Пожалуй, именно это обстоятельство и подвигло его дать ей новый совет, на этот раз щедро разбавленный сочувствием. Роджер не хотел лишиться ее доверия, что, как он подозревал, со столь наивной и безыскусной натурой было бы чрезвычайно легко. Нет, он хотел помочь ей, предложив еще несколько принципов, на которые привык полагаться сам.

– Это и впрямь трудно, – признал он, – но со временем вы сами убедитесь, что они сделали вашу жизнь счастливее.

– Это невозможно, – печально проговорила Молли, качая головой. – Пытаться быть такой, какой меня хотят видеть другие, – дело утомительное и скучное, и я бы лишь погубила себя. Я не вижу здесь никакого выхода. Уж лучше тогда совсем не рождаться на свет. Что же до счастья, о котором вы говорите, то я более никогда не буду счастлива.

В том, что она говорила, чувствовалась какая-то подсознательная глубинная убежденность, и Роджер поначалу даже не нашелся что ответить. Куда легче оказалось опровергнуть уверения семнадцатилетней девушки в том, что она никогда больше не будет счастлива.

– Ерунда! Не исключено, что через десять лет, оглядываясь на нынешние испытания, вы сочтете их сущими пустяками.

– Пожалуй, они действительно выглядят глупыми. Допускаю, что спустя некоторое время все наши земные тяготы и впрямь покажутся нам пустяками, как сейчас они кажутся таковыми ангелам. Но мы – то, что мы есть, и есть сейчас, а не когда-нибудь потом, спустя долгое время. И еще мы – не ангелы, которые могут утешаться тем, что знают, чем все закончится.

До сих пор ей еще никогда не приходилось держать перед ним столь долгую речь. Они стояли рядом, она не сводила с него глаз и в конце слегка зарделась, сама не зная почему. Впрочем, и Роджер не отдавал себе отчета в том, отчего испытывает такое несказанное удовольствие, глядя в ее простое выразительное личико, и на мгновение забылся настолько, что перестал понимать, о чем она говорит, испытывая лишь жалость к ее печальной искренности. Но уже через мгновение он вновь пришел в себя. Но какое же это невероятное удовольствие даже для умудренного жизнью и опытом молодого человека двадцати одного года, когда на него снизу вверх, словно на Ментора с большой буквы, смотрит семнадцатилетняя девушка!

– Да, я все понимаю, вы правы: мы живем именно *сейчас*. Так что давайте не будем углубляться в метафизику, – сказал он, и Молли от удивления широко распахнула глаза. Получается, она, сама того не зная, заговорила о метафизике? – Каждого из нас в жизни

ждет множество испытаний, преодолевать которые придется одно за другим, потихоньку и полегоньку. А, вот и моя мать! Она объяснит вам все куда лучше меня.

Таким образом, *tête-à-tête* превратился в трио. Миссис Хэмли прилегла, ей нездоровилось весь день. По ее словам, она очень скучала о Молли, и теперь ей хотелось во всех подробностях услышать рассказ о приключениях, поджидавших девушку в Тауэрз. Молли опустилась на табуретку в изголовье софы, а Роджер, хотя поначалу и взялся за книгу, углубившись в нее, чтобы не мешать, вскоре понял, что не понимает ни слова из прочитанного. Рассказ Молли оказался чрезвычайно интересным и занимательным, да и, кроме того, раз уж он вызвался помогать ей в трудную минуту, разве не было его обязанностью ознакомиться со всеми обстоятельствами ее дела?

Такое положение вещей сохранялось вплоть до самого отъезда Молли из Хэмли. Миссис Хэмли искренне сочувствовала ей даже в мелочах; как говорят французы, ее сочувствие распространялось *en détail*³⁰, а *сквайра* – *en gros*³¹. Последний воспринял ее невзгоды близко к сердцу и даже отчасти винил себя в этом, словно навлек на девушку все неприятности тем, что упомянул о возможной повторной женитьбе мистера Гибсона, едва только Молли появилась у них. Он не единожды говорил супруге:

– Клянусь честью, мне вообще не следовало упоминать об этом тогда, за нашим первым ужином. Вы помните, как она приняла мои слова? Как пророчество того, что должно было произойти. С того самого дня она выглядит бледной, и я готов биться об заклад, что она больше ни разу не получала удовольствия от еды. В будущем мне следует быть осторожнее с тем, что я говорю. При этом я вовсе не хочу сказать, будто Гибсон поступает неправильно, нет. Он поступает именно так, как будет лучше и для него, и для нее. Давеча я и сам сказал ему об этом. Тем не менее мне жаль девчонку. И я сожалею, что вообще заговорил об этом, клянусь! Мои слова и впрямь оказались пророческими, верно?

Роджер тоже старался отыскать благоразумный и подходящий способ утешить Молли, потому что он, хотя и по-своему, от всей души жалел девушку, которая прилагала все силы к тому, чтобы, несмотря на собственные горести, выглядеть веселой и жизнерадостной ради его матери. Ему казалось, будто высокие принципы и благородные наставления могут помочь делу. Но он ошибался, поскольку у каждого из нас имеются свои чувства и опыт, нередко вступающие в противоречие с чужими советами, пусть даже данными из самых лучших побуждений. Но связь между Ментором и его Телемахом становилась прочнее день ото дня. Он старался отвлечь девушку от черных мыслей, направив их в область, отличную от ее личных интересов. Вполне естественно, что его собственные увлечения оказались здесь как нельзя более кстати. Молли чувствовала, что Роджер заботится о ней и помогает, хотя и не понимала, как и почему, но после разговоров с ним она неизменно полагала, что знает, как творить добро, пусть даже весь мир ополчится на нее.

³⁰ En détail – во всех подробностях; в розницу (фр.).

³¹ En gros – в целом; оптом (фр.).

Глава 12. Подготовка к свадьбе

Тем временем любовная интрига парочки средних лет развивалась вполне успешно, хотя и по своим собственным канонам, которые устраивали их как нельзя лучше, несмотря на то, что могли показаться скучными и прозаичными людям более молодого возраста. Получив известия от своей супруги, в Тауэрз в радостном и приподнятом расположении духа прибыл лорд Камнор. Он, похоже, тоже был склонен полагать, что принял самое активное участие в сватовстве хотя бы уже тем, что просто заикнулся о нем. И по этому поводу он считал возможным обратиться к леди Камнор со следующими словами:

– Ну вот, все так, как я вам и говорил. Разве я не сказал вам, что роман Гибсона и Клэр – как раз то, что им нужно? Уже и не припомню, когда я в последний раз бывал так доволен чем-либо. Вы, разумеется, можете презирать сводничество и сватовство, миледи, но я лично горжусь ими. Теперь, после такого успеха, я уж точно продолжу искать подходящие пары среди своих знакомых средних лет. Правда, с молодыми людьми я связываться не намерен: у них слишком богатое воображение. Но раз уж я добился желаемого в этом деле, то буду продолжать и дальше.

– Продолжать что? – сухо осведомилась леди Камнор.

– О, планирование, конечно! Вы же не станете отрицать, что это я задумал этот союз.

– Не думаю, что своим планированием вы принесете какую-либо пользу, впрочем, как и вред, – отозвалась она, демонстрируя несомненный здравый смысл.

– Это наводит людей на нужные мысли, дорогая.

– Да, если вы расскажете им о своих планах, то это, разумеется, наведет их на нужные мысли. Но ведь в данном случае вы не разговаривали ни с мистером Гибсоном, ни с Клэр, не так ли?

Перед внутренним взором миледи всплыл тот забавный момент, когда Клэр наткнулась на приснопамятный пассаж в письме лорда Камнора, но она не стала ничего говорить о нем супругу, предоставив ему возможность самостоятельно выпутываться из затруднительного положения.

– Нет! Я не разговаривал ни с кем из них, разумеется, не разговаривал.

– В таком случае вы, без сомнений, обладаете даром месмерического³² внушения, поскольку сумели навязать им свою волю, если уж намерены присвоить себе все лавры за участие в организации этого союза, – безжалостно продолжала его супруга.

– Право слово, затрудняюсь ответить. Нет смысла оглядываться назад и вспоминать, что я говорил, а что – нет. Я удовлетворен достигнутым, и мне этого вполне довольно, а потому я намерен продемонстрировать им, какое получил удовольствие. Я подарю Клэр какую-нибудь безделушку и устрою им завтрак в Манор-хаусе в Эшкомбе. Я лично напишу Престону и отдам необходимые распоряжения. Когда, вы говорите, они должны пожениться?

– Думаю, им лучше подождать до Рождества, о чем я и поставила их в известность. Дети получают удовольствие, побывав на свадьбе в Эшкомбе. Я всегда волнуюсь, что, если погода на каникулах окажется плохой, им будет скучно в Тауэрз. Когда стоит мороз, это совсем другое дело, ведь тогда они могут кататься в парке на коньках и санках. Но в последние два года случалась такая слякоть, что их нельзя не пожалеть, бедняжек!

³² Согласно теории немецкого врача и астролога эпохи Просвещения Фридриха Месмера, которая была популярна в XVIII–XIX вв., люди выделяют особого рода магнитную энергию, или флюиды, которые позволяют им устанавливать телепатическую связь друг с другом. (Примеч. ред.)

– А остальные бедняжки согласятся ждать, чтобы устроить праздник для ваших внуков? «Устроить римские каникулы». Кажется, у Поупа³³ или кого-то еще есть такие строчки. «Устроить римские каникулы...» – повторил милорд, весьма довольный тем, что способен цитировать фразы классиков по памяти.

– Эти слова принадлежат Байрону, и они не имеют ни малейшего касательства к тому, о чем мы с вами говорим. Я удивлена, что ваша милость цитирует Байрона, который был крайне аморальным стихоплетом.

– Я видел, как он принимал присягу в палате лордов, – извиняющимся тоном пояснил лорд Камнор.

– Довольно! Чем меньше о нем вспоминать, тем лучше, – отрезала леди Камнор. – Я уже заявила Клэр, что ей лучше не думать о том, чтобы выйти замуж до Рождества, и что бросать школу в такой спешке не годится.

Но Клэр вовсе не собиралась дожидаться Рождества; в кои-то веки она осмелилась пойти против воли графини, не прибегая, впрочем, ни к открытой оппозиции, ни к бурным выражениям протеста. Гораздо труднее оказалось разубедить мистера Гибсона приглашать Синтию на свадьбу, пусть даже после нее девушка должна была немедленно вернуться в свою школу в Булони. Поначалу Клэр заявила, что этот план представляется ей восхитительным и очаровательным, а потом добавила, что она опасается, что ради того, чтобы иметь своего дорогого ребенка подле себя, ей придется отказаться от собственных желаний, потому что поездка, дескать, обойдется непомерно дорого.

Но у мистера Гибсона, крайне экономного в повседневных расходах, оказалась по-настоящему щедрая душа. Он уже продемонстрировал это, отказавшись от права на пожизненное владение очень небольшой земельной собственностью своей будущей супруги, оставленной ей покойным мистером Киркпатриком, в пользу Синтии; при этом он предпринял меры, необходимые для того, чтобы по окончании школы она бы приехала к нему домой в качестве его дочери. Доход от этой собственности составлял тридцать фунтов в год. И теперь, решая вопрос относительно присутствия дочери Клэр на их свадьбе, он вручил миссис Киркпатрик три пятифунтовые банкноты, заявив, что эти деньги должны помочь преодолеть препятствия для приезда Синтии. В тот момент миссис Киркпатрик была склонна согласиться с ним и, поддавшись влиянию его личности, внушила себе, будто таково и ее желание. Если бы письмо и деньги были бы отправлены в тот же самый день, пока длилось это очарование, то Синтия, пожалуй, и впрямь стала бы подружкой невесты для своей матери. Но написать письмо помешала сотня мелких недоразумений и прочих хлопот, и к следующему дню материнская любовь несколько поубавилась; ценность же денег, напротив, возросла: они были очень нужны самой миссис Киркпатрик, ведь они всегда доставались ей тяжким трудом. При этом представляющаяся необходимой разлука матери с дочерью уменьшала количество выражений привязанности, коими она должна была осыпать свое дитя. Итак, миссис Киркпатрик вновь сумела убедить себя в том, что было бы неразумно отрывать Синтию от учебы и препятствовать исполнению дочерью ее обязанностей сразу же после начала семестра. И она написала письмо мадам Лефевр, в котором настолько убедительно изложила вышеозначенные доводы, что полученный ею ответ буквально повторял их слово в слово. Суть этого послания была передана мистеру Гибсону, чье владение французским языком оставляло желать лучшего, и досадное недоразумение было улажено к его негромкому, но искреннему сожалению. А вот пятнадцать фунтов обратно к нему так и не вернулись. Собственно говоря, не только эта сумма, но и большая часть из той сотни фунтов, что лорд Камнор пожаловал ей в качестве приданого, ушли на то, чтобы покрыть ее долги в Эшкомбе; поскольку с тех пор, как миссис Киркпатрик возглавила школу, ее можно было

³³ Александр Поуп (1688–1744) – английский поэт XVIII века, один из крупнейших авторов британского классицизма.

назвать какой угодно, только не процветающей. К ее чести следует заметить, что она предпочла рассчитаться с долгами, а не тратить деньги на пышный свадебный наряд и украшения. Это было одно из тех достоинств, за которые миссис Киркпатрик следовало уважать, — она всегда аккуратно оплачивала счета магазинов, с которыми имела дело; пожалуй, можно сказать, что в таких случаях в ней просыпалось чувство долга. Какими бы недостатками ни грешила ее легкомысленная и поверхностная натура, она всегда испытывала неловкость до тех пор, пока полностью не рассчитывалась с долгами. Тем не менее угрызения совести не помешали ей присвоить деньги будущего супруга и пустить их на собственные нужды, как только было решено, что они не будут использованы по первоначальному предназначению. Все те предметы и безделушки, что она на них приобрела, должны были произвести неизгладимое впечатление на женскую половину Холлингфорда. Она с легкостью убедила себя в том, что постельное, столовое, равно как и нижнее белье, никто не увидит, а вот каждое надетое ею платье непременно даст обильную пищу для пересудов в маленьком городке.

Как результат, запас ее нижнего белья отличался крайней ограниченностью, а нового у нее не было вовсе. Зато оно было очень изящным, и она аккуратно штопала его своими ловкими пальчиками в те долгие вечера, когда просиживала за этой работой, уложив своих воспитанниц спать и говоря себе, что уж в следующий раз шитьем вместо нее будет заниматься кто-либо иной. И впрямь, в такие часы в памяти у нее всплывали многочисленные случаи и обстоятельства, когда она вынуждена была повиноваться чужой воле, и Клэр давала себе слово, что они никогда более не повторятся. Люди вообще склонны преувеличивать ценность нового образа жизни, отличного от того, к которому они привыкли, надеясь, что уж он-то будет свободен от забот и тревог! Она вдруг вспомнила, как однажды нынешним летом в Тауэрз, уже будучи помолвлена с мистером Гибсоном, провела битый час перед зеркалом, укладывая волосы в новую прическу, тщательно скопированную из модного журнала миссис Брэдли, после чего сошла вниз во всем великолепии, ожидая своего возлюбленного. Но леди Камнор безжалостно отправила ее обратно, словно она была несмышленной девочкой, и велела уложить волосы по-старому, дабы не строить из себя посмешище! В другой раз ее заставили переодеться в платье, которое, по ее мнению, шло ей куда меньше, зато вполне соответствовало вкусам леди Камнор. По большому счету, все это были пустяки, но пустяки, служившие недавними и живыми примерами того, что ей приходилось терпеть и сносить на протяжении долгих лет. И ее привязанность к мистеру Гибсону возрастала пропорционально тому сонму мелких и крупных несчастий, средством избавления от которых он должен был стать. В конце концов, это время надежд и кропотливого шитья, изредка разбавляемое обучением, нельзя было назвать таким уж неприятным. Вопрос со свадебным платьем был решен. Его должны были презентовать ей ее бывшие воспитанницы из поместья Тауэрз, как и вообще одеть с головы до пят в этот достопамятный день. Лорд Камнор, как мы уже упоминали выше, подарил ей сотню фунтов в качестве приданого и дал мистеру Престону *carte-blanc*³⁴ в отношении свадебного завтрака, который должен был состояться в старой зале Манор-хауса в Эшкомбе. Леди Камнор, несколько раздосадованная тем, что свадебная церемония не была отложена до рождественских каникул ее внуков, тем не менее подарила миссис Киркпатрик превосходные часы с цепочкой английской работы, куда более увесистые и неудобные, зато намного более надежные, чем та иностранная безделица, что так долго провисела у нее на талии, часто вводя ее в заблуждение.

Таким образом, приготовления Клэр продвигались вперед весьма успешно, тогда как мистер Гибсон пока что не предпринял ровным счетом ничего, дабы привести собственное жилище в приличествующий его новому статусу вид. Он знал, что должен сделать что-нибудь. Но что именно? С чего начать, когда вокруг столько работы, а у него так мало вре-

³⁴ Carte-blanc — карт-бланш; свобода действий (*фр.*).

мени для надзора? В конце концов, после долгих размышлений он принял весьма мудрое решение попросить одну из мисс Браунинг по старой дружбе взять на себя заботы о необходимых приготовлениях в его доме, которые нужно было сделать в первую очередь, а все прочие украшения и отделку отдать на откуп своей будущей супруге. Но, прежде чем обратиться к обеим мисс Браунинг с подобной просьбой, он должен был рассказать им о своей помолвке, которую до сих пор держали в тайне от городских обывателей, объяснявших его частые визиты в Тауэрз состоянием здоровья графини. Мистер Гибсон представил, с каким злорадством хихикал бы за спиной вдовца зрелого возраста, который явился бы к нему с признанием, подобным тому, что он сам собирался сделать обеим мисс Браунинг. Мысль о предстоящем визите вызвала у него нескрываемое отвращение, но делать было нечего, и однажды вечером он нанес им «случайный», как они выразились, визит и поведал свою историю. В конце первой главы – то есть в конце повествования о «телячьих нежностях» мистера Кокса – мисс Браунинг удивленно всплеснула руками.

– Подумать только! Молли, которую я помню совсем еще крохой, обзавелась возлюбленным! Однако! Сестрица Феба, – позвала она сестру, которая как раз входила в комнату, – у нас для тебя невероятные новости! У Молли Гибсон появился возлюбленный! Можно даже сказать, что ей едва не сделали предложение руки и сердца! Не правда ли, мистер Гибсон? А ведь ей всего шестнадцать!

– Семнадцать, сестрица, – поправила ее мисс Феба, гордившаяся тем, что знала все о домашних делах дорогого мистера Гибсона. – Ей исполнилось семнадцать 22 июня.

– Что ж, будь по-твоему. Семнадцать, если тебе так больше нравится! – нетерпеливо бросила мисс Браунинг. – Но факт остается фактом – у нее есть возлюбленный. А мне казалось, что еще вчера она бегала в коротких штанишках.

– Уверена, что ее история настоящей любви будет развиваться красиво и гладко, – заявила мисс Феба.

Мистер Гибсон понял, что настал его черед, ведь эта история не была рассказана еще и наполовину, а он не хотел, чтобы они слишком уж углубились в дебри рассуждений о любовной интрижке Молли.

– Молли об этом ничего не знает. Я даже не заикался о ней никому, кроме вас двоих и еще одного старого друга. Я хорошенько выбрал Кокса и сделал все, чтобы удержать его привязанность, как он сам выразился, в рамках приличий. Но при этом я решительно не представлял, что делать с Молли. Мисс Эйре уехала, а оставить их двоих в доме без присутствия достойной доверия женщины я, сами понимаете, просто не мог.

– Ах, мистер Гибсон! Почему же вы не отправили ее к нам? – прервала его мисс Браунинг. – Мы бы сделали для вас все, что в наших силах. Ради вас и ради ее бедной покойной матери...

– Благодарю вас. Я не сомневался в вас, но нельзя же было оставить ее в Холлингфорде как раз тогда, когда Кокса охватил праведный пыл влюбленности. Правда, сейчас ему уже лучше. После показательного голодания, которое он счел нужным продемонстрировать, аппетит вернулся к нему с удвоенной силой. Только вчера он съел три порции пудинга из черной смородины.

– Вы, пожалуй, слишком уж великодушны, мистер Гибсон. Три порции! И ровно столько же мяса, смею предположить?

– А! Я упомянул об этом только потому, что у молодых людей обычно наблюдаются качели между любовью и аппетитом, и посему третью порцию я счел хорошим знаком. Но, как вы понимаете, то, что случилось один раз, может повториться и в другой.

– Не знаю, право. Фебе однажды предлагали руку и сердце, – протянула мисс Браунинг.

– Ш-ш, тише, сестрица! Если мы станем говорить об этом, это может оскорбить его чувства.

– Какой вздор, дитя мое! Это было двадцать пять лет тому, а теперь уже и его старшая дочь сама вышла замуж.

– Признаю, он не отличался постоянством, – умоляюще проговорила мисс Феба своим тонким и нежным голосом. – Отнюдь не все мужчины – в отличие от вас, мистер Гибсон, – готовы хранить верность своей первой любви.

Мистер Гибсон поморщился. Его первой любовью была Джинни, но ее имя никогда не упоминалось в Холлингфорде. Его супруга – добропорядочная, славная, красивая и любимая, пока была жива, – не была его второй и даже третьей любовью. Вдобавок сейчас ему предстояло сделать признание в намерении жениться во второй раз.

– Так-то оно так, – сказал он. – Во всяком случае, я решил, что должен сделать что-либо, дабы уберечь Молли от подобных авантур, пока она еще слишком юна и пока я сам не санкционирую нечто в этом роде. Маленький племянник мисс Эйре заболел скарлатиной...

– Ах! Какое невнимание с моей стороны – не справиться о его здоровье. Как себя чувствует маленький бедняжка?

– Хуже... лучше. Это не имеет никакого отношения к тому, что я собираюсь сказать. В общем, дело обстояло таким образом, что мисс Эйре не сможет вернуться в мой дом еще некоторое время, а я больше не мог оставить Молли и дальше жить в Хэмли.

– Ага! Теперь понимаю, чем был вызван столь внезапный визит в Хэмли. Право слово, это так романтично.

– Мне так нравится слушать об историях любви, – промолвила мисс Феба.

– В таком случае, если вы дадите мне возможность продолжить, то услышите о моей, – заявил мистер Гибсон, начиная терять терпение, оттого что его без конца прерывают.

– Вашей! – пролепетала мисс Феба.

– Господи, спаси и сохрани! – с куда меньшим чувством проговорила мисс Браунинг. – Что же будет дальше?

– Моя женитьба, надеюсь, – ответил мистер Гибсон, принимая ее удивление за чистую монету. – Именно об этом я и пришел поговорить с вами.

Слабый лучик надежды вспыхнул в груди мисс Фебы. Она часто говорила сестре, завивая волосы (дамы носили локоны в те времена), что «единственным мужчиной, который может заставить ее задуматься об узах брака», был мистер Гибсон. И что если он когда-либо сделает ей предложение, то «в память о бедной Мэри она сочтет себя обязанной принять его». Впрочем, при этом она не объясняла, в чем должно заключаться удовлетворение, которое она даст покойной подруге, выйдя замуж за ее последнего супруга. Феба принялась нервно перебирать концы своего черного атласного передника. Подобно халифу из восточных сказок, в одно мгновение перед нею пронеслась череда возможностей длиною в жизнь. Но самым главным вопросом оставался следующий: сможет ли она оставить сестру? Живи настоящим, Феба, и послушай, о чем идет речь, прежде чем тревожиться из-за дилеммы, которая никогда не случится.

– Разумеется, я не мог не беспокоиться о том, кто должен стать хозяйкой в моей семье и матерью моей девочки. Но, полагаю, наконец-то я принял решение. Леди, на которой я остановил свой выбор...

– Скажите же нам немедленно, кто она такая, не томите! – воскликнула прямая и непосредственная мисс Браунинг.

– Миссис Киркпатрик, – сообщил новоявленный жених.

– Как! Гувернантка из Тауэрз, с которой так носится графиня?

– Да, они ее очень ценят, и весьма заслуженно. Сейчас она держит школу в Эшкомбе и привычна к ведению домашнего хозяйства. Она воспитывала юных леди в Тауэрз, и у нее имеется собственная дочь, так что она, скорее всего, выкажет теплые материнские чувства по отношению к Молли.

– Она всегда выглядит очень элегантно, – заявила мисс Феба, посчитавшая своим долгом сказать что-либо хвалебное, дабы скрыть мысли, только что промелькнувшие у нее в голове. – Я видела, как она возвращалась в экипаже вместе с графиней. Очень красивая женщина, должна признать.

– Какой вздор, сестрица, – возразила мисс Браунинг. – Какое отношение к этому делу имеет ее красота или элегантность? Или тебе знаком хоть один вдовец, решивший сочетаться повторным браком из-за таких пустяков? В таких случаях всегда следует руководствоваться чувством долга, не правда ли, мистер Гибсон? Одному нужна экономка, другому требуется мать для его детей, третий полагает, что это понравилось бы его покойной супруге.

Пожалуй, старшей сестре тоже пришла в голову мысль о том, что мистеру Гибсону следовало бы остановить свой выбор на Фебе, поскольку в голосе ее прозвучала нескрываемая язвительность. Мистер Гибсон, впрочем, был вполне привычен к этому и потому решил не обращать на нее внимания.

– Будь по-вашему, мисс Браунинг. Вы так безошибочно разгадали мои мотивы, хотя сам я с ними еще не определился. Зато я совершенно точно знаю, что не желаю терять своих старых друзей, и потому прошу их любить мою будущую жену хотя бы ради меня. На всем белом свете я не знаю других таких женщин, за исключением Молли и миссис Киркпатрик, к кому я относился бы с таким же уважением, как к вам. Кроме того, я хотел спросить, не могла бы Молли погостить у вас до моего бракосочетания?

– Вы могли бы попросить нас об этом, прежде чем обращаться с подобной просьбой к миссис Хэмли, – ответствовала мисс Браунинг, делая над собой усилие, дабы сменить гнев на милость. – Мы – ваши старые друзья. И мы были подругами ее покойной матери, хотя и не принадлежим к сливкам местного общества.

– Это несправедливо, – заявил мистер Гибсон. – И вы сами знаете об этом.

– Нет, не знаю. Вы неизменно предпочитаете общество лорда Холлингфорда, когда вам удастся заполучить его, и едва ли не намеренно избегаете мистера Гуденоу или мистера Смита. А еще вы постоянно бываете в Хэмли.

Мисс Браунинг была не из тех, кто сдается легко.

– Я ищу общества лорда Холлингфорда, как искал бы общества любого человека его знаний, вне зависимости от титула или занимаемой должности, будь то младший учитель, плотник или сапожник. Главное, чтобы они обладали свойствами ума, которые понятны и близки мне. Мистер Гуденоу – превосходный стряпчий, прекрасно разбирающийся в хитро-сплетениях местной политики, но больше его, увы, ничто не интересует.

– Хорошо-хорошо, не будем спорить. От этого у меня всегда начинает болеть голова, что может подтвердить Феба. Я не имела в виду ничего такого. Этого довольно, не правда ли? Я согласна взять обратно любые свои слова, лишь бы избежать ненужных препирательств. Так о чем мы говорили до того, как вы пустились в рассуждения?

– О том, что дорогая маленькая Молли нанесет нам визит, – подсказала мисс Феба.

– Я должен был обратиться к вам с самого начала, вот только Кокс буквально впал в неистовство со своей любовью. Я не знал, чего еще от него можно ожидать и какие неприятности он способен доставить и Молли, и вам. Но сейчас он изрядно поостыл, как мне представляется. Отсутствие объекта воздыханий оказывает успокаивающее действие, и теперь я полагаю, что Молли может без опаски находиться с ним в одном городе, если не считать нескольких вздохов, кои способна вырвать у него случайная встреча с нею. Но я хочу попросить вас еще об одном одолжении, так что сами видите, мне совсем не с руки препираться с вами, мисс Браунинг. Напротив, я хочу предстать перед вами в роли смиренного просителя. Что-то нужно сделать с домом, дабы подготовить его для будущей миссис Гибсон. Он отчаянно нуждается в покраске и смене обоев, да и в новой мебели, пожалуй, но я положительно не представляю, с чего начать. Не будете ли вы так добры взглянуть на него и решить, на

что можно употребить сотню фунтов? Стены в столовой необходимо покрасить, обои для гостиной мы оставим ее выбору, и у меня есть немного свободных денег, чтобы она сама занялась этой комнатой. Но вот весь остальной дом я бы поручил вашему вниманию, если только вы согласитесь помочь старому другу.

Подобная задача пришла по вкусу мисс Браунинг, учитывая ее властолюбивую натуру. Распоряжение деньгами подразумевало патронаж над местным торговым людом, чем она с удовольствием занималась при жизни отца, но чего была напрочь лишена после его кончины. Уверенность мистера Гибсона в наличии у нее хорошего вкуса и бережливости моментально вернула ей добродушное расположение духа, тогда как мисс Феба уже предвкушала все удовольствия, связанные с визитом Молли.

Глава 13. Новые друзья Молли Гибсон

Время летело быстро; наступила уже середина августа, так что если с домом и можно было что-либо сделать, то делать это следовало немедленно. И впрямь, уже через несколько дней предварительная договоренность мистера Гибсона с обеими мисс Браунинг отнюдь не казалась поспешной или преждевременной. Сквайр получил известия, что Осборн все-таки намерен заглянуть домой на несколько дней перед тем, как отправиться за границу, и хотя растущая близость между Роджером и Молли ничуть его не тревожила, он едва не ударился в панику при мысли о том, что его наследник может увлечься дочкой местного эскулапа. Он настолько спешил избавиться от нее до того момента, как Осборн вернется домой, что его супруга пребывала в постоянном страхе, как бы их гостя не заметила очевидного и не оскорбилась.

Каждая девушка лет семнадцати или около того, способная к размышлениям, склонна творить себе кумира из первого же встречного, который представит ей новую или расширенную систему моральных ценностей, отличную от той, какой она подсознательно руководствовалась до этого. Таким кумиром и стал для Молли Роджер. Она хотела знать его мнение и полагалась на его авторитет практически по любому поводу, хотя он ограничился лишь парой слов, отчего они обрели силу непреложной заповеди – надежных принципов, коими она должна была руководствоваться в своем поведении, тем самым признав естественное превосходство молодого высокообразованного человека выдающегося ума перед невежественной девушкой семнадцати лет, способной тем не менее к должному восприятию и не чуждой благодарности. Но, несмотря на то, что они чрезвычайно сблизились в таких вот приятных взаимоотношениях, оба представляли себе в совершенно ином свете того, кто в будущем должен был завладеть их сердцами, – свою единственную и настоящую любовь. Роджер рассчитывал найти возвышенную и серьезную даму, равную ему по уму, которой он мог бы поклоняться; прекрасной наружности, безмятежного нрава и мудрости, всегда готовую дать совет – словом, такую, как Эгерия³⁵. Робкие же девичьи мечты Молли целиком и полностью занимал неведомый Осборн, являвшийся ей то в образе трубадура, то рыцаря на белом коне, о которых он писал в одном из своих стихотворений; скорее, впрочем, кто-нибудь, похожий на Осборна, нежели Осборн собственной персоной, поскольку она страшилась облечь своего будущего героя в кровь и плоть. Так что сквайр действовал вполне разумно, желая отослать ее из своего дома до возвращения Осборна, особенно если хотел сохранить ее душевное спокойствие. Но когда она действительно уехала из поместья, он принялся ужасно скучать по ней. Так приятно было иметь рядом эту девушку, выполняющую необременительные обязанности дочери, оживляющую семейные трапезы, когда весь разговор за столом зачастую велся исключительно между ним и Роджером, своим присутствием, наивными вопросами, неподдельным интересом к предмету их беседы и веселыми репликами в ответ на его добродушное подтрунивание.

Да и Роджер скучал по ней. Иногда ее замечания оказывались необычайно здравомыслящими и заставляли его углубляться в очередной предмет его интересов, чему он предавался с превеликой радостью. В другой раз он чувствовал, что действительно приходит ей на помощь в трудную минуту или пробуждает интерес к книгам, представлявшим более серьезные материи, нежели рыцарские романы или поэзия, коими она увлекалась до сих пор. Он ощущал себя внимательным наставником, которого вдруг лишили самого многообещающего из его учеников. Молодой человек спрашивал себя, как же она будет обходиться без

³⁵ Эгерия – в римской мифологии обладающая даром пророчества нимфа священного ручья, из которого жрицы весталки черпали воду для храма богини Весты.

него, не повергнут ли ее в растерянность и недоумение те книги, что он дал ей почитать, и как она сумеет найти общий язык со своей мачехой? Первые несколько дней после отъезда из поместья она изрядно занимала его мысли. Но дольше и сильнее всех сожалела о разлуке с девушкой миссис Хэмли. Молли заняла в ее сердце место дочери, и теперь ей не доставало чисто женского общения, игривой заботы, нежности, искреннего внимания, откровенной потребности в симпатии и сочувствии, которые Молли так часто демонстрировала в последнее время. Словом, отзывчивая и сердобольная миссис Хэмли поллюбила девушку всей душой.

Молли тоже не осталась равнодушной к смене окружения. Она винила себя за то, что столь остро чувствует произошедшие с нею перемены. Но она не могла не замечать того, что вследствие пребывания в Хэмли-холле обрела некий лоск и утонченность. Ее старые добрые друзья, обе мисс Браунинг, настолько потакали ей и баловали ее, что она стыдилась того, что замечает грубость и резкость их голосов, провинциальное произношение, полное отсутствие интереса к тому, как устроен мир, и жадное любопытство в отношении мельчайших подробностей чьей-либо личной жизни. Они задавали ей такие вопросы о ее будущей мачехе, на которые она попросту не знала, что ответить, ибо верность и любовь к отцу не позволяли ей высказаться прямо и откровенно.

Молли неизменно радовалась, когда они начинали расспрашивать ее о событиях в Холле; девушка настолько поллюбила там всех, включая собак, что отвечать ей было совсем нетрудно, и она ничуть не возражала против того, чтобы посвятить их во все подробности, вплоть до покроя больничных платьев, которые носила миссис Хэмли, или того, какое вино предпочитает за обедом сквайр. По сути, эти разговоры позволяли ей лишний раз вспомнить счастливейшее время своей жизни. Но однажды вечером, когда они собрались вместе после чаепития в маленькой гостиной наверху, выходящей на Хай-стрит, и Молли в который уже раз принялась перечислять многочисленные радости и забавы Хэмли-холла, повествуя об обширных знаниях Роджера в области естественных наук и продемонстрированных им диковинках, ее вдруг повергла в смятение следующая реплика:

– Похоже, ты проводила много времени в обществе мистера Роджера, Молли! – обронила мисс Браунинг таким тоном, который должен был многое сказать ее сестре, и ровным счетом ничего – самой Молли. – Но: «...куснувши, околела тварь, а праведник – живой»³⁶.

Молли сразу же отметила многозначительный тон мисс Браунинг, которым были сказаны эти слова, хотя причина и ускользнула от нее. Что до мисс Фебы, то она как раз довязывала пятку носка и настолько увлеклась своим делом, что не обратила должного внимания на кивания и подмигивания сестры.

– Да, он был очень добр ко мне, – медленно проговорила Молли, удивляясь странным манерам мисс Браунинг и не желая рассказывать дальше, пока не уяснит для себя, что скрывается за этим вопросом.

– Смею надеяться, вскоре ты вновь отправишься в Хэмли? Чтобы ты знала, Феба, он не старший сын! Не забивай мне голову своими «восемнадцать» или «девятнадцать», а лучше послушай. Молли рассказала нам о том, что часто виделась с мистером Роджером и что он был добр с нею. Мне всегда говорили, что он – очень милый молодой человек, дорогая. Расскажи нам о нем еще что-нибудь! Слушай внимательно, Феба! Как он был добр к тебе, Молли?

– Ну, он говорил мне, какие книги стоит читать, а однажды обратил мое внимание на то, сколько пчел...

– Пчел, дитя мое! Что ты имеешь в виду? Вы оба, должно быть, сошли с ума!

³⁶ «Элегия на смерть бешеной собаки» Оливера Голдсмита (1730–1774) – английского прозаика, поэта и драматурга ирландского происхождения, яркого представителя сентиментализма.

– Вовсе нет. Просто в Англии встречается около двухсот видов пчел, и он хотел обратить мое внимание на их отличие от мух. Мисс Браунинг, – продолжала Молли, покраснев, как маков цвет, – я прекрасно понимаю, на что вы намекаете, но вы ошибаетесь, причем очень сильно. Я не скажу более ни слова о Хэмли или мистере Роджере, если это наводит вас на столь глупые мысли.

– Скажите, пожалуйста! Вы только взгляните на эту юную леди, которая вздумала читать нотации старшим! Глупые мысли, надо же! Это у тебя в голове роятся глупые мысли, что твои пчелы. И позволю заметить тебе, Молли, что ты еще слишком молода, чтобы думать о возлюбленных.

Молли уже пару раз называли дерзкой и нахальной, и сейчас она вполне заслуженно позволила себе дерзость.

– Я ведь не говорила, что вкладываю в понятие «глупые мысли», мисс Браунинг. Вы согласны со мной, мисс Феба? Разве вы не видите, дорогая мисс Феба, что она все интерпретирует по-своему, как подсказывает ей воображение, особенно эти глупые разговоры насчет возлюбленных?

Молли буквально кипела от негодования, но, взывая к справедливости, она явно обратилась не к тому человеку. Мисс Феба попыталась восстановить мир в манере всех слабых персонажей, которые готовы закрыть глаза на непривлекательный вид язвы, вместо того чтобы попытаться излечить ее.

– Я в этом совершенно не разбираюсь, дорогая. Как мне представляется, Салли говорила правду, сущую правду. А еще мне кажется, милочка, что ты неправильно поняла ее или, быть может, это она неправильно поняла тебя, или же я неправильно понимаю вас обеих. Давайте более не будем говорить об этом. Сколько ты собиралась заплатить за драгет для столовой мистера Гибсона, сестрица?

Молли и мисс Браунинг остались весьма недовольны друг другом, и так продолжалось до самого вечера. Они пожелали друг другу спокойной ночи, проделав весь ритуал с самым ледяным и неприступным видом. Молли поднялась в свою маленькую спальню, чистую и опрятную, какой только может быть комнатка, где все – полог у кровати, занавески на окнах, стеганое покрывало – украшено лоскутным шитьем. Туалетный столик в японском стиле, покрытый натуральным лаком, имел множество маленьких выдвижных ящичков и прикрепленное к нему небольшое зеркало, искажавшее любое лицо, которому некстати вздумалось бы взглянуть в него. Комната эта казалась ей одной из самых изящных и роскошных, особенно по сравнению с ее собственной голой спальней, единственным украшением которой служила белая хлопчатобумажная ткань портьер и покрывала. И вот теперь, когда она спала в ней в качестве гостьи, все эти причудливые безделушки, завернутые в оберточную бумагу, на которые раньше она поглядывала с благоговейным восхищением, были выставлены для ее личного пользования. Но как же мало она заслуживала столь щедрого гостеприимства! Какую дерзость и неповиновение выказала! И как разозлилась и даже оскорбилась с тех пор! Она расплакалась от стыда и жалости к самой себе, когда вдруг раздался негромкий стук в дверь. Молли отворила ее. На пороге стояла мисс Браунинг в чудесном, затейливо пошитом ночном чепце и халате из набивного ситца, наброшенном поверх короткой белой ночной сорочки.

– Я боялась, что ты уже спишь, дитя мое, – мягко произнесла она, входя в комнату и закрывая за собой дверь. – Но я хотела сказать, что мы обе вели себя сегодня дурно. Думаю, что во всем виновата я. Хорошо, что Феба ничего не знает, потому как она считает меня идеалом, ведь мы давно живем вдвоем и нам легче находить общий язык друг с другом, когда одна из нас уверена, что другая не может ошибаться. И все-таки я полагаю, что позволила себе рассердиться. Мы больше не станем говорить об этом, Молли, но только расстанемся и

отойдем ко сну друзьями – и всегда будем ими, не так ли, дитя мое? А теперь поцелуй меня, не плачь и вытри глаза. И не забудь погасить свечу.

– Это я во всем виновата, я повела себя недостойно, – заявила Молли, целуя ее.

– Глупости! Не смей мне противоречить! Раз я говорю, что это моя вина, значит, так оно и есть. И я не желаю более слышать об этом.

На следующий день Молли отправилась с мисс Браунинг взглянуть на ремонт, который та затеяла в их доме. На ее взгляд, лучше бы она вообще ничего не меняла. Светло-серые стены столовой, прекрасно гармонировавшие с темно-малиновыми полушерстяными портьерами, казавшимися тонкими, когда они были вычищены от пыли, вдруг обрели сверкающий оранжево-розовый оттенок; а новые занавески были того бледного цвета морской волны, что только-только входил в моду.

– Очень ярко и мило, – выразилась по этому поводу мисс Браунинг.

И Молли, памятуя о клятве в вечной любви и дружбе, не нашла в себе сил возразить ей. Оставалось лишь надеяться, что зеленый и коричневый драгет приглушит и яркость, и «миловидность». Повсюду стояли подмости, и Бетти ругалась на чем свет стоит.

– Давай поднимемся наверх, и ты взглянешь на спальню папы. Сейчас он спит в твоей комнате, чтобы не мешать ремонту.

Молли смутно помнила, как ее привели в эту самую комнату сказать последнее «прости» умирающей матери. Перед ее внутренним взором встало белое постельное белье, белый муслин, обрамляющий бледное и исхудалое лицо с огромными ввалившимися глазами, в которых застыла печаль и страстное желание еще раз прикоснуться к своей маленькой крохе, которую мать уже не могла удержать на ослабевших руках, начавших неметь в предчувствии смерти. Много раз, когда Молли после того печального дня бывала в этой комнате, перед ее глазами вставало то же самое исхудалое печальное лицо на подушке и смутные очертания фигуры матери под простынями. Девочка не страшилась этих видений – напротив, она старалась сохранить их как последнюю память о матери. Глаза ее наполнились слезами, когда она вслед за мисс Браунинг вошла в комнату, чтобы взглянуть на нее в новом свете. Здесь переменялось почти все – местоположение кровати и цвет мебели; теперь тут стоял роскошный туалетный столик со всеми необходимыми аксессуарами, а примитивный комод с зеркалом в раме над ним, который верно служил ее матери на протяжении всей ее недолгой замужней жизни, исчез.

– Видишь, мы стараемся подготовить все, что можно, к приезду дамы, которая много времени проводит в особняке графини, – пояснила мисс Браунинг, уже вполне примирившаяся с женитьбой мистера Гибсона благодаря приятной возможности проявить свои таланты в руководстве ремонтом и заменой мебели, которую она обрела взамен. – Кроумер, обойщик, пытался убедить меня втиснуть сюда софу и письменный стол. Эти люди готовы сослаться на какой угодно писк моды, лишь бы продать что-либо. Но я ответила: «Нет-нет, Кроумер, спальни предназначены для того, чтобы в них спать, а гостиные – чтобы сидеть. Все должно быть по правилам, и не пытайтесь переубедить меня насчет этой ерунды». Моя мать устроила бы нам хорошенькую головомойку, если бы застала днем в спальне. Уличную одежду и прочие штуки мы держали в специальном шкафчике внизу, а для мытья рук было выделено специальное местечко. А что еще требуется днем? Подумать только, засунуть в спальню софу и письменный стол! Никогда не слышала ни о чем подобном. Кроме того, сотни фунтов надолго не хватит. Для твоей комнаты я ничего не смогу сделать, Молли!

– Она мне нравится такой, какая она есть сейчас, – поспешно отозвалась Молли. – В ней почти все осталось в точности так, как было, когда мама жила с моим двоюродным дедушкой. Я бы ни за что на свете не согласилась поменять в ней хоть самую малость. Я люблю ей такой, какая она есть.

– Ну, такая опасность тебе не грозит, поскольку деньги все равно закончились. Кстати, Молли, кто должен будет купить тебе платье подружки невесты?

– Не знаю, – ответила Молли. – Полагаю, что и впрямь буду выступать в роли подружки невесты, но вот насчет платья мне никто ничего не говорил.

– В таком случае я спрошу твоего отца.

– Пожалуйста, не нужно этого делать. Он уже и так наверняка потратил целую кучу денег. Кроме того, я предпочла бы и вовсе не появляться на свадьбе, если бы мне позволили.

– Глупости, дитя мое. О таком событии будет говорить весь город. Ты обязательно должна присутствовать на нем, причем хорошо одетой, хотя бы ради своего отца.

Но мистер Гибсон, как выяснилось, позаботился о платье для Молли, хотя ей самой и не сказал об этом ни слова. Он попросил свою будущую супругу сделать все необходимое, и вскоре из главного города графства прикатила модная портниха с платьем для примерки, которое оказалось настолько простым и элегантным, что сразу же очаровало Молли. Когда оно было уже готово и доставлено домой, Молли устроила приватный показ для обеих мисс Браунинг. Девушка была поражена до глубины души, когда, взглянув на себя в зеркало, заметила перемены, произошедшие в ее внешности. «Пожалуй, меня можно назвать хорошенькой, – сказала она себе, – в этом платье, я имею в виду. Бетти сказала бы: “Одежда красит человека”».

Когда она сошла вниз в своем новом наряде и, слегка зардевшись, представила себя на общее обозрение, ее встретили с неприкрытым восхищением.

– Право слово, я бы не узнала тебя, если бы встретила на улице, – сказала мисс Браунинг, а Молли подумала: «Вот что делает с человеком красивая одежда».

– Она – настоящая красавица, не правда ли, сестрица? – с восторгом произнесла мисс Феба. – Если ты всегда будешь одеваться подобающим образом, то красотой затмишь свою дорогую мамочку, которую мы всегда полагали очень презентабельной.

– Но ты ничуть на нее не похожа. Ты пошла в своего отца, а белый всегда оттеняет смуглый цвет кожи.

– Но разве она не красавица? – стояла на своем мисс Феба.

– И что с того? Такой ее сделало Провидение, а ее заслуги в этом нет. Кроме того, следует отдать должное и портнихе. Какой замечательный индийский муслин! Он наверняка обошелся весьма недешево!

За день до свадьбы мистер Гибсон и Молли отправились в Эшкомб в единственном желтом дилижансе, который имелся в наличии в Холлингфорде. Они должны были стать гостями мистера Престона или, точнее, милорда в Манор-хаус. Особняк вполне соответствовал своему названию, и Молли влюбилась в него с первого взгляда. Выстроенный из камня, с многочисленными фронтонами и сводчатыми окнами, он весь зарос девичьим виноградом и поздними розами. Молли не была знакома с мистером Престоном, который вышел на ступени, чтобы встретить ее отца. С нею же он обращался, как с молодой леди, что она приняла без возражений, хотя и впервые столкнулась с таким поведением – льстивым и кокетливым, – к которому мужчины определенного склада почитают своей обязанностью прибегать, если имеют дело с любой женщиной, коей не исполнилось еще двадцати пяти. Мистер Престон был привлекателен и осознавал это. У него были светлые каштановые волосы и бакенбарды; серые бегающие глаза, опущенные темными ресницами; стройная, мускулистая фигура, за которой он следил, занимаясь спортивными упражнениями, успехи и превосходство в которых прославили его и открыли доступ в высшее общество, куда в противном случае вход ему был бы заказан. Он превосходно играл в крикет и так метко стрелял, что любой дом, желавший похвастать своей охотничьей добычей 12-го³⁷ или 1-го числа, всегда с радостью распа-

³⁷ Двенадцатое августа – начало охоты на куропаток.

хивал перед ним свои двери. В ненастные дни он обучал молодых дам игре на бильярде, но, если требовалось, всегда готов был и сам взять в руки кий для серьезной партии. Он знал наизусть добрую половину частных театральных постановок и был незаменим в организации импровизированных шарад и прочих настольных игр. В тот момент у него имелись веские собственные резоны, чтобы затеять легкий флирт с Молли. Он настолько преуспел в этой забаве с вдовой, когда она впервые приехала в Эшкомб, что решил, будто контраст между ним и ее супругом средних лет, куда менее презентабельным, холемым и симпатичным, окажется настолько разительным, что самолюбие ее будет уязвлено. Кроме того, он воспылал нешуточной страстью к кое-кому еще, тому, кто, увы, будет отсутствовать, и ему необходимо было скрыть эту страсть. Все это вместе подвигло его всецело посвятить себя Молли – «крошке Гибсон», как он называл ее про себя, – даже если бы она оказалась решительно непривлекательной, на протяжении следующих шестнадцати часов.

Хозяин пригласил их в гостиную, обшитую деревянными панелями, где в камине потрескивал и жарко пылал огонь, а малиновые занавеси надежно отгораживали комнату от угасающего дня и холода за окнами. Стол был накрыт к обеду; наличествовали белоснежная скатерть, ярко начищенное серебро, сверкающие бокалы, вино и осенний десерт на буфете. Тем не менее мистер Престон рассыпался перед Молли в извинениях за свой холостяцкий быт и тесную комнату, поскольку большая столовая уже была ангажирована его экономкой для приготовлений к завтрашнему торжественному ленчу. Затем он позвонил в колокольчик, вызывая служанку, которая должна была препроводить Молли в ее спальню. Комната оказалась уютной и комфортабельной: в камине жарко пылал огонь, на туалетном столике горели свечи, белоснежную кровать окружал темный шерстяной полог, и повсюду были расставлены огромные китайские вазы.

– Это комната миледи Гарриет, когда ее милость приезжает в Манор-хаус вместе с милордом, – пояснила горничная, вздымая тысячи сверкающих искр хорошо поставленным ударом по тлеющему полену. – Помочь вам раздеться, мисс? Я всегда помогаю ее милости.

Молли, сознавая, что кроме того, что сейчас надето на ней, у нее имеется лишь платье белого муслина на свадьбу, отпустила славную женщину, испытывая огромное облегчение, оттого что наконец-то осталась одна.

Значит, это называется «обедом»? Да ведь уже почти восемь часов вечера, и об эту пору приготовления ко сну казались куда естественнее, нежели переодевание к приему пищи. Впрочем, вся процедура свелась у нее к тому, что она попыталась прикрепить алую дамасскую розу к лифу своего жесткого серого платья, выбрав ее из букета осенних цветов, стоявших на туалетном столике. Затем она попробовала воткнуть еще одну розу в свои черные волосы, как раз над самым ухом; получилось весьма недурно, но слишком уж кокетливо, решила Молли и вернула цветок обратно в букет. Казалось, панели темного дуба, которыми были обшиты стены дома, светятся в теплом мерцании, исходящем от камина; огонь был зажжен во многих комнатах, в холле и даже на лестничной площадке. Мистер Престон, должно быть, услышал ее шаги, поскольку встретил ее в холле и провел в небольшую гостиную, где с одной стороны виднелась закрытая двустворчатая раздвижная дверь, ведущая в большую гостиную, как объяснил он ей. Комната, в которую она вошла, немножко напомнила ей Хэмли – желтая атласная обивка, бывшая в моде лет семьдесят или даже сто тому назад, тщательно ухоженная и безукоризненно чистая; большие шкафы красного дерева с резными вставками-инкрустациями и китайские кувшины, источающие пряные ароматы; огромный камин, в котором жарко пылал огонь. Перед ним в утреннем платье стоял отец, серьезный и задумчивый; в этом расположении духа он пребывал весь день.

– Леди Гарриет использует эту комнату, когда приезжает сюда погостить с отцом на денек-другой, – пояснил мистер Престон.

Молли поспешила на помощь отцу, избавляя его от необходимости поддерживать разговор.

– Она часто бывает здесь?

– Нет, нечасто. Но я полагаю, что, когда она приезжает сюда, ей здесь нравится. Быть может, так она отдыхает от более чопорного и официального образа жизни, который ей приходится вести в Тауэрз.

– По-моему, здесь очень приятно останавливаться, – заметила Молли, вспоминая ощущение мягкого и теплого уюта, который буквально излучал особняк. Но, к некоторому ее разочарованию, мистер Престон принял комплимент на свой счет.

– Я боялся, что такая молодая леди, как вы, непременно обратит внимание на все несообразности холостяцкого быта. Я чрезвычайно вам признателен, мисс Гибсон. По большей части я живу в той комнате, в которой мы будем обедать. А еще у меня есть нечто вроде агентской конторы, где я храню книги и бумаги и принимаю деловых посетителей.

Они перешли к обеду. Молли сочла, что все подаваемые блюда просто восхитительны и приготовлены безупречно; но они, похоже, отнюдь не удовлетворили мистера Престона, который несколько раз извинился перед своими гостями за плохое приготовление одного блюда и отсутствие нужного соуса в другом. При этом он постоянно ссылаясь на свой холостяцкий быт, холостяцкое то и холостяцкое это, пока Молли более не могла без раздражения слышать это слово. Угнетенное расположение духа, в котором пребывал отец, храня угрюмое молчание, внушало девушке серьезное беспокойство, тем не менее она старалась скрыть это от мистера Престона, продолжая болтать напропалую на протяжении всего вечера и старательно избегая перехода на личности, к чему упорно стремился мистер Престон. Она не знала, когда ей следует оставить джентльменов, но отец подал ей знак, и мистер Престон сопровождал ее обратно в желтую гостиную, попутно многословно извиняясь за то, что оставляет ее одну. А она, против его ожиданий, прекрасно провела время, получив наконец возможность невозбранно обойти всю комнату и во всех подробностях рассмотреть диковинки, которыми та изобилвала. Среди прочего ее внимание привлек застекленный шкафчик в стиле Людовика XV с эмалевыми миниатюрами, которыми была инкрустирована ценная древесина. Она поднесла к нему свечу и принялась внимательно изучать их лица, когда в комнату вернулись отец и мистер Престон. Отец по-прежнему выглядел озабоченным и уставшим; подойдя к дочери, он похлопал ее по спине, взглянул на то, что привлекло внимание Молли, и молча отошел к камину. Мистер же Престон взял свечу у нее из рук и с самым галантным видом предоставил себя в полное ее распоряжение.

– Говорят, что вот это – мадемуазель де Сент-Квентин, первая красавица при французском дворе. А вот это – мадам дю Барри. Вы не замечаете сходства между мадемуазель де Сент-Квентин и кем-либо из своих знакомых? – Он заговорщически понизил голос, задавая свой вопрос.

– Нет! – ответила Молли, внимательно глядя на миниатюру. – Я еще никогда не видела женщины, и вполнину настолько красивой.

– Но неужели же вы не видите сходства, особенно в том, что касается глаз? – с некоторым нетерпением повторил он.

Молли изо всех сил попыталась разглядеть хоть какие-нибудь общие черты, но вновь потерпела неудачу.

– Она неизменно напоминает мне о... мисс Киркпатрик.

– В самом деле? – с любопытством воскликнула Молли. – О! Какая приятная неожиданность, ведь я никогда не видела мисс Синтию Киркпатрик, поэтому и не могла заметить их сходства. А вы, получается, знакомы с ней, не так ли? Расскажите мне о ней, если вам нетрудно.

Он замялся на мгновение, а потом улыбнулся, прежде чем заговорить.

– Она очень красива. Вот что я имею в виду, когда говорю, что эта миниатюра не может сравниться с ней красотой.

– А кроме того? Прошу вас, продолжайте.

– Что вы имеете в виду под «кромe того»?

– Полагаю, она очень умная и образованная?

Молли, честно говоря, хотела спросить совсем не об этом, но выразить словами всеобъемлющий интерес было чрезвычайно сложно.

– Естественно, она умна и добилаcь впечатляющих успехов в учебе. Но при этом она обладает таким очарованием, в свете которого вы просто забываете о том, кто она такая. Вы спрашиваете меня, мисс Гибсон, и я даю вам честный ответ, в противном случае я бы никогда не осмелился развлекать одну молодую леди, расточая похвалы другой.

– Не вижу причины, почему бы и нет, – возразила Молли. – Кроме того, если вы обычно не делаете этого, то в моем случае просто обязаны. Вы, быть может, этого не знаете, но по окончании школы она переезжает жить к нам, а ведь мы с нею – практически ровесницы, так что у меня появится сводная сестра.

– Она будет жить с вами, говорите? – переспросил мистер Престон, для которого подобное известие явно было в новинку. – А когда она должна закончить школу? Я полагал, что уж на свадьбе-то она будет присутствовать наверняка, но мне сказали, что она не приедет. Когда она заканчивает учебу?

– По-моему, на Пасху. Вы же знаете, что она учится в Булони, но расстояние слишком велико, чтобы она поехала одна. В противном случае папа очень хотел бы, чтобы она присутствовала на свадьбе.

– А ее мать воспротивилась этому, насколько я понимаю?

– Нет, дело не в ее матери. Французская директриса сочла это нецелесообразным.

– Это почти одно и то же. Значит, после Пасхи она вернется и поселится у вас?

– Полагаю, что так. Какая она, серьезная или веселая?

– Насколько я мог судить, она никогда не бывает серьезной. Я бы назвал ее искрящейся. Вы не переписываетесь с нею? Если да, то напомните ей обо мне, прошу вас, и скажите, что мы разговаривали о ней, – вы и я.

– Нет, я с нею не переписываюсь, – коротко и сухо ответила Молли.

Подали чай; вскоре после этого все разошлись по своим комнатам готовиться ко сну, и Молли услышала, как отец удивленно воскликнул при виде разожженного камина в своей спальне. А затем до нее донесся голос мистера Престона:

– Я льщу себя мыслью, что умею получать удовольствие от всех земных благ или же обходиться без таковых при необходимости. Леса милорда изобильны, и я наслаждаюсь теплом очага в своей спальне девять месяцев в году. При этом я могу путешествовать по Исландии, не трясаясь от холода.

Глава 14. Молли берет под покровительство

Свадьба прошла именно так, как и проходят подобные мероприятия. Из Тауэрз приехали лорд Камнор и леди Гарриет, и ради такого случая церемония была отложена, елико возможно. Лорд Камнор исполнял обязанности отца невесты и пребывал в куда более приподнятом и откровенно радостном настроении, чем жених и невеста, вместе взятые. Леди Гарриет выступила в роли самозванной подружки невесты, «чтобы помочь Молли справиться со своими обязанностями», как выразилась она сама. Из Манор-хауса в церковь в парке они отправились на двух экипажах, мистер Престон и мистер Гибсон – в одном, а Молли, к вящему своему разочарованию, оказалась вместе с лордом Камнором и леди Гарриет в другом. Платье белого муслина леди Гарриет уже пережило один или два пикника в саду и пребывало отнюдь не в лучшем виде; то, что молодая леди в самый последний момент остановила на нем свой выбор, можно было назвать только капризом и никак иначе. Она была весела и без конца порывалась разговорить Молли, дабы уяснить для себя, кто же достался Клэр в качестве будущей падчерицы. Она начала с того, что заявила:

– Надо постараться не помять твое замечательное муслиновое платье. Расправь его так, чтобы подол ложился папе на колени, он не станет возражать.

– Что, моя дорогая, белое платье?.. Нет, конечно, не стану. Оно мне нравится. Кроме того, какие могут быть возражения, когда мы едем на свадьбу? Вот если бы мы собрались на похороны, тогда другое дело.

Молли честно попыталась понять, что же он имеет в виду, но прежде чем ей это удалось, леди Гарриет заговорила вновь, перейдя прямо к сути дела, как делала всегда, неизменно ставя это себе в заслугу.

– Как мне представляется, этот второй брак твоего отца стал для тебя нелегким испытанием, но ты сама убедишься, что Клэр – самая дружелюбная и приятная женщина на свете. Она всегда позволяла мне поступать по-своему, и я не сомневаюсь, что и с тобой будет то же самое.

– Я намерена очень постараться полюбить ее, – негромко ответила Молли, глотая слезы, которые сегодня утром то и дело наворачивались у нее на глаза. – Но пока что я ее почти не видела.

– Ну, пожалуй, это самое лучшее, что могло с тобой случиться, дорогуша, – встрял в разговор лорд Камнор. – Ты взрослеешь и становишься молодой леди, и очень красивой молодой леди, если старику будет позволено высказать свое мнение. И кто лучше супруги твоего отца подходит для того, чтобы вывести тебя в свет, представить обществу, возить на балы и все такое прочее? Я всегда говорил, что нет ничего лучше брака, который должен состояться сегодня. Причем для тебя он куда выгоднее, чем для жениха с невестой.

– Бедное дитя! – промолвила леди Гарриет, заметив выражение смутения и страха, появившееся на лице Молли. – Сейчас ей не до балов. Но ведь ты бы хотела подружиться с Синтией Киркпатрик, не так ли?

– О да, очень, – просветлев, призналась Молли. – А вы знакомы с нею?

– Я часто видела ее, пока она была маленькой, и пару раз после того, как она выросла. Она – настоящая красавица, а в глазах у нее пляшут бесенята, если я не ошибаюсь. Но когда она гостила у нас, Клэр держала ее в ежовых рукавицах. Полагаю, она опасалась, что девочка причинит нам беспокойство.

Прежде чем девушка успела задать свой следующий вопрос, они подъехали к церкви. Молли и леди Гарриет прошли к скамье у самой двери, дабы подождать невесту, вслед за которой они и должны были подойти к алтарю. Граф отбыл за невестой в одиночестве, дабы привезти ее из собственного дома, до которого было не более четверти мили. Невеста была

чрезвычайно довольна тем, что к брачному алтарю ее ведет не кто-нибудь, а сам граф, а его дочь выступает в роли добровольной подружки невесты. Осыпаясь такими знаками внимания, которые доставляли ей истинное удовольствие, и готовясь выйти замуж за мужчину, который ей нравился по-настоящему и который должен был содержать ее, не требуя никаких усилий с ее стороны, миссис Киркпатрик выглядела сияющей, счастливой и очень красивой. И лишь при виде мистера Престона на лицо ее набежала тучка, а неизменная очаровательная улыбка вдруг показалась вымученной, когда управляющий двинулся за мистером Гибсоном. Но на лице мистера Престона не дрогнул ни один мускул; он отвесил ей чопорный поклон, после чего обратился в слух, сосредоточившись на торжественном богослужении. Десять минут спустя все было кончено. Жених и невеста вдвоем укатили в экипаже в Манор-хаус, мистер Престон отправился туда пешком, выбрав наиболее короткий путь, а Молли вновь оказалась в карете с милордом, довольно потирающим руки и ухмыляющимся, и леди Гарриет, которая пыталась проявить доброту и утешить девушку, хотя наилучшим поведением с ее стороны стало бы молчание.

К своему огорчению, Молли выяснила, что вечером ей предстоит вернуться в Тауэрз опять-таки в обществе лорда Камнора и леди Гарриет. Тем временем у лорда Камнора обнаружились какие-то дела с мистером Престоном, и после того, как счастливая пара укатила в свадебное путешествие, которое должно было продлиться неделю, Молли поняла, что ей предстоит остаться наедине с внушительной и грозной леди Гарриет. Итак, избавившись от остальных, они остались одни, и леди Гарриет в неподвижности уселась у камина, отгородившись от него ширмой и пристально глядя на Молли. Девушка сознавала, что ее разглядывают, и уже набралась мужества, чтобы ответить своей компаньонке тем же, когда леди Гарриет неожиданно заговорила:

– Ты мне нравишься, ты похожа на необъезженную лошадку, и мне хотелось бы приручить тебя. Иди сюда и присядь вот на этот табурет. Как тебя зовут? Или, точнее, как тебя называют, как выражаются северяне?

– Молли Гибсон. Хотя мое настоящее имя – Мэри.

– Молли – славное и спокойное имя. Люди в прошлом не боялись давать домашние имена, это теперь мы стали такими умными и утонченными: больше никаких «леди Бетти». Иногда я просто диву даюсь, отчего до сих пор не переименовали всю камвольную ткань и хлопчатобумажную пряжу, которая названа в ее честь. Нет, только представь себе: ситец «леди Анна-Мария» или гребенная шерсть «леди Констанция».

– А я и не знала, что были такие бумажные нитки «леди Бетти», – сказала Молли.

– Это лишний раз доказывает, что ты не увлекаешься вышивкой! Хотя Клэр непременно приучит тебя к этому занятию. Меня она заставляла вышивать одну сценку за другой: рыцари преклоняют колена перед дамами, невероятные цветы, которых не бывает в действительности. Впрочем, надо отдать ей должное: когда мне надоедало, она заканчивала их сама. Хотела бы я знать, сумеете ли вы поладить друг с другом?

– Я тоже! – тихонько вздохнула Молли.

– Долгое время я полагала, будто манипулирую ею, пока в один прекрасный день в голову мне не закралось ужасное подозрение, что все это время она манипулировала мной. Собственно, позволить управлять собой достаточно легко, во всяком случае, до тех пор, пока не осознаешь этого, после чего этот процесс становится забавным, если принять в нем участие.

– Я бы не хотела, чтобы мной манипулировали, – с негодованием заявила Молли. – Я постараюсь не огорчать ее ради папы, если только она скажет мне прямо и откровенно, чего от меня хочет. Но мне ужасно не понравилось бы, если бы меня попытались втянуть во что-либо обманом.

– А вот я, – заявила в ответ леди Гарриет, – слишком ленива, чтобы избегать ловушек. К тому же меня привлекают хитроумие и изящество, с которыми они бывают расставлены. Но при этом я, разумеется, отдаю себе отчет в том, что, приложив некоторые усилия, легко могу разорвать путы, коими меня стараются связать. Хотя тебе, скорее всего, это не удастся.

– Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, – сказала Молли.

– Пустяки, не обращай внимания. Пожалуй, это и к лучшему, что ты ничего не понимаешь. Мораль всего того, что я тебе наговорила, можно выразить следующей фразой: «Будь хорошей девочкой, не упрямься, и тогда твоя мачеха окажется милейшим созданием». Не сомневаюсь, что ты прекрасно с нею поладишь. А вот сумеешь ли ты подружиться с ее дочерью – другой вопрос. Впрочем, я надеюсь, что все у вас будет в порядке. А сейчас мы позволим, чтобы нам подали чай. Полагаю, сегодняшний обильный завтрак призван заменить и ленч.

В эту самую минуту в комнату вошел мистер Престон, и Молли про себя подивилась тому, с какой холодностью леди Гарриет отпустила его, вспомнив при этом, как он намекал на близкую дружбу с ее милостью давеча за обедом.

– Терпеть не могу подобных типов, – обронила леди Гарриет, когда мистер Престон не успел еще даже выйти из комнаты, – корчит из себя галантного кавалера, когда от него требуется лишь просто уважение. Я с удовольствием готова поговорить с любым из работников моего отца, а вот в общении с такими невоспитанными хлыщами превращаюсь в настоящую мегеру. Как же ирландцы называют подобных субъектов? По-моему, у них есть для них какое-то замечательное слово. Ты, случайно, не помнишь?

– Не знаю, никогда не слышала ни о чем подобном, – призналась Молли, чуточку стесняясь своего невежества.

– Ага! Это значит, что ты никогда не читала истории мисс Эджуорт³⁸, правда? Иначе ты бы непременно вспомнила, что такое слово есть, пусть даже и не смогла бы назвать его. Если ты не читала ее рассказов, то они именно то, что нужно, дабы скрасить одиночество, – высокоморальные и оптимистические, но при этом достаточно интересные. Я дам их тебе почитать, чтобы не было скучно одной.

³⁸ Эджуорт Мария (1767–1849) – английская (ирландская) писательница, эссеист и публицист. Одно из самых знаменитых ее произведений – «Повести из светской жизни».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.